

ГОРОД

СТАВРОПОЛЬ — НА — ВОЛГЕ
ТОЛЬЯТИ

ВАДИМ ЛЕВАНОВ

ПЬЕСЫ И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ "ГОРОД"

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 4
ISBN - 85234-164-0

Вадим ЛЕВАНОВ.
ПЬЕСЫ И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ «ГОРОД».

Литературное агентство В. Смирнова, –
Тольятти, 2013. – 280 с., 16 с. вкл.: ил.

© В. Леванов (наследники), 2013
© В. Смирнов, фото, 2013
© М. Шляпина, графика, 2013
© Литературное агентство В. Смирнова, составление, макет, 2013

МЫ БЫЛИ РЯДОМ

Пьесы и рассказы Вадима Леванова, изданные в этой книге, в свое время были опубликованы на страницах тольяттинского литературного журнала «Город» – в период с 2000 по 2011 годы. В нынешнем сборнике мы решили ограничиться именно подборкой авторизованных текстов, впервые увидевших свет в рамках нашего периодического литературного издания. Скорее всего, ряд произведений будут не знакомы широкому читателю, поскольку известность приобрели именно те пьесы Вадима Леванова, постановки которых были осуществлены в различных российских театрах, а также фигурировали в программах российских и зарубежных театральных фестивалей. Разным текстам автор придавал разное значение. Но нам показалось любопытным взглянуть на творчество Вадима Леванова именно с этой стороны.

Самое первое произведение Леванова, опубликованное на страницах журнала «Город», вышло в № 2 за 2000 год. Это была его ранняя пьеса «Шкаф». Последнее прижизненное произведение вышло в № 31 за 2011 год: «Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание». Журнал вышел в ноябре 2011 года, я пару раз связывался с Вадимом по телефону, предлагая завезти ему авторские экземпляры, но он уже тактично избегал личных встреч. И, наконец, пьеса «Геронтофобия», вышедшая в № 32 за 2012 год, опубликована уже посмертно: Вадим Леванов передал нам ее для публикации еще летом 2011 года, но из-за собственной нерешительности мы отложили публикацию «до лучших времен». Лучших времен не настало.

Хочу обратить внимание еще на один момент, связанный с публикацией произведений в рамках журнала «Город»: преимущественно мы просим авторов предоставить свои работы, ранее не опубликованные в иных источниках. Те же требования мы предъявляли и Вадиму Леванову. В итоге – концепция нынешнего сборника нам кажется вполне оправданной.

С первого номера и до самого последнего момента Леванов входил в редакционную коллегию журнала «Город»: сведения об этом можно обнаружить в выходных данных на самой первой странице издания. Мало того: первые десять номеров журнала сверстаны лично им! И еще около пяти выпусков – совместно с редактором издания Владимиром Мисюком. Кроме того, Вадим несистематически, но все же принимал участие в формировании редакционного портфеля, предлагая для публикации произведения своих коллег-драматургов. Был членом жюри городского конкурса «Молодые литераторы Тольятти»: в 2009 году готовил для спецвыпуска журнала драматургический блок молодых авторов.

Вообще, мое книгоиздательское сотрудничество с Вадимом Левановым было заметно шире рамок журнала «Город». С конца 1990-х и по начало 2000-х годов им были сверстаны все книги моего Литературного агентства. Был у нас и ряд совместных проектов, где мы выступали

соавторами. Первый проект был осуществлен в 1997 году: в книгу «Одиноким русский писатель» мы включили всю свою небольшую компанию по Литинституту. В 2001 году в моем издательстве вышла книга Вадима Леванова с простым названием «Пьесы», куда вошли его произведения, написанные до 1999 года. Также в 2001 году нами был выпущен первый номер литературно-театрального вестника «Драма Поволжья», где, как предполагалось, должны были периодически публиковаться местные драматурги. К сожалению, проект не получил развития. Но это – далеко не полный перечень сборников и альманахов моего издательства, на страницах которых выходили произведения Вадима Леванова.

Самым заметным нашим проектом стал альманах «Майские чтения», выходивший с 1999 года. Название он получил от одноименного тольяттинского фестиваля, арт-директором которого Вадим Леванов был с 1999 по 2007 годы. В выходных данных альманаха «Майские чтения» я указан как учредитель и как редактор издания. Да, юридически я был и оставался учредителем издания. А вот редакционная политика происходила на основе некоего симбиоза: в некоторых выпусках преобладало мое участие, а в каких-то номерах превалировало влияние Вадима – все зависело от конкретного проекта. К сожалению, со временем стабильная периодичность издания сошла на нет. Проще говоря: сейчас ничего, кроме регистрационного удостоверения, уже не существует. История обычная: несистематическое финансирование из непостоянных источников наложило на возникшие противоречия между нами и рядом участников проекта, оставшихся за кадром.

Для нас было важно показать одну из ипостасей Вадима Леванова – быть может, не знакомую тем, кто был рядом с Вадимом последние несколько лет. Нас объединяли не только общее студенческое прошлое, не только общность интересов, но и банальные технологические и производственные вопросы. А это уже не только дружеские отношения.

Наш очередной издательский проект мы затеяли в декабре 2010 года. Было множество встреч, мы неоднократно созванивались и обсуждали этот проект, переписываясь в интернете в социальных сетях. Последний раз к этой теме мы возвращались в июле 2011 года. Речь шла о новой книге Вадима Леванова, в которую вошли бы произведения, написанные им в 2000 годы. Обсуждая содержательную часть проекта, мы говорили примерно о 15-и произведениях. Вадим сообщил мне, что набросок новой книги он уже сделал. Возможно, эта незаконченная работа где-то хранится в его электронных архивах, как знать.

Вячеслав СМЕРНОВ

ШКАФ

ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОНА

ОН

СТАРУХА

ШПОЛЯНСКИЙ

МУЖЧИНА

С ОКРОВАВЛЕННОЙ ГОЛОВОЙ

ДИРИЖЕР

МУЗЫКАНТЫ

...Шкаф сделан ровно сто лет назад! А! Каково?

А.П. Чехов «Вишневым сад»

Просторная комната с высокими потолками, ободранными, вылинявшими обоями на стенах. Слева дверь в коридор. Комната совершенно пустая, если не считать огромного старинного платяного шкафа, стоящего посередине этой комнаты, под потолком которой – перегоревшая лампочка на длинном шнуре. Шкаф темного благородного дерева, с большим, в рост человека, вделанным в дверку зеркалом, треснувшим и помутневшим от времени. Большие окна комнаты сейчас открыты и за ними, не смотря на ранний вечер, уже горят фонари.

Перекрывая пронзительно-звенящую мелодию далекого трамвая, совсем рядом, за окнами возникает звук подбегавшей машины. Через некоторое время – шаги в коридоре, дверь в комнату открывается, входят Он и Она. Они несут круглый стол, ставят его, осматриваются.

ОН. Вот.

ОНА. И это, по-твоему, рай? А ты – атташе?

ОН. Ага. *(Выходит и тут же возвращается с двумя стульями, чемоданом и сумками.)* Остальное завтра. Я договорился.

ОНА. Пещера! Вигвам! А туалет где? За чумом?

ОН. Черт.

ОНА. Что?

ОН *(указывает на шкаф)*. Они забыли здесь эту рухлядь.

ОНА. Они не забыли. Они назло. Свет-то хоть есть?

ОН. Посмотрим. *(Шарит по стенам, ищет выключатель, находит, щелкает.)* Так... Света нет.

ОНА. Это они назло... Лампочки – дефицит...

ОН. Ладно, сейчас принесу.

ОНА. Свечку?

ОН. Лампочку.

ОНА. Где ты ее возьмешь?

ОН. Выверну в подъезде. *(Выходит.)*

ОНА. Браво! (*Ходит по комнате, меряет ее шагами, считает вслух.*) Раз, два, три, четыре... Пять... Вышел зайчик погулять... Да... (*Подходит к окну.*) И стекло разбито. Это они назло.

ОН (*возвращается*). Черт!

ОНА. Что?

ОН. Обжегся, когда выворачивал! (*Достает лампочку из кармана.*)

ОНА. Больно? (*Подходит к Нему.*)

ОН. Ага.

ОНА. Бедный, хочешь, я тебя поцелую.

Он обнимает Ее. Она шутливо целует его в щеку, слышится хруст, из Его руки сыплются осколки лампочки.

ОН (*вскрикивает*). Черт!

ОНА. Что с тобой?

ОН (*Показывает руку*). Вот... Сжал руку...

ОНА. Какой ты...

ОН (*целует Ее*). Ты меня любишь?

ОНА. Ты поранился?

ОН (*целует*). Ерунда!

ОНА. Ты опять пойдешь воровать лампочку?

ОН. Ага. (*Пытается растянуть платье.*)

ОНА. Не надо.

ОН. Почему?

ОНА (*отстраняется*). А где мы будем спать?

ОН. Принесу раскладушку. Остальное завтра. Я договорился.

ОНА. Раскладушку?... Это забавно...

ОН. Тебе нравится здесь?

Пауза.

Я сейчас! (*Выходит.*)

Она делает несколько шагов по комнате, застегивает платье, обрывает свисающий кусок обоев, подходит к шкафу. Он возвращается с раскладушкой и лампочкой.

ОНА. Обжегся?

ОН. Тряпкой обернул.

ОНА (*открывает дверцу шкафа*). О-о-о! Посмотри!.. Они забыли одежду.

ОН (*разложил раскладушку*). Какую одежду?

ОНА. Полный шкаф всякой дребедени! (*Достает из шкафа старинное, страшно красивое платье.*) Да... Интересно... Сколько этому шкафу лет?

ОН. Может сто, может меньше. (*Вдруг.*) «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет... направлено... было направлено к... светлым идеалам добра, справедливости...» (*Обнимает Ее.*) Чехов. «Вишневый сад». Этот говорит... фамилию его забыл...

ОНА (*удивлена*). Какой ты...

ОН. Какой? Это я в театре монтировщиком три месяца... Они там все время эту постановку играли... (*Пытается поцеловать Ее.*)

ОНА (*уворачивается*). Отпусти. Не надо.

ОН. Почему?

ОНА (*освобождается от Его объятий, достает еще что-то из шкафа, рассматривает*). Прелесть какая!

Пауза.

ОН. Не лень тебе копаться в этом старье?.. Завтра они явятся за своим бараклом.

ОНА. Ты не мог бы вернуть, наконец, лампочку?

ОН. Сейчас. (*Придвигает стол, ставит на него стул, влезает, возится с лампочкой.*)

ОНА. Какие вещи!.. Умели раньше одеваться... (*Прикидывается на себя платье, смотрится в зеркало.*)

ОН. Их, наверное, моль сожрала.

ОНА. Сделай, пожалуйста, свет!.. Слушай! А можно сделать так... Если они завтра явятся, то... ты скажешь, что мы этот шкаф выкинули... Можно его выбросить?

ОН. Черт! Дело не в лампочке!

ОНА. Я спрашиваю, можно выбросить шкаф?!

ОН. Зачем?

ОНА. Я так хочу.

ОН. Вся штука, как его вынести. Такой гроб! (*Слезает.*)

ОНА. Что со светом?

ОН. Дело не в лампочке...

ОНА. Ясно. В этой пещере мы будем сидеть без света. (*Бросает платье на стол, закрывает шкаф, отходит к окну.*)

ОН. Может, проводка...

ОНА. Дай сигарету!

Он подходит, дает сигарету, чиркает спичкой. В это время дверка шкафа со скрипом открывается и оттуда вылезает Ста-

руха в кружевном нижнем белье. Старуха подходит к столу, придвигает стул, садится и начинает раскладывать пасьянс.

Пауза.

ОН. Так.

ОНА (*сдавленным шепотом*). Это приведение? Боже мой! Привидение!

ОН. Так... Спокойно... (*Старухе.*) Эй!.. Бабуля!..

Старуха не реагирует.

Эй!.. Ты... Глухая?.. Эй!.. Слышь?

Старуха продолжает раскладывать пасьянс.

Бабуля! Эй! (*Ей.*) Глухая она!

СТАРУХА (*поднимает голову, смотрит на Него*). Помру я скоро. (*Продолжает раскладывать карты.*) Помру. (*Смотрит на Нее.*) А ты? С ним? Ноги болят... У меня шишки на ногах... Пять шагов пройду, и ноги отнимаются... (*Ей.*) А ты... что?.. В тяжести? (*Пауза. Ему.*) А ты кто?

ОНА. Это не приведение.

СТАРУХА. Не хочет Господь принять... (*Раскладывает карты.*) Грехи. Я спать совсем не могу... (*Пауза.*) Может, я уже померла? (*Ему.*) А ты – кто?

ОН. Ты... откуда тут... бабуля?

СТАРУХА. Мы свое отжили... Пора и честь знать... Тепер вы живите... По любви живите...

ОНА. Это они! Они!

ОН. Ты что? Что – они? Старуху в шкаф затолкали и бросили, что ли?

ОНА. Они назло... Ой, смотри!..

Старуха костлявым, крючковатым пальцем манит Его.

ОН. Меня, что ли?

СТАРУХА. Поди, поди сюда...

Он неуверенно подходит.

Хочешь, погадаю тебе? (*Улыбается пустым ртом.*)

ОН. Зачем?

ОНА. Не спорь с ней, слышишь?!

СТАРУХА (*мелко трясет головой, раскладывает карты*). Вот... Смотри... Девятка червовая, тройка бубновая... (*Поднимает карту, показывает.*) Свидание, разговор... Опять пустой разговор... Одни разговоры пустые... Валет крестовый... Известие какое-то... (*Улыбается, показывает карту.*) Семерка червовая... Хлопоты пустые... Смотри: тройка бубновая, семерка червовая, туз крестовый! (*Поднимает карту, смотрит на Него.*) Туз крестовый... Так. Тройка червовая, семерка крестовая... дама пиковая... Дама пиковая! (*Поднимает карту, смотрит на Нее.*) А ты? Что? Беременная? (*Пауза. Смешивает карты. Ему.*) Ты кто?

ОНА (*взволнованно*). Что она говорит?

ОН. А черт ее разберет!

СТАРУХА. Тьфу! Ирод! Не поминай его к вечеру! (*Швыряет карты Ему в лицо.*) Ты кто? Кто?! (*Резко отодвигает стул, встает, уходит в шкаф, закрывает дверь.*)

Продолжительная пауза.

ОН. Та-ак! (*Достает сигареты, прикуривает.*)

ОНА. Что... Что это?... Что это было?... Что?! Кто она?... Дай сигарету! (*Замечает в своих пальцах потухшую сигарету.*) Кошмар!

Он осторожно подходит к шкафу, резко распахивает дверь. Она вскрикивает. Шкаф пуст. Короткая пауза.

Что ты собираешься делать?

ОН. Что делать?... С чем?

ОНА. Кошмар!

ОН. Что – кошмар? Я не понял?

ОНА. Какой ты!.. Чего ты не понял? Нужно выкинуть этот шкаф! Сейчас же! Немедленно!

ОН. Легко сказать... Таковую колоду!

ОНА. А что ты предлагаешь? Оставить его здесь? Посреди комнаты?! Чтобы эта старуха... Чтобы она... Чтобы я... (*Всклипывает.*)

ОН. Ну ладно тебе... (*Рассеянно поднимает с пола карту, рассматривает.*)

ОНА. Господи! Что же это такое? Я ухожу... (*Тушит окурок о подоконник.*) Все! Я ухожу!

ОН (*привлекает Ее к себе, гладит по волосам, ласково успокаивает*). Ну, что ты, в самом деле... Ну...

ОНА (*уткнувшись в Него лицом*). Я боюсь! Понимаешь?! Эта комната... Этот шкаф...

ОН. Все будет хорошо... Нам тут будет хорошо... Я тебя люблю.

ОНА (*не сразу*). У тебя бывает ощущение... Вот когда приходишь туда, где никогда раньше не был... что все уже видел... раньше... Когда-то давным-давно...

ОН (*улыбается*). Сто лет назад?

ОНА. Мне кажется, что я когда-то уже была в этой комнате... Давно... Именно в этой... И я все помню... Этот шкаф... Я его боюсь...

ОН. Мы его выбросим. Все будет хорошо. Тебе нравится здесь?.. Квартира в центре, в старом доме, как ты хотела... Я все здесь сделаю! Я сказал! Посмотри, какие потолки! Тебе нравится здесь?

ОНА. Здесь слишком темно.

Вдруг ярко вспыхивает лампочка.

ОН. Так...

ОНА. Что – «так»? Что – «так»? (*Отстраняется от Него.*)

ОН. Дело не в проводке.

ОНА. Да? И как ты догадался?

ОН. Может, свет отключали, а теперь включили?..

ОНА. Ты что, действительно такой?

ОН. Какой?

Пауза.

ОНА (*подходит к шкафу, осторожно, с опаской, приоткрывает его*). Ой! Боже мой! Посмотри!.. Опять...

Шкаф вновь полон вещей.

ОН. Та-ак!

ОНА. Полтергейст! Вот это да! (*Достает из шкафа шубу.*) Ущипни меня!

ОН. Зачем?

ОНА. Натуральная лиса! Кошмар!

ОН (*рассеянно*). Натуральная?

ОНА. Чернобурка! Красота какая!

ОН. А может, нам показалось?.. Может, померещилась нам эта... старушка?!

ОНА. Песец!

ОН. Какой песец?

ОНА. Серебристый песец! Кошмар! Нет! Может я – сплю?
(*Достает что-то еще.*)

ОН. Нафталином пахнет... Воняет просто... У меня аллергия на нафталин. На нафталин и на конский волос. Сразу все тело начинает зудеть... (*Указывает на шубу.*) А эта из кого? Из кошки?

ОНА. По-моему, это – бобер. Это – мужская. (*Отдает Ему мужскую шубу, примеряет песца.*) Как тебе? По-моему, из лисы лучше? (*Снимает песца, надевает лису.*) Я хочу – посмотреть! (*Закрывает дверцу шкафа, рассматривает себя в зеркале. Помолчав, задумчиво.*) Интересно... кто смотрелся в это зеркало раньше... Сто лет назад?

Пауза.

ОН. Сколько это стоит?

ОНА. Тысяч тридцать-сорок... А что?

ОН. Ничего. (*Рассматривает шубу.*) А эта сколько может стоить?

ОНА. Не знаю. Что ты хочешь сказать?

ОН. Я?.. Так... Ничего... Просто я... (*Помолчав.*) Нет! Этого не может быть! Сначала плагья какие-то! Потом – старуха! Теперь – эти меха! Ты понимаешь?! Но главное-то – старуха-то, старуха-то! А?!

ОНА. Что ты орешь? Что – «старуха»? Что ты предлагаешь? Что? Я не понимаю – чего ты хочешь?

ОН. Ничего я не предлагаю. Ничего я не хочу!

Пауза.

А когда ты в первый раз туда залезала... Там эти шубы были? Ты не помнишь?

ОНА. Дай сигарету.

ОН. Не помнишь? (*Помолчав.*) Ты слишком много куришь... Не надо больше... (*Дает Ей сигарету.*)

Она отходит к окну.

(*Напяливает шубу.*) На кого я похож? На иностранца?

ОНА. На бандита, который снял с кого-то шубу.

ОН. Почему это? (*Смотрится в зеркало.*) Слушай, а ты была в цирке?

ОНА (*вздрагивает*). Балаган... Терпеть не могу...

ОН. Почему?.. Зря. Я что хочу сказать! Там этот, фамилию его забыл... Ну, он фокусы с ящиком делает... Женщину живьем туда посадит, открывает, а ее там нет! (*Косится на шкаф.*)

ОНА. Ну?

ОН. Ага! Вот. А еще одну... или ту же самую, там все какие-то на одно лицо, голые... тоже, значит, в ящик посадил... и поджег...

ОНА (*напряженно*). Ну и что?

ОН (*косится на шкаф*). А еще одну бабу вообще в ящике распилили... Полтуловища в одной стороне, половина в другой... С клоуном пилили... Смешной такой... А она улыбается и ногами шевелит... А они – отдельно!.. Вот я только фамилию этого фокусника забыл... Какая-то она... не русская...

ОНА. И что ты хочешь этим сказать?

ОН (*подумав и посмотрев на шкаф*). Ничего... Так...

Пауза.

ОНА. У нас дома был большой платяной шкаф. Как этот, только поменьше и без зеркала. Комод. В детстве... Мы когда в прятки играли, я всегда в нем пряталась... Жутко было! Темно, душно... Но меня никогда не находили... А однажды я в нем очень-очень долго просидела, нафталином надыхалась...

ОН. У меня тоже аллергия на нафталин!

ОНА. ...что чуть не умерла... Можно от этого умереть?

Лампочка мигает. В дверь стучат. Пауза.

ОН и ОНА (*вместе*). Кто там?

Дверь открывается, в комнату входит Шполянский. Он – в шляпе-канотье, желтых штиблетах, с тросточкой, улыбается золотыми зубами.

ШПОЛЯНСКИЙ. Добрый вечер! (*Снимает шляпу.*)

ОН и ОНА (*вместе*). Здравствуйте.

ШПОЛЯНСКИЙ. Моя фамилия – Шполянский. А! Вот он какой! (*Устремляется к шкафу.*) Нет, я его другим представлял! А зеркальце-то – увы! (*С нежностью поглаживает шкаф.*) Ну, ничего не поделаешь – время! Время должно быть, лет эдак – сто? Если, конечно, не больше!.. Нет, я думал, он такой, знаете, в стиле модэрн... Начало века. Этот постарше будет! А?!

ОНА. Что вам нужно?

ШПОЛЯНСКИЙ. Мне? А – вам? Я, собственно, по объявлению.

ОНА. Вы, к сожалению, опоздали, мы уже обменялись. (Ему.) Я же говорила, что нужно содрать все объявления!

ШПОЛЯНСКИЙ (Ей). Вы знаете, мне кажется, я вас где-то видел! (Улыбается золотым ртом.)

ОНА. Что вам нужно?

ШПОЛЯНСКИЙ. У вас прекрасная шуба!

ОНА. Что вы хотите?!

ШПОЛЯНСКИЙ. Вы разве не продаете шифонэр?

ОН и ОНА (вместе). Мы?!

ШПОЛЯНСКИЙ. Вот же объявление. (Достает из кармана бумажку, отдает Ему. Ей.) Где же я вас мог видеть?

ОН (читает). «Продается шифоньер, старинной работы». Так. Адрес... «Обращаться после шести...» Так...

ШПОЛЯНСКИЙ. Замечательный у вас шифонэр! Вообще-то я больше модэرن предпочитаю... Но это, в своем роде, тоже замечательная вещь! Правда, уголочки поцарапаны...

ОН. Так... (Трет лоб.)

Она вырывает у Него объявление, внимательно читает.

ШПОЛЯНСКИЙ. Зеркало треснуло... И потом, я заметил, одна ножка, совсем, знаете, никуда! Нужно реставрировать. А жучков не замечали?

ОН. Тараканов, что ли?

ШПОЛЯНСКИЙ. Нет, жучки! Маленькие, мерзопакостные древесные жучки. (Ей.) Вот теперь буду мучиться, пока не вспомню, где я вас мог видеть! Всегда у меня так. (Ему.) Ну-с, так, сколько вы за него хотите?

ОН. Чего мы хотим?

ШПОЛЯНСКИЙ (с любопытством изучает Его). Извините, я, кажется, не вовремя? Я могу прийти в другое время, когда вам будет удобно, но в объявлении сказано – «после шести», я и пришел – после шести. Ну, раз уж я пришел, я предлагаю вам сто рублей.

ОН. Зачем?

ШПОЛЯНСКИЙ (Ей). А вы, случайно, не в театре работаете? Не там я вас?... «Что он – Гекубе? Что ему – Гекуба?» – помните? Замечательно!

ОНА. Что вам надо?

ШПОЛЯНСКИЙ. Очень и очень немного. Это вам, молодым, нужно все и желательно сразу. Хотя, возможно, вы и сами не

предполагаете, что именно вам нужно. Так я предлагаю за шифоньер – сто пятьдесят рублей.

Пауза.

ОН. Понимаете, дело в чем... Мы сюда переехали, обменялись. Вот... А объявление...

ОНА (*перебивает*). Шкаф не продается.

Небольшая пауза.

ШПОЛЯНСКИЙ. Я прошу вас, глубокоуважаемая, принять во внимание тот факт, что очень поцарапаны стенки. Посмею напомнить, что зеркало и ножка... Одним словом – двести рублей!

ОНА. Шкаф не продается.

ШПОЛЯНСКИЙ. Понимаю. Но тогда назовите вашу цену. Конечно, я понимаю: хорошая вещь, старая вещь, можно сказать, антикварная вещь... Но – жучок! Жучок! Это только дерево! И, позволю себе заметить, старое дерево! Этот, как вы выражаетесь, «шкаф», нужно реставрировать. Уж поверьте мне, старому коллекционеру... Ну и, наконец, зачем он вам? Зачем вам этот старый шкаф? Разве он вам нужен? Вам нужно совсем другое...

ОНА. Что нам нужно?

Короткая пауза.

ШПОЛЯНСКИЙ. Нынче не любят загромождать дом мебелью, предпочитают шкафы, встроенные в стены. Я не прав?

ОНА. Откуда вы знаете – что нам нужно?

ШПОЛЯНСКИЙ. Кстати, не по телевизору ли я мог вас видеть? Двести пятьдесят рублей? Как?

ОНА. Я не торгуюсь. Шкаф не продается. Все.

ШПОЛЯНСКИЙ. Я не могу дать больше трехсот рублей! Это притом, что перевозка, естественно, за мой счет, а перевозить такую вещь – очень проблематично. И накладно!

ОНА (*Ему*). Объясни этому... гражданину, что мы ничего не продаем! Мы не продаем шкаф! Скажи ему! Слышишь?!

ОН. Слышу.

ШПОЛЯНСКИЙ. Извините, я не вполне улавливаю? Так вы что, передумали?

ОНА. Да. Мы передумали!

ШПОЛЯНСКИЙ. Но зачем он вам?! Зачем? Продайте его мне! Пожалуйста, продайте его мне! Я – коллекционер, собираю

старинные вещи, в том числе мебель. У меня есть кушетка начала шестнадцатого века, туалетный столик времен Анны Иоановны, резная подставка для ног. Северная Германия, четырнадцатый век... Четыреста рублей?

ОНА. Нет.

ШПОЛЯНСКИЙ. Может быть, я все-таки оставлю телефончик? И если вы опять передумаете...

ОНА. Нет. Больше мы не передумаем! (*Ему*). Что ты стоишь как пень?!

ОН (*пожимая плечами*). Мы не передумаем... больше...

ШПОЛЯНСКИЙ (*разочарованно*). Печально! Ах, как печально! Вещь, прямо скажем, замечательная! Антикварная!.. (*Ей*.) Но где же я все-таки мог вас видеть? А?!. Извините. До свидания... Но зачем она вам? Зачем? (*Выходит*.)

Пауза.

ОНА. Какой жуткий тип!

ОН. Я не понимаю!

ОНА. Ты вообще туго соображаешь!

ОН. Нет, все-таки зачем, на кой ляд тебе нужен этот комод? Гроб этот?!

ОНА. Сними шубу, простудишься.

ОН. Он деньги предлагал... Он бы и больше дал...

ОНА. Пятьсот рублей?

ОН. Но за эту рухлядь?!

ОНА. Ты спрашивал, сколько стоит вот эта шуба?.. (*Демонстрирует шубу*.) И вообще, мне нравится этот шкаф!

Пауза.

ОН. Так. Ладно. (*Подходит к шкафу, открывает его*.)

В шкафу в шляпе-канотье, с тросточкой, стоит Шполянский. Она пронзительно визжит.

ОН. Черт!

ШПОЛЯНСКИЙ. Извините! Я не хотел показаться навязчивым! Вы уговорили меня! Я даю вам пятьсот рублей! Вам не нужен этот шкаф! Вы хотите совсем-совсем другое, правда? (*Ей*.) Да, я вспомнил, где я вас видел! В цирке! Вы ведь выступали там с этим престижжитатором... Как бишь его?.. Герман Сабгаров, если не

ошибаюсь? На вас был еще такой замечательный переливающийся цирковой костюм! Он вам так идет!.. Так тысяча рублей? Как?!

Короткая пауза.

ОН. Как он туда залез?!

ОНА (*Шполянскому*). Пошел вон! Убирайся отсюда!

(*Ему*.) Что ты смотришь?!

ШПОЛЯНСКИЙ. Извините, я не хотел показаться навязчивым! (*Вылезает из шкафа, ретируется.*)

ОН. Нет, но как он туда...

ОНА (*зло*). Ты что, действительно такой?!

ШПОЛЯНСКИЙ (*заглядывает в комнату*). Между прочим, ваш комод изнутри подточен жучками.

Она швыряет в Шполянского туфлей.

ШПОЛЯНСКИЙ. Всего доброго! (*Исчезает за дверью.*)

Пауза.

ОН (*не сразу*). Жарко. (*Снимает шубу.*)

ОНА. Мне холодно!

ОН. Что с тобой?

ОНА. Ничего.

ОН. Может, тебя продуло?

ОНА. Он приходил купить мою душу...

ОН. Не понял?

ОНА. Откуда он знает, чего мы хотим?!

Пауза.

ОН (*поднимает Ее туфлю*). Надень, пожалуйста.

ОНА. Оставь...

ОН (*ставит туфлю на стол*). Черт! Ну, кто мне скажет, как он туда залез?!

Короткая пауза.

Что он там про цирк городил?

Она не отвечает, ложится на раскладушку.

А этот... про... сти... Прести... бди... жиратор... – это кто?

Очень длинная пауза. Он подходит, присаживается на край раскладушки.

ОНА. Как ты думаешь, раскладушка поместится в шкаф?

ОН. В шкаф?

ОНА. Давай поставим раскладушку в шкаф?

ОН. Зачем?

ОНА. Давай вообще будем там жить?! Зачем нам эта квартира, у нас есть шкаф! *(Смеется.)* Мне страшно... Обними меня! Давай поставим ее в шкаф. Пожалуйста! Поцелуй меня! Я хочу тебя! Я хочу в шкаф! Я хочу тебя... Там! Слышишь? Иди ко мне! Я хочу тебя! Я хочу!

ОН. Что с тобой?

ОНА. Ни-че-го!

Пауза.

ОН. У меня аллергия на нафталин... Я анекдот вспомнил... Про шкаф... Жена лежит с любовником, приходит муж... Она любовника в шкаф...

ОНА. Перестань!

Пауза. Он встает, подходит к шкафу.

ОН *(с силой захлопывая дверку)*. Колода!

ОНА *(вздрагивает)*. Не ломай вещь!

Короткая пауза.

ОН. Слушай! А ты сюда не заглядывала? *(Открывает меньшую дверцу шкафа.)* Ого-о! *(Свистит.)* Ты глянь, что делается!

Полки в меньшей половине уставлены различного вида бутылками.

ОН. Да... Кто тут жил? Простой советский миллионер? *(Достает одну из бутылок, читает на этикетке.)* «Са-мус»...

ОНА. «Камю». Это коньяк.

ОН. А-а-а! *(Достает еще несколько бутылок.)* Импортные! Смотри! Водка! *(Достает огромную бутылку с ручкой.)* «Польская»! На экспорт идет! Слушай! А это... Может, это... *(По-*

молчав.) Пить-то это можно? Может, там дихлофос какой? (*Рассматривает бутылку на свет.*) Надо понюхать. (*Открывает.*)
Вроде запечатано как надо, по-фабричному. (*Нюхает.*)

ОНА. И чем пахнет?

ОН. Вроде водкой! Попробовать, а?

ОНА. Козленочком станешь. Отравишься.

ОН. Черт. Ведь водкой пахнет! А?! Ладно! Так! Одеколон пил, а тут уж... Шмотки, вроде, настоящие, может и это... (*Делает большой глоток из горлышка, крикает.*) Эх! А! Ну! Водка! Натурально! (*Икает.*)

ОНА. Может, тебе показалось?

ОН. Я тебе говорю! Водка! Да что я, водку от чего другого не отличу?!

ОНА. Да, в этом ты профессионал!

ОН. Ага! (*Делает большой глоток из горлышка, крикает, икает.*) А! Я же говорю! Ну, етишкин пунсик, шкафчик! (*Ухмыляется.*)

ОНА. Ты сопьешься.

ОН. Почему это?

ОНА. Вспомни, кто твой отец.

ОН. Причем тут мой отец?

ОНА. Он алкоголик.

ОН. Так... Ладно... (*Пьет.*)

ОНА. Попробуй вот... «Ликер банановый». (*Дает Ему бутылку.*)

ОН. Ну и дрянь! Пей сама!

ОНА. Я прошу попробовать.

ОН. Сама не можешь?

ОНА. Боюсь отравиться.

ОН. А меня тебе не жалко?

Небольшая пауза.

ОН. Не жалко?

ОНА. Уже наклонился? Бокалы есть?

ОН (*серьезно*). Ты... меня любишь?!

ОНА. Открой мне бутылку.

ОН (*не сразу*). Бокалы в чемоданах. (*Открывает ликер.*) Принести? (*Основательно прикладывается к бутылке, нетвердой походкой идет к чемоданам, ищет бокалы.*)

ОНА (*достает из шкафа бутылки, рассматривает, ставит на стол*). «Токайское». Так... Это виски... А это... «Мускат белый розового камня». (*Ему.*) Ты пил когда-нибудь «Шартрез»?

ОН (*ухмыляется*). А кто это?

ОНА. А «Порту»?

ОН. Предпочитаю «Агафон». *(Возвращается с бокалами.)*

ОНА *(берет бокал)*. Налей мне «Чинзано».

ОН *(наливая Ей и себе)*. За что?

ОНА. Какая разница?

ОН. Не-ет! Я люблю как у людей!.. За что?.. Ладно. Я сам! Значит так... Тихо! Тост!.. Давай вмажем за этот шкафчик! *(Ухмыляется.)* Дорогой, уважаемый шкафчик!.. *(Чокается со своим отражением в зеркале.)* А я его хотел продать, дурак! *(Пьет, крикает, икает.)*

ОНА *(моргается)*. Не икай, пожалуйста!.. Ты уже готов. Тебе хватит. Иди баиньки на свою раскладушку.

ОН. А ты? *(Пытается обнять.)*

ОНА. Иди спать, а то я сейчас уйду!

ОН. Куда?

Пауза.

ОН. Куда ты пойдешь? В общежитие? Тебя оттуда выписали! Теперь твой дом здесь! Поняла?! *(Берет бутылку и ловко ребром ладони отбивает у нее горлышко, пьет, отбрасывает.)* Поняла?!

ОНА. Началось.

ОН. Нет, ты мне ответь! *(Отбивает горлышко у другой бутылки, отбрасывает.)* Поняла?!

ОНА. Плебс! Люмпен!

ОН. Я могу себе позволить! Имею право! Люди за ним целыми днями... Я шестьсот в месяц... Ты у меня будешь... как сыр в масле... Пылинки не дам... Я эту квартиру так... Я сказал! Запомни это!.. У меня вот это есть... *(Трясет руками.)* Я... имею право... Запомни это... Я все для тебя... Я тебя... люблю! Поняла?!

ОНА. Баиньки.

Пауза. Он послушно идет к раскладушке, валится на нее.

ОН *(смеется)*. А этот ящик *(кивает на шкаф)* мы на дачу увезем! Точно! Пусть там будет! Пускай там старухи из него вылезают! *(Хохочет.)* Пусть! На дачу! Пока у меня вот это есть... *(Рассматривает руки.)*

Пауза.

Я хочу выпить!

ОНА. Спи, пожалуйста. *(Закрывает шкаф.)*

ОН. Погоди! Я хочу выпить! (*Встает, подходит к шкафу, открывает.*) Етишкин пупсик! (*Икает.*)

Полки в шкафу пусты.

ОНА. Слава Богу! (*Закрывает шкаф.*)

ОН. Нет, это что такое получается?! А?!. Открой сначала!

ОНА. На! Смотри! (*Открывает.*)

Шкаф пуст.

ОН. Нет... Что это?! А?.. Паразиты! (*Бьет кулаком по зеркалу.*) Это мыслимое дело так изгаляться?! (*Отходит от шкафа, садится на раскладушку.*) Открой взад!.. Пожалуйста!

Она открывает. Шкаф пуст.

Эх, едрит твою! Мало достали! Дай выпью с горя! (*Встает.*)

ОНА (*подходит к Нему и слегка толкает в грудь, отчего Он вновь садится*). Спать пора. Ложись. Только обувь сними.

ОН. Ага. Ладно. Так. (*Снимает обувь, ложится.*)

ОНА (*подходит к окну, забирается с ногами на подоконник*). Как болит голова!

ОН. Ложись. Поместимся...

Пауза.

А вынести его можно через окно. (*Зевает.*) «Шифонэр!» (*Ухмыляется.*) Натурально! На дачу перевозить – через окно вынести. Он пройдет. Должен пройти... Нет, дай я померяю. (*Встает, подходит к шкафу, пытается измерить его пальцами, потом – руками: широко их раскинув, идет к окну, прикладывает руки к оконному проему, влезает на подоконник.*) Проходит! Я же говорю! Увезем на дачу! Натурально!

ОНА. Господибожемой! Как мне плохо.

ОН. Слушай! (*Садится рядом с Ней на подоконник.*) Я чего вспомнил! Я в цирке был... Там фокусник один бабу распиливал... Натурально! (*Смеется.*) И фокусы разные с ящиком делал. Здоровый ящик такой! (*Кивает на шкаф.*) Он ее туда посадит, закроет, открывает и – тью-тью! Нихт ферштейн! (*Смеется.*) Ага! А потом еще одну... или ту же?.. не помню, тоже посадил, значит...

ОНА (*напряженно*). И поджег?

ОН (*смеется*). И тью-тью! Сгорела! Аттракцион такой, баб живьем сжигать в ящике! Ага! И распиливать. (*Смеется.*) Так я к чему

говорю... (Помолчал.) Может, он (кивает на шкаф) – вроде того ящика? (Подумав еще.) Может, этот фокусник тут и жил?! А?!

Она хохочет.

Чего ты?

Она смеется.

Да чего ты? (Тоже смеется.) Что я сказал-то? Чего смешного?! А?

ОНА. Плохо мне... лягушка Маша. (Успокаивается.) Лечить-ся тебе надо. В ЛТП.

ОН. Ага.

Короткая пауза.

ОНА. Выключи свет.

Он идет к выключателю, щелкает. Свет продолжает гореть.

ОН. Черт! Так. Я сейчас выкручу. (Берет стул, ставит его на стол.)

ОНА. Бога ради! Оставь!

ОН. Так. Ладно...

Пауза.

Слушай! А давай глянем – может, там опять чего?

ОНА. Ложись спать.

ОН. Почему? Я хочу посмотреть.

ОНА. Оставь... И так голова раскалывается.

ОН. Я хочу посмотреть! (Подходит к шкафу, открывает дверцу поменьше. Пауза.) Мать честная!! (Свистит.) Капуста!

ОНА (вяло). У тебя действительно – белая горячка.

ОН. Бабки! Натурально! (Достает из шкафа пачки денег.) Деньги! (Смеется.) Смотри! Деньги! Деньги! Етишкин пистолет! (Открывает одну из пачек, рассматривает купюры на свет.) Не фальшивые... вроде?.. Настоящие! (Распечатывает еще пачку, изучает купюры.) А сколько в пачке?! Надо все выгрести! (Выгребает пачки из шкафа, кидает на стол.) До конца! А то потом закроешь и – тю-тю! Нихт! Знаем мы эти штуки! (Залезает

в шкаф с головой.) А тут что? (Достаёт ещё пачки, распечатывает.) Вроде деньги? Только...

ОНА (подходит, рассматривает). Доллары.

ОН (присвистнул). Мать честная! Баксы!

Пауза.

Настоящие? (Помолчав.) Выгребай оттуда все!!! А то... (Грозит шкафу пальцем.) Знаем мы эти штуки! (Смеётся.) И – тю-тю! Нихт! (Выгребаёт пачки денег, швыряет на стол.)

ОНА. Где моя сумочка?

ОН (похихикивая). Какая сумочка?! Какая сумочка?! (Смеётся; опустошает шкаф.) Етишкин пистолет!

ОНА (ищет среди чемоданов сумку). Она где-то здесь была... (Находит сумочку, достаёт из нее таблетки, подходит к столу, наливает из бутылки, пьёт, запивая таблетки.) Господибожемой! (Пауза.) Знаешь... я тоже работала в цирке. (Усмехается, напевает). «Я в цирке выступала, кричала: «Оп-па!»... (Усмехается.) Меня тоже – сжигали в ящике! (Напевает.) «Но прыгать мне мешала большая скромность!» «Престидижитация и иллюзион Германа Сабгарова!» Под руководством. Чутким. Оче-ень! (Усмехается.) Там главное – вовремя успеть... Понимаешь? А я однажды замешкалась... Господи, какая я дура была!

ОН (не слушает). Что ты там сидишь? Помогай! А я – дурак: «Продать, продать!» «Шифонэр»! Ну-у-у! Не-ет! На дачу! Ну – фокусник, ну – фокусы!! Это ж сколько тут?! А?! Это ж на всю жизнь?! А? Это сон какой-то!

ОНА (зажимает голову, громко стонет). О-о! Господибожемой!

Он замер, удивленно уставился на Нее. Пауза.

ОН. Ты чего? А? Что с тобой?!

ОНА (тихо). Токсикоз.

ОН. Плохо? Что?!

ОНА. Принеси мне, пожалуйста, воды.

ОН. Что случилось-то? Что с тобой?!

ОНА. Воды принеси.

ОН. Сейчас. (Смотрит на шкаф.) Я мигом. (Выходит, оглядываясь на шкаф, возвращается.) Тьфу ты, стакан забыл! (Берет бокал.) А может, водочки? А?

Она отрицательно мотает головой.

Ладно. Сейчас водички принесу. (*Допив то, что было в бокале, выходит, оглядываясь на шкаф.*)

Она подходит к шкафу, захлопывает дверцу. Садится, сжимает виски ладонями.

ОН (*возвращается с бокалом воды*). Вот. Водичка. Попей.

ОНА (*берет бокал*). Спасибо. (*Пьет.*) Фу! Водкой пахнет.

ОН (*смотрит на шкаф*). Бледная ты какая. Отчего это с тобой?.. Намешала всего. Может – «скорую»? Говорил тебе – водка, она надежней. (*Смотрит на шкаф.*) Ты закрыла?

Короткая пауза.

Зачем? Зачем закрыла?.. Теперь – все. Нихт! (*Подходит к шкафу, открывает его.*)

Полки в шкафу пусты.

Зачем ты?!

ОНА. Отойди от него! Не подходи к нему больше! Я прошу тебя... Мне плохо... Не трогай его, слышишь?

ОН. Почему?

Пауза.

Так. Ладно. Нам и этого... Первым делом – машину сменить. (*Смотрит на Нее – скорчившуюся, зажавшую голову.*) Да что с тобой, в самом деле, а?!

ОНА (*не сразу*). Токсикоз. Я беременна.

Пауза.

ОН. Так... Так мы вроде... А?! (*Подхватывает Ее на руки.*) Но когда? Когда?!

ОНА (*вырывается, зло*). Отпусти! Отпусти меня!! Слышишь?! И если ты думаешь, что это от тебя... то вынуждена тебя огорчить! Это не твоя работа! Пусти! У тебя слишком плохая наследственность! Пусти!

Пауза.

ОН (*продолжает держать Ее на руках*). Что? Я не понял?
 ОНА (*вырывается*). Отпусти меня. Я беременна! Не от тебя!
 Доходчиво?! Пусти!!

ОН (*не пускает*). Что ты сказала?

ОНА (*почти кричит*). Я все время живу с другим! Понял?! Я вышла за тебя, потому что была – уже! Ненавижу тебя! Отпусти меня! Твои вечно потные руки! Твоя красная рожа! Меня тошнит от одного твоего вида! (*Вырывается, истошно.*) Пусти меня!!

ОН (*аккуратно ставит Ее на пол*). Что ты... говоришь?

ОНА (*истерично*). Убирайся! Не могу тебя видеть! Люмпен! Пейзанин! Быдло! Ненавижу!

Пауза.

ОН (*тихо*). Сука.

ОНА. Господи-и-бо-ожемо-о-ой!

ОН (*кричит*). Су-ка!!

Пауза.

(*Стонет.*) Су-ука-а-а!!! (*Вскакивает, выбегает, через мгновение возвращается – в руках у Него топор.*)

ОНА (*хохочет*). Ну?! И что ты встал?! Что?!

ОН. Убью, сука! Стерва!

ОНА. Давай! Начиняй! Что встал?! Придурок!

ОН (*делает к ней шаг, хрипло*). Убью.

ОНА. Ну?! Ну?!!

Он что есть силы ударяет по шкафу. Она смеется. Она вновь размахивается и ударяет. Из недр шкафа вырывается глухой протяжный стон. Дверь шкафа распаивается и оттуда вываливается тело Мужчины с окровавленной головой. Ее смех разом обрывается. Он роняет топор. Пауза.

ОН. Так.

ОНА. Господи!..

Пауза.

ОН. Ты думаешь... это я его?!?.. Кровь... Но я же не... Я же не хотел!.. Я не знал! Что ты молчишь?

ОНА. Лучше бы ты меня...

ОН (*кричит*). Это – не я! Я не убивал! Я не убивал его!.. Я по шкафу ударил! По шкафу!

Пауза.

ОНА. Тебе страшно?

ОН. Я не хотел! Не хотел! Ты же знаешь, что я не мог?.. Это не я! Что делать?.. Нужно позвонить? Да? Может – «скорую»? Может, он живой? А? (*Встает на колени, слушает сердце Мужчины с окровавленной головой, дрожащими руками пытается найти пульс.*) Что теперь будет? Что мне делать?! Я не виноват! Что – делать?!! Что?!!

ОНА. Затолкай его обратно. И закрой шкаф. И перестань выть.

Пауза.

ОН. А потом?!

Она не отвечает.

(*Лихорадочно заталкивает мертвое тело в шкаф, руки Его дрожат.*) Тяжелый!.. Господи!.. Ты думаешь... он... пропадет?.. Ничего не будет? Я же не... Не молчи!! (*Кое-как затолкав тело, встает, приперев дверку спиной, вытирает холодный пот.*) А если... он не пропадет? А? Если... (*Отстраняется от дверцы. Мужчина с окровавленной головой вываливается из шкафа.*) Он не исчезает! Не исчезает!! Что делать?! Что?!. Помоги мне! Я прошу! Помоги мне!!!

Она уже некоторое время пристально всматривается в лицо Мужчины с окровавленной головой.

Не молчи!.. Помоги мне...

Пауза.

Я знаю, что мне делать! (*Выбегает из комнаты.*)

ОНА (*наклонившись над телом Мужчины с окровавленной головой, шепотом*). Герман?.. (*Громко.*) Герман?! (*Вскрикивает.*) Нет! Нет!!

ОН (*возвращается с железной канистрой*). Я спалю его! И этот чертов ящик! К черту! К черту!

ОНА (*встает на колени, заглядывает в лицо Мужчины с окровавленной головой*). Герман!? Не может быть! Герман!!

ОН (*опускает канистру*). Ты... его знаешь?!

ОНА (*кричит*). Ты!.. Ты убил его! Герман! О, Боже!

ОН (*кричит*). Я не убивал! Не убивал! Слышишь?! Я по шкафу! (*Шепчет*.) Я не хотел... Я не убивал... Нет... нет...

Пауза.

Ты его знаешь? Он... кто?

ОНА (*не сразу*). Он... Он... Господибожемой!

Продолжительная пауза.

ОН. Так... (*Стонет*.) Су-ука!..

ОНА. Зачем ты это сделал?.. Что теперь будет?! (*Тормошит мертвое тело*.) Герман! Герман... Лучше бы ты меня...

ОН (*бормочет в прострации*). Я не убивал. Я не хотел. Я не убивал! Нет! Я не знал ничего! Нет! (*Улыбается*.) Я не убивал. Не убивал. Не я. Нет-нет. Я – не убивал. Я не... За что? За что – мне?! (*Плачет*.) Су-ка! Су-ка! Су-ка! Это все ты! Из-за тебя! Я не убива-а-ал!! (*Рыдает*.)

ОНА. Ты... ты хотел меня убить? Убей! Я прошу тебя! Пожа-лей меня! Слышишь?! Что ты молчишь?! Не молчи!! (*Рыдает*.)

Пауза.

ОН (*бормочет*). Я не хотел, я не убивал, нет, нет, нет... Я хотел... я сейчас, подожди, я положу его в шкаф сейчас и... сожгу, сожгу, сожгу... (*Пытается приподнять тело, но руки Его дрожат и не слушаются; громко*.) Я сожгу! Сожгу!

ОНА (*кричит*). Нет! Нет! Не трогай его! (*Отталкивает Его*.)

Пауза.

Я сама. Сама. Сама. (*Пытается приподнять тело, но роняет, обессилено садится на пол*.)

Пауза.

Помоги... мне. Помоги...

Вместе они с трудом заталкивают тело Мужчины с окровавленной головой в шкаф. Пауза.

ОН (*стоит, приперев спиной дверцу, вытирает пот*). Может, мы с ума сошли? А?

ОНА. Страшно...

ОН. Дай мне водки!

Она не отвечает.

Дай мне водки! Прошу тебя!

ОНА. Оставь меня! О, Боже!

Он осторожно отстраняется. Дверка не открывается. Он хочет заглянуть, но потом, передумав, подходит к столу, наливает себе дрожащими руками, пьет.

Дверца приоткрывается, из щели вываливается безжизненная рука.

ОН (*заглядывает в щель*). Он – там! (*Стонет.*) У-уу! Он никуда не пропадает! Господи! За что мне?! За что?!.

ОНА. Закрой.

ОН (*истерично*). Надо сжечь! Сжечь! И все! Сжечь его там! Слышишь? Пусть все сгорит! (*Хватает канистру.*)

ОНА (*бросается к Нему*). Закрой!.. Отойди!.. Отдай мне! (*Вырывает канистру, отбрасывает.*)

ОН. Сука!

ОНА. Дерьмо! (*Преодолевая ужас, заталкивает безжизненную руку в шкаф.*)

ОН. Чего ты хочешь?! Чего?! Он никуда не исчезнет! Понимаешь? Чего ты ждешь?!

Она не отвечает. Пауза.

Ты его любишь?..

Она молчит.

А я?.. А меня?.. (*Всхлипывает.*) Сука-а-а.

ОНА. Замолчи. (*Тихо.*) Я прошу тебя...

Короткая пауза.

ОН. Что ты на меня смотришь?

ОНА. Что это такое? Что с нами происходит?

Короткая пауза.

ОН. А может, это не он?! Может, тебе показалось?! Может, это другой?.. (*Помолчав.*) Может, это не я?!

Пауза.

ОНА (*медленно подходит к шкафу, широко распахивает дверку, вскрикивает*). О-оо! Герман!

Шкаф пуст.

ОН. Так! (*Захлопывает дверку, прислоняется к ней спиной.*) Так! (*Распахивает.*)

Шкаф пуст.

Я не убивал?! (*Подходит к столу, наливает себе, залпом пьет.*) Я – не убивал! (*Ей.*) Что?!

Пауза.

Когда ты так смотришь – ты похожа на мою мать. Не смотри на меня так!

Пауза.

ОНА. Я ухожу. (*Рассеянно собирает вещи.*)

ОН. За что мне? За что?!

ОНА. Я ухожу. (*Остановливается у стола.*)

ОН. Тошно.

ОНА. Я ухожу. (*Садится на стул.*)

Пауза.

Лампочка мигает. Из недр шкафа доносится музыка, постепенно нарастая и приближаясь.

ОН. Тошно мне. Больно.

ОНА. Чем это кончится?

Музыка обрывается. Дверки шкафа распахиваются и оттуда появляются Музыканты в черных блестящих фраках и Дирижер, тоже во фраке, с золотой дирижерской палочкой в руках. Музыканты ставят топирты, раскладывают ноты, настраивают инструменты, переговариваются. Несмотря на свои блестя-

щие концертные фраки, Музыканты и Дирижер, скорее, похожи на цирковой оркестрик.

Наконец, Дирижер стучит палочкой по пюпитру. Возня музыкантов, перешептывание, хаотичное всхлипывание их инструментов – прекращается.

Он и Она, словно в театре, наблюдают происходящее.

Дирижерская палочка взмывает вверх. Свет гаснет. Лишь на пюпитрах Музыкантов – зажженные свечи. Подчиняясь движению дирижерской палочки, как по волшебству, возникает неизвестная, но какая-то удивительно знакомая МЕЛОДИЯ. Эту МЕЛОДИЮ Он и Она, быть может, слышали когда-то, очень давно, но забыли ее. Или не слышали никогда, но всегда о ней помнили, так же, как иногда в памяти хранятся не принадлежащие нам воспоминания. МЕЛОДИЯ рождается в полумраке, при неровном мерцании свечей, она наполняет собой комнату и свободно льется в открытые окна, в ночь.

Дверка шкафа беззвучно открывается и из него появляется Мужчина с окровавленной головой. На нем белый фрак, цилиндр, переливающийся блестками, в петлице цветок, на шее с изяществом завязанный бант. Он движется легко и плавно. Он снимает цилиндр, демонстрируя, что в нем ничего нет, запускает в него руку, профессиональным жестом извлекает из цилиндра – яркие ленты, бумажные гирлянды, воздушные шары, бесконечные вереницы карт. Карточные колоды перелетают в его руках то исчезая, то появляясь. Он достает из ушей шарики и начинает жонглировать ими, пока шарики не исчезают в его тонких искусных пальцах. Наконец, фокусник достает из кармана огромный букет бумажных цветов, поджигает их и опускает в цилиндр. Сноп пламени с летящими во все стороны искрами ярко освещает комнату, но – несколько неуловимых манипуляций с цилиндром и – огня как не бывало, а фокусник извлекает из своего цилиндра огромный букет живых роз.

Мужчина с окровавленной головой пересекает всю комнату, подходит к Ней и, упав на одно колено, дарит Ей букет роз. Она принимает цветы, зарывается лицом в бутоны, вдыхает запах. Мужчина с окровавленной головой подхватывает Ее, и оба они, легко, словно летая, движутся в каком-то удивительно красивом танце.

Между тем Музыканты, один за другим, как в «Прощальной симфонии» Гайдна, погасив свою свечу, удаляются в шкаф. Музыка становится печальнее, словно жалея о покинувших ее музыкантах. Наконец, остается один Дирижер, дирижирующий невидимой музыкой, которая уже едва слышна.

Она и Мужчина с окровавленной головой движутся все медленнее, пока не замирают, когда за Дирижером закрывается дверца и порыв ветра, вырвавшегося из шкафа, не гасит свечу на дирижерском пюпитре.

Темнота.

Загорается лампочка – каким-то мутноватым, неярким светом. Она стоит одна среди пюпитров-подсвечников с закапанными воском нотами.

Продолжительная пауза.

ОН. Вот и все. *(Помолчав.)* Вот и все.

ОНА. Что – все? *(Словно проснувшись – осматривается.)*

Молчание.

Что это было? (Смотрит на цветы у себя в руках.)

Молчание.

Я ухожу?

Молчание.

Я опять ухожу... *(Садится.)*

Пауза.

Мне часто снится, что я маленькая девочка. И меня заперли в шкаф. В огромный, страшный шкаф, в тот самый, в котором я чуть не умерла тогда, в детстве... Чуть не задохнулась. У тебя аллергия на нафталин?... Меня заперли и потеряли ключ. И ушли. Я начинаю задыхаться, кричать... И никого нет. Чтобы не погибнуть, я просыпаюсь. *(Подходит к шкафу, смотрит на свое отражение в зеркале.)* Глупо? *(Помолчав.)* Этому шкафу столько лет... Сколько людей смотрелось в это зеркало, как я теперь... Их уже нет, давно нет... Но они же были... мучались, любили наверное, жили, были несчастны... Это зеркало запомнило их отражения. Как и мое. *(Помолчав.)* Я хочу посмотреть... *(Открывает дверку шкафа.)* Я хочу посмотреть... как там, внутри. Только пусть дверка будет открыта? Хорошо? *(Придвигает стул, чтобы дверка не закрывалась.)* Хорошо?

Молчание.

Пусть будет открыто? Хорошо? (*Забирается в шкаф, говорит из шкафа.*) Ты меня ненавидишь?

Молчание.

Здесь, как в детстве... Никакого ребенка не будет.

Молчание.

Здесь, как в детстве. Хорошо и страшно. Сладко-страшно. Нафталином очень пахнет. У тебя аллергия... Ты... любишь меня?

Он быстрым движением отодвигает стул, захлопывает дверцу шкафа, придвигает стол и запирает Ее в шкафу.

ЕЕ ГОЛОС ИЗ ШКАФА. Что ты делаешь?.. Что??! Мне страшно здесь! Открой меня!

Он берет канистру, обливает шкаф.

Выпусти меня! Что ты задумал?! Что ты делаешь?! Чем пахнет? (*Стучит.*) Открой!

Он роется в карманах, ищет спички, не находит, идет к подоконнику.

Выпусти меня!! (*Кричит.*) Выпусти меня!! Почему пахнет бензином?! Где ты?! Ты ушел?! Слышишь?! Что ты делаешь?! Что ты задумал?! Что ты задумал?! (*Громко стучит.*)

Он находит спички на подоконнике, возвращается к шкафу. Зажигает спичку. Свет гаснет. Тишина. Он стоит в темноте с зажженной спичкой в руках. Спичка прогорает, обжигая Ему пальцы.

Темнота. Потом медленно набирается свет. Пауза.

Он бросается к шкафу, отодвигает стол, распахивает дверку. В шкафу стоит Старуха. Старуха медленно выходит из шкафа, в руках у нее спицы, вязанье.

Длинная пауза.

СТАРУХА. Я вот вязать начала... Ребеночку. Я когда первого носила – намаялась с ним.

ОН. Это... Это не мой! Не мой!

СТАРУХА. Я скоро уж помру. Говорят, там нет ничего? А она – где? Первого завсегда тяжело родить.

ОН. Это не мой! Замолчи!

СТАРУХА. А она – где?

ОН. Я не хотел... я хотел ее убить, я не убивал, я не знал, это не мой ребенок... Я не хотел... я только хотел...

СТАРУХА. Что меня убивать? У меня нету ничего. Пенсия – тридцать шесть рублей. Я сама помру. Скоро уж. А она-то где? В тринадцатом доме дите нашли. В подъезде. В целлофане. В мусорном ведре... *(Помолчав.)* Может, это самый ад и есть? Может, померла я уже?.. Я вязать начала. Ребеночку.

ОН. Это не мой ребенок!

СТАРУХА. Как же? А то чей же?

ОН. Она, она сказала... она...

СТАРУХА. Как же не твой? А то чей же? Твое дите будет!

ОН. Она сказала...

СТАРУХА. Она назло! Назло. Обидел ее чем? Вот она и говорит. А ты ей не верь. Сказать всяко можно. А ребеночек – твой. Твой. Я знаю. *(Гладит Его по волосам.)* А то как же? Распускать, что ли!? Я вязать начала...

ОН. Мой?

СТАРУХА. Твой. Ну. Единокровный. Я знаю... Перемелется – мука будет. *(Помолчав, словно не узнавая Его.)* А ты – кто?! *(Выходит из комнаты.)*

Пауза.

ОН *(шепотом)*. Мой?.. Мой... Я только хотел... И я не мог... Я не знал. За что мне? За что? *(Долго смотрит на шкаф, медленно обходит его кругом.)* «Дорогой!.. Многоуважаемый шкаф!..» *(Долго, пристально изучает свое отражение в зеркале.)* Тошно тебе? А ты – кто?! Кто?! *(Открывает шкаф, заглядывает внутрь. Легкий ветерок, вырывающийся из недр шкафа, шевелит Его волосы. Он шепчет.)* Ты здесь?! Где ты?! Сейчас!.. У меня – аллергия. Я иду к тебе. Слышишь?! Где ты? Ты ждешь? Ты – где?! Сейчас! Я – сейчас! Где ты?! *(Забирается в шкаф, закрывает дверку.)*

На улице медленно гаснут фонари. В открытые окна вливаются, как молоко, утренние сумерки, сливаясь с туманным, странным светом лампочки под потолком. Дверки шкафа распахиваются от порыва ветра, вырвавшегося из шкафа.

Шкаф пуст.

Дверки медленно со скрипом закрываются, но новый порыв ветра с грохотом распахивает их. В колеблющемся молочном свете внутри шкафа на одно мгновение возникают Он и Она. Он стоит на коленях, прижавшись щекой к Ее животу, Она ласково перебирает его волосы. Оба они улыбаются, пока дверки шкафа не закрываются вновь, еще медленнее, устало.

Но ветер, рождающийся в недрах старого шкафа, опять, с еще большей силой распахивает дверки, и они хлопают; ветер, вырвавшийся из шкафа, и кто знает? – из прошлого? – подбирает вверх бумажные гирлянды, цветные ленты, воздушные шары, карты, купюры, ноты, – все смешивает, бьется в четырех стенах комнаты, уносится в окна, на улицу, раскачав лампочку, свет которой становится все призрачнее и нереальнее. Бумажный цветной дождь падает в комнате; дождь из нот, долларовых купюр, цветных лент. Хлопают дверки шкафа. Шкаф пуст.

Занавес.

СКАЗКА ПРО ТАЙНОГО СОВЕТНИКА
ВАСИЛИЯ НИКИТИЧА ТАТИЩЕВА,
ПЕРСИДСКУЮ КНЯЖНУ И КЛАД
СТЕНЬКИ РАЗИНА

Государыня-амператрица Анна Иоанновна вызывает как-то раз к себе своего тайного советника Василия Никитича Татищева и такие ему речи говорит:

– Ну что, Василья Никитыч, обустроил ты калмыков на новом месте?

– Так точно, матушка-осударыня! Не изволь беспокоиться! Крепость Ставрополь-на-Волге стоит на рубеже державы неприступно и калмыки вокруг ея поселены в аккурате.

– Гут, гут! Молодца!

– Рад стараться, матушка-осударыня, тебе на радость, державе Российской во славу и процветание! Ура! Ура! Ура!

– Ну, будет тебе, Васька, глотку зря драть! Вот чаво, мин херц. Докладали мне, что тать, вор и разбойник Стенька Расин закопал в землю где-то в Жигулевской горе клат очень драгоценный. Так вот ты, как есть той стороны начальник и управитель, так ступай сей момент и выкопай мне энтот самый клат. Да штоп быстро-быстро! Не исполнишь моего воля – не обессудь – казню лютою казню. Ибо! Я хочь в душе баба добрая, а все ж таки царица-ампиратрица, а стал быть кровь у меня дурная, лютости в ней много.

Василий Никитич осударыне ответ держит.

– А от энтото дела, от дурной, слал быть, кровушки – хорошо медицина нетрадиционная помогает, а луче всего пиявки, и ежели их регулярно...

Царица давай на те слова гневаться:

– Ах ты, холоп! Ты что еще мне тут за слова этакие устами своими срамными произносишь изволишь? Ехай шустро, да бес кла-ту мне на глаз являться не смей!

Советник ей в ответ:

– Да как же я, матушка-владычица, тебе тот клад добуду, коли он не токмо не знамо где зарытый, а ишшо и заколдованный, заговоренный противу всех добыть его охотчиков?!

Топнула царица в сердцах кривой ножкой, в туфельку с пряжка-ми золочеными обутой, по роже тайному советнику белой рученькой своей съездила. У того – треуголка в одну сторону, парик – в

другую сторону разлетелись. А царица ишшо как заорет, завоюет дурноматом:

– М-а-а-а-лчать, твою мать! Слушайт приказ – исполняйт сей же час! А то в момент ровно на башку укоротисся!

И тихим голосом ласково так добавляет:

– А коли понял, мин херц, мое слово, так шшел вон!

Опечалился тайный советник горькой своей доле, да делать неча, как царску волю не сполнить? Ведь он хочь и тайный, хочь и Советник, а все подневольный. А как энту волю спонять? Неведомо! Закручинился Василь Никитич, сидит грустит, соплю на кулак мотаает, мозгой шевелит, а ниче ему не помогает – мысля в голове не шуршит, лишь башка от натуги трещит.

И совета спросить не у кого, у воронова свово коня разве?

Плюнул Василий Никитич в сердцах, растер ботфортой, сел на коня, да поехал до Волги-реки, а сам такие думки думает:

– Раз такая фигня происходит кругом, блин, то делать неча – утоплюся я в речке, в Волге глубокой да широкой.

И хотел было уж совсем сигануть да с обрыва по-над пропастью прям в волну надлежащую, набежавшую – в Волгу-матушку, в Волгу-вольную... Да тут вдруг слышит:

– Не сигайт ты, Василий Никитич, да с обрыва по-над пропастью. Зазря время проведеш, да бархатны свои портки со кафтаном вотще замочишь.

– Это ишшо почему так?

– Да мелко тут. Вот почему. Утопнуть не утопнешь, а токмо осрамишьса-опозоришьса.

– Да хто это умный такой разговоры разговаривает?

– Кто-кто! Конь без пальто! Я это – верный твой друг, товарищ и соратник – конь твой вороной, удалой, ну и так далее...

– Ишь ты, ексель-моксель, етишкин еж! Вот ведь чаво деетсяя-приключается. Лошадяка со мною русским языком брешет! Никак белочка ко мне прибежала – мысию во чистом поле прошмыгнула?! Видать, надоть поумеренней с зеленым вином, а особливо с коньяком пятизвездочным «Тайный советник»! А то вот всякая фиговина блазнится!

Рек так, и крестом животворящим чело свое осенил.

– Да почто ж ты крестишьса? Я, чаю, не нечить какая! Не блазнитса тебе, Василий Никитич, хотя, конечно, с зеленым вином надоть поаккуртнее. Я и вправду человеческим языком баять приспособлен, потому что предки мои от кентавров род свой ведут. Только я редкий раз когда русским языком пользуюсь, чтобы не прознали, а то вмиг в кунсткамеру угодишь, али того хужей – в циркус передвижной. А сейчас не стерпел и русским языком с

тобой теперича говорю, потому что шибко жалко мне тебя стало, ведь, гляжу, взаправду ты себя жизни решить собрался да в утопленники записаться. Ты погоду малость руки на себя накладывать, это никогда не опоздаешь, а послушай лучу совет добрый, а я уж тебе плохого не посоветую, потому что и холил и лелеял ты меня, и овсом и клевером всегда всласть кармливал. Вместо чтоб топиться, ты садись на меня, да ехай напрямиком до Каменной чаши в Жигулевских горах, где есть источник со святой водицей, из которого ежели испить да окропиться – не страшны сделаются ни пуля немецкая, ни сабля турецкая. Посля надо влезть на самую крутизну и тамо зорьки вечерней дожидать. А как солнышко красное закатываться начнет, увидишь тут чудеса знатные, явится в небеси из волжских вод восставший город чудесный, светом жемчужным осиянный. И живет в нем дивная девица – Персидская княжна.

У Тайного советника ажно рот открылся от великого удивления, и в него уже с пяток мух залетели.

– Ишь ты, поди ж ты!

– Персидская княжна – Стеньки Разина полюбовница. Он ее в Волгу бросал, да она не потопла...

– Что ли тоже мелко было?

– Ты не перебивай, а слушай. Персиядская княжна не потопла, а стала Царицею Поддонного мира, и обретается на дне Волги в чудном городе, что с незапамятных времен стоит, карлами изваянный, которые в Жигулевских горах пещеры прорыли, а в тех пещерах многие еще чудеса схоронили до срока. Один только раз в году поднимается энтот город, Мирным прозываемый, с волжского дна, и Царица на божий свет выходит. И сегодня на вечерней зорьке как раз Мирный город обратно явится. Стало быть, как увидишь ты Царицу Поддонную, бывшую княжну, ты варежку не разевай, под микитки ее хватай, да в мешок, да наутек! А потом честь по чести спытай, спроси ее, как, мол, клад Стенькин добыть. Уж она-то про то все знает. Сумеешь ее уговорить – почитай, справишь царский наказ. Ух! Устал с непривычки языком чесать, и в роту сушь такая сделалось! Напои-ка меня теперь водицею, да потом постунай, как сказано было.

Поскреб Василий Никитич в затылке, раздавил вошь, что промежду пальцев ему попалась, напоил верного своего коня, оседлал его да поехал до Каменной чаши. И все исполнил, как было ему сказано.

Залег на утес высокий и стал дожидать вечерней зорьки, а она скоро приспела.

И вот глядит Василий Никитич – глазам своим верить отказывается. Восплывает из глубины волжской чудный город, светом

жемчужным осиянный. Из ворот волшебного того града выходит дивная девица красоты несказанной – Царица Поддонная, она же – Персиядская княжна, Стеньки Разина полюбовница.

У тайного советника от великолетия такого челюсть до коленков отвалилась, да так и осталась. Но киник верный опять выручил – хлестанул Никитича хвостом по морде и из ступору вывел. И советник наш, долго мозгу не мозоля – хватъ-похватъ – уцепил девицу красу да за черную косу, платок – на роток, да в холщевый мешок ея упаковал, да в осиновый лесок, под ракитовый листок приволок.

Отдышался малость, мешок развязал аккуратно, платок у княжны изо рта вытащил. А та как заорет, как завопит, как завоет диким голосом, что твоя сирена противоугонная.

– А-а-а-а! Помогите! Спасите! Разбойники! Обрато меня Стенька полонил, в заложницы взял! Обрато меня забижают, вдругорядь утопить как Муму какую хочут!

И кулачками своими маленькими Василья Никитича ну колошматить, приговаривая:

– Ах ты, тать, твою мать! Ах, злодей-лиходей! Ни за что, ни про что похищаешь людей!

Отгоропел Василий Никитич, да стал оправдываться:

– Да погодь ты, не вой! Я не таить, я свой! Я хороший, не злой!

А княжна все не унимается – надрывается:

– Ой, горе, ой, беда! Ой, студеная вода! Погубил лиходей-злодей! Отлучил от живых от людей! Ой, доля моя, доля – горемычная! Сладко ли мне в поддонном царстве жить?! Горько мне вековечно кручинить-тужить! По солнышку по красному, по небу ясному! Один разочек всего в году я со дна волжского с Мирным градом воспаряю, чтоб на божий свет полюбоваться, росой травяной умыться, в луговые шелка обрядиться – фауной да флорой насладиться! И тут мне покою нет! Опять полонил мучитель-злодей! Постыдился бы добрых честных людей! Ты что ж это вытворяешь, террорист ты этакий! Мало тебе моих мучений, обрат меня топить вздумал! Пакостник ты экий! Изверг рода человеческого, ирод кровожадный, маньяк прям какой-то!

Она бы так долго еще вопила, да Василий Никитич не утерпел – ладонью своею роток ей прикрыл, и говорит:

– Ясно мне теперя со всей очевидностью, почто Степан Тимофеевич тебя, краля, в Волгу-то поплавать отпустил. Помолчи Христа ради один секунд, а не то я за себя тож не ручаюсь, осерчать могу, тогда, пожалуй, я покруче Стеньки окажуся. Ясен перец?

Замолкла красна девица, будто в рот водицы студеной волжской набрала, токмо губки свои коралловые надула, да бровки черные соболиные насупила. Сидит молчком – глядит волчком.

– Ну, слава тебе, боже! Утихла! Теперь послухай меня малость, ладно. Я не террорист никакой, не Стенька Разин, не Емелька Пугачев, это обознатушки у вас, барышня, вышли, а зовусь я Василием Татищевым, и у самодержицы всероссийской на службе тайным советником состою... А вот скажи-ка мне, краля, никак мне, птенцу гнезда Петрова, этой моды не уразуметь – нешто можно, что бабе ходить в начальниках? У бабы – каприз, а мы страдаем!..

Хотела персиянка ответить, роток свой уж было приотворила, да Василь Никитич вовремя спохватился и обратно ладошкой своей его прикрыл.

– Нет, лучше молчи! А я, тож, дурья башка – нашел у кого спрашивать! Ты ж сама – княжна али даже царица... Сытый голодного разе уразумет! Ну да не об том я речь держать желаю. Осударыня-самодержица, моя, стал быть, начальница, дала мне приказанье – хоть вот из коленки выломай, а вынь ей да положь на тарелочку фаянсовую, да лентой атласной голубенькой перевяжи – не чаво-нибудь, а клад Степана Разина, что в пещерах в Жигулевских горах укрытый схоронен. А где его искать, да как взять – это ампирагрице зело фиолетово, как хошь, так и крутись! А царску волю если не исполнить – секир башка, прощай жизнь моя молодецкая! Помоги, краля, не губи меня, ясна сокола, мне еще ой как пожить охота! Знаю, ведаешь ты, где Стенька клад свой заветный зарыл-упрятал. Пособи, не будь стервой курватой, гадокой подкольной, ну что тебе стоит?!

Отвечает ему бывшая Персидская княжна, нынешняя Царица Поддонная таким словом:

– Вы гляньте только, как он заговорил! Ишь ты, как запричитал, как заканючил, заскулил-завыл! А как честных девушек хватать за что ни попадя, да в мешки сомнительной стерильности запсотивать – энто как же?! А еще тайный советник! Небось, куртуазному обращению в Европах обучался!

Тряхнул Василий Никитич кудрями парика своего завитого, пудра с них так и посыпалась; обрызгал он свою фигуру духами французскими, чтоб русский дух луковый отбить, встал на одну коленку, поцеловал у княжны белую ручку в запястье и такую речь произвел:

– Прошу прощения, сударыня, что я позволил себе по отношению к вашей прелестнейшей особе допустить негалантное обращение, типа – мешок пыльный на вашу восхитительную головку напалить, али платок не вполне свежий в ваш дивный ротик запахнуть, но прошу вас о милосердном снисхождении к тому морю отчаяния, в коем я тону и утопаю, подобно потерпевшему страшное кораблекрушение несчастному пилигриму! Я заклиная вас, сударыня, по-

нять бедственное мое местоположение и одарить меня вашей бесконечно доброю – бесподобной, бескрайней, беспрецедентной!

Тут уж тайный советник на обе коленки – бух! – за подол девицу теребит, жарким шепотом в ушко ее розовое шепчет:

– Помоги, краля, Христом богом прошу: укажи, где Стенька свое богатство зарыл, да пособи изъять оное незаконно нажитое добро, а я тебе за то процент обещаю отстегнуть, как положено!

Подумала-подумала княжна-царица, и говорит так:

– Ладно, ничего я с моей доброю природной поделать не в силах, и такому мужчине симпатичному, такому молодцу-красавцу отказать не можно. Да и со Стенькой поквитаться охота, за то, что он меня – шукам, чехони, сорожкам и всяким прочим рыбам волжским на прокорм пустить хотел.

Склонила головку свою вельми прелестную к советникову уху и зашептала тихим шепотом, чтобы никто более подслушать не мог инструкцию, как добыть, слало быть, клад Разинский.

Все в подробностях мельчайших порассказала, а окромя того дала еще два веника – один с разрыв-травой горючей, что растет на могилах некрещеных детей, собственной матерью удушенных, и от которой железо и камень источаются, другой веник – с плакун-травой, прорастающей из слез Богородицы, что от нечистой силы крепко пособляет. И напоследок так еще сказала:

– Ты, голубчик, когда за кладом Стенькиным полезешь, крест с себя сыми, да Божье имя не поминай, знаменьем крестным чело не осеяй. А когда будешь клад забирать, много чего тебе померещится, но ты не бойсь, плакун-трава от нечисти оборонит. Вот вроде и все.

Обрадовался Василий Никитич несказанно, схватил царицу, чуть в объятиях не раздавил, давай в уста сахарные ее целовать, да рот в рот с языком все норовит, она, бедная, еле вырвалась.

Ну и со всех ног побег Василий Никитич исполнять все, что Царица Поддонная, княжна персиядская ему нашептала. Все сполнил, что было сказано – влез на кручу Кургана Молодецкого, нашел там камешек, мохом поросший, уперся в него плечиком, и давай тою каменюку с места скovyривать. Так понапрягся, что чуть пуп от натуги не надорвал, да чуть бархатны свои портки не обмочил, но осилил.

Под камушком чугунная дверь с кованым железным кольцом обнаружилась – тут-то разрыв-трава и спонадобилась, пригодилась. Отворил Василий Никитич эту дверь, глядь, а там ход в подземелье, в самую утробу гор Жигулевских. Покряхтел тайный советник, поохал, повздыхал, да никуда не денеисся – надоть лезть в темень подземную. Снял он с себя крест свой нательный – и

полез. Лезет и матюгается на чем свет божий стоит. Наконец впереди вроде свет забрезжил, глядит Василий Никитич – перед ним пещера размеров здоровущих-прездоровущих, али и того более. И свечение в ней такое непонятное. И исходит тое свечение от глыб льдистых, вдоль стенок пещеры расставленных. А в тех глыбах – звери невиданные заморожены – медведь зело преогромный, с когтями, будто кинжалы, тигра с клыками большущими, словно сабли, а еще – на слона походящий – мохнатый и мохноногий, весь в густой шерсти.

Подивился Василий Никитич на это – и далее проследовал. Идет – видит – другая пещера, поменее, а в ней стоят бочки дубовые, железными обручами охваченные, сундуки крепкие, ларцы кованные. А от всех оных сундуков, бочек да ларцов свечение исходит такое златистое – потому как полны все они золотом-серебром, да камнями самоцветными, драгоценными.

Увидел энто все Василий Никитич, да от радости чуть остатне-го ума не решился, да давай злато-серебро вместе с камушками по карманам распахивать, за пазуху горстями ссыпать, да ишшо в шапку свою треугольную до самого верху.

А сам в это время в голове свое так думает: «Эк тут сколь добра! Дюжину подвод надоть, чтобы все подчистую отсель вывезть. Да нет – мало будет, пожалуй, лучше всего КАМАЗ бортовой подогнатьбыло бы... Да и то мало – состав товарный, с вагонами – в самый раз уместится!..»

Но в том беда, что КАМАЗа взять негде, да и двигатель внутреннего сгорания не выдумали еще. Да и насчет поезда тоже пока сложно, ибо дед братьев Черепановых на тот момент только-только народился...

Вдруг, откель ни возьмись, является посередь пещеры старик – не велик, сам горбат, борода до пят – каменный пол заместо веника метет. А в бороде у него и цветочки, и листочки, и солома сухая, и капуста квашеная, и кости рыбы, и чего только не поназастревало – чистый лешак. Глаз у старика – как уголь черный, рубаха кумачовая, в руках сабелька острая. А как заговорил – словно телега не смазанная заскрипела:

– Это кто тута до чужого добра охоч? Кто такой деловой, явился не запылится, без спросу и разрешения? Ковер-самолет летит – узоры стерлися, а мы не ждали вас, а вы – приперлися!

Василий Никитич удивился, конечно, но все равно спрашивает:

– А ты сам-то что за бугор на ровном месте? Сам-то хто такой тут будешь? И почто энто добро – своим называешь? Нечто ты его сюда склал?

– А то хто же?! То-то и оно, мил человек, что – я! Потому как я – есть Степан Тимофеевич Разин, собственною персоной. Чудесным образом избег я плахи и топора, а палачи-сатрапы, собаки царские, на площади Красной заколбасили не знамо кого. Надо ж им было как-то выкручиваться, вот оне и нашли бомжика какого-то шибко со мной на рожу схожего – двойника типа. Сам же я, за все злодеяния мои церковной православной анафеме преданный, обречен до скончанья веков тут сидеть и над золотом-серебром чахнуть, от людешек всяких, тебя вроде, его оборонять-охранять. Вот такие, друг ты мой ситный, пироги да плюшки, пряники-вагрушки.

Василья Никитич от удивительных такех словов аж отропь пробрала, стоит, как пенек с глазами, даже не сморгнет ни разу, рот как ширинку раззявил, ни полслова вымолвить не может. А Старик Разин тем временем продолжает сказывать, с полдня, наверное, сказывал, и все очень переживательно, а под конец такие слова произнес:

– Ну и што, мил ты человек, что мы с тобою делать-то будем? Надоть мне тебя жизни решать, за то, во-первых, что ты сюда без спросу залез-забрался, да за то еще, во-вторых, что на добро мое покуситься примеривался, а ведь оно тут не про тебя кладено. Жалко мне тебя, не скрою, да что ж делать! Я же все-таки тать и злодей, хотя и на пенсии вроде. Так что придется мне тебя извести-порешить, извиняй уж. Ты мне по нраву пришелся, прямо симпатию я к тебе ощутил эдакую спонтанную, обратно давненько ни с кем словцом перемолвиться не довелось, все один да один тута кукую, ровно сыч во дупле, а тут такая оказия славная! Вот я душеньку-то отвел – побалаял с живым человеком – словно меду напился. Ну да – делу время, а потехе, как говорится, час. Теперича давай прощаться со светом белым да с жизнью молодой, да складывай свою башку вот сюды, прям на бочку. И не гляди, что я пожилой да несмочный с виду, это только видимость обманная, иллюзия зренья. Башку тебе срублю аккуратно – и глазом сморгнуть не успеешь. Это я тебе как профи гарантирую. Чай, не одну головушку лихую довелось снести, стаж-то порядочный. У меня вообще на энто дело талант, можно сказать, а его, как известно – не пропьешь, не прогуляешь, это как плавать – один раз научась – не разучишься.

Испужался Василья Никитич крепко, чуть портков своих бархатных обратно не обмочил, коленками одна об другую застучал, зубами от страху злого залязгал, поджилки у него затряслися, сердце в пятки ушло, ну и прочие сподобные случаю расстройства организма приключилися. Повалился тайный советник на коленки, потому как ноженьки – не ходушки сделались, и от ужаса великого запищал тоненько, как козел безрогий:

– Отпусти ты мене, Степан Тимофеевич, с миром! А добра твоего мне не надоть, да я ж и не для себя вовсе, а царску волю исполняю! Но я все взад обратно отдам – только пощади, не руби ты моей головушки!..

И давай, стало быть, золотишко из карманов своих диравых обратно в бочки ссыпать.

– Эх, мил человек, – говорит ему на то Степан Тимофеевич. – Я бы рад тебя отпустить, да не могу. Извини уж. Нечем мне тебе помочь. Но ты не бойсь, я тебе не больно башку отчекрыжу.

– Эх-ма! Видать, так мне было на роду написано! Сгибнуть в самом цвете лет, ни за что, ни про что, ни за понюх табаку. Одно только обидно – стоило за семь верст ехать – киселя хлебать, чтобы здесь ту же смерть принять. Ладно, руби мою светлую головушку. Дай только перед смертью последнее желание исправить – трубку вишневую выкурить.

От такех речей старик-Разин ажно затрясся весь, задрожал мелкой дрожью, как листок кленовый, буркалы выпучил, а рот ему будто перекособочило.

– Нешто у тебя, – Да есть мало-мало...

– Да ведь я, мил человек, страсть как давно табаку не нюхал, трубочку свою знатную не куривал, считай, уж лет сто как последняя щепоть табаку у меня вышла!

Тут смекнул Василий Никитич, что к чему, потому что вообще-то он мужичонка был вполне смышленной, даром что и тайный советник, смекалистый был, хотя так вот первым взглядом на него гляючи, не скажешь – так дурень дурнеем на первый-то взгляд. Ну да он тут и говорит так:

– Дам я тебе, Степан Тимофеевич, полный кисет табаку – кури на доброе здоровье, обкурись! Только за энто ты меня отпустишь с миром и головы моей буйной сечь не будешь, а паче того дашь мне злата-серебра да каменьев самоцветных, сколь я на себе унести смогу.

Заскрипел Степан Тимофеевич деснами, потому как зубы у него давно от кариесу повыпадали, почесался, поскреб в затылке, в бороде, да спину, да подмышками, да в паху, да везде – а все оттого, что в бане давно не парился и вошь да клопы его терзали мучительно. Мозгу наморщил, подумал еще малость, да и согласился на такой ченч-гешефт. Ибо курить ему смерть как хотелось, просто чистая абстиненция!

Ударили оне по рукам. Набил Василий Никитич опять карманы золотом, а шляпу свою треугольну камнями самоцветными, отдал Стеньке кисет с табаком – и вышел из подземелья сырого на вольный воздух.

Вышел – глядит – благодать кругом. Воздух после подземного спертого – чистый, вольный, свежий – рекой, рыбой, костром далеким пахнет, травами луговыми, медом, молоком, хлебом – дивный, одним словом ежели сказать, воздух! Небо уже по краям розовеет, зорька утренняя зорьку вечернюю догоняет, сменить поспешает. Окрест все горы Жигулевские в дымке туманной синеются, а над курганом Молодецким – будто дымок от трубки стелется.

А карманы камзола да портков – приятно так отвисают – золотом-серебром отягощенные, да шапка треугольна – тож полным-полна камнями драгоценными. И так радостно, так приятно Василию Никитичу на душе сделалось, что вздохнул он полною грудью прохладу предутреннюю, да и говорит:

– Слава тебе, Господи! Вот все, вроде, и кончилось! Хеппи энд произошел.

И только он эти слова вымолвил – враз свет вокруг померк, громы загрохотали, молнии засверкали, вихорь поднялся – чуть тайного советника в Волгу не сдуло, ладно, он успел за куст колючий зацепиться.

Вкруг него круговорот какой-то сделался, а в громовом грохотанье да в ветровом завыванье послышался ему хохот стариковский, скрипучий – довольно мерзкий и естеству противный.

Но вскорости поутихло все, поуспокоилось. Василий Никитич от куста колючего отклянчился, смотрит, глядь – в треугольной шапке его заместо камней – угольки мерцают – прожгли шапку до дыр – пропала вещь. Он руками по карманам своим – шась, выворотил их, а вместо злата-серебра сыпятся отседа черепки глиняные да зола.

Глядит Василий Никитич – глаза по пятиалтынному сделались, окаменел весь, и слова в глотке застряли, в комок сбились.

Тут коник верный является к нему и говорит:

– Эх, Василий Никитич, ты вроде умный мужик – а бестолковый – страх! Разве можно было такие слова после всего произносить!

– Да че я сказал-то? «Хеппи энд», что ль?!

– «Слава Богу» ты сказал – чугунок у тебя заместо башки! Тебя ж и княжна предупреждала! Клад-то заговоренный как есть! Нечистая сила его сторожит. А она такех слов утерпеть не может, вот и осталась ты как и был – с дырой в горсти!

Закручинился опять Василий Никитич, уж котый раз с начала сказочки, да опять делать неча, сел на коняку своего, да поскакал обратно в столицу с пустыми руками, не солоно хлебавши, а сам тако думает:

– Ладно! Пушай! Что ж сделаешь, коли так вышло! Пушай казнят теперь! Мне все едино! Надоело хуже горькой редьки! Наплевать двадцать пять разов!

Приехал он в столицу, а тут на его счастье война подоспела – то ли с туркой, то ли с Европой, и государыне не до кладов сделалось – она про клад и про Василия Никитича напрочь позабыла. Так что, в принципе, все не очень чтоб плохо кончилось.

А так ли или нет на самом деле было – Бог весть.

АРГОН И ТЕНИ

ПЬЕСА-ПРИТЧА ДЛЯ ТЕАТРА ТЕНЕЙ

Пустая темная комната. Голые светлые стены, циновка на полу, на ней смятая постель, рядом – табурет, в углах – книги, старые пожелтевшие газеты, еще какой-то хлам. Призрачный ночной свет вливается через окно без шторок.

Кажется, что в пустой комнате что-то происходит, в ней словно спрессовался воздух, став плотным, густым, вязким, все время едва заметно меняя цвет: он становится то голубоватым, то отливающим зеленью, то приобретает оттенки крови. Кажется, что он живой. Пустая комната наполнена звуками вздохов, всхлипов, невнятных восклицаний, стонов, покашливаний, льющейся воды, всевозможных скрипов. Все эти звуки перекрывает глухой дребезжащий пронзительный звук неясного происхождения.

Три стены, ограничивающие пространство комнаты, будто подсвечены изнутри, и на них возникают тени – причудливые, расплывчатые, постоянно меняющиеся, словно они пытаются обрести какую-то четкую форму, но все время рассыпаются, растекаются по стенам неотчетливыми пятнами. Кажется, что за стенами какой-то другой, фантастический мир – мир Теней...

Может быть, за окном мигает и дребезжит испорченная неоновая реклама, и это из-за нее на стенах пустой комнаты извиваются тени? Может быть, сквозь тонкие стены в комнату проникают звуки из других комнатушек большого доходного дома – ночные звуки жизни: равномерный скрип пружин кровати, стоны и всхлип, и восклицания людей, находящихся в любви утешение от безнадежности и тоски.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

УЧИТЕЛЬ. Это было очень давно. Жил один человек в столице Киото. У него был Дар, и был он искусный художник. Он мог нарисовать все, что угодно, чем угодно и на чем угодно.

На стене, словно на экране, появляются куклы-тени и теневые картины, изображающие все, о чем рассказывает Учитель

(наподобие того, как это происходит в театре Дзёрури, где слова рассказчика иллюстрируются кукольным представлением).

УЧИТЕЛЬ. Рисовать было для него страстью большей, чем страсть к женщине, к сакэ или к пище. Он мог рисовать несколько дней и ночей подряд, пока не падал без сил и чувств. Он расписывал стены, дома, заборы, дороги, обнаженные тела, нищих и прокаженных, собственные ногти и зубы, он рисовал на одежде, на тканях, на камнях, на листьях, на песке на морском берегу, на бурных волнах моря и водной глади озер. Он мог рисовать всеми красками, и теми, которые были известны только ему, а еще чаем, соленой морской водой, огнем и углем, мелом, соком трав, вином, землей и глиной, солнечным светом и светом луны. А когда у него заканчивалось все, чем можно рисовать – он отворял вены и рисовал собственной кровью. Он мог рисовать левою рукой столь же искусно, как правой, мог рисовать двумя руками одновременно, при этом глаза его могли быть закрыты и завязаны. Говорят, он умел рисовать даже во сне. Все, что он рисовал, – было прекрасно. Часто невозможно было понять – настоящая эта вещь или нарисованная. Он нарисовал все, что можно было нарисовать, все вещи, всех животных, все растения, все горы и реки, всех людей и Императора – словом, все, что существовало в мире. И однажды он понял, что ему больше нечего рисовать. Ему стало скучно, он забросил тушечницу и кисти, и лежал, отвернувшись к расписанной им стене, с закрытыми глазами...

Учитель выходит, и становится видно, что в пустой темной комнате с голыми стенами на циновке в углу лежит Аргон.

Где-то за стеной словно все время дергают за струну сямисэна, всегда одну и ту же. Заплакал ребенок.

Аргон сворачивается клубком.

Кажется, далеко залаяла собака.

Аргон садится; сидит, словно изваяние Будды.

АРГОН. О, Господи!.. *(Сворачивается в позу эмбриона.)*

Пошел дождь. Зашелестело, зашуршало, с улицы порой доносятся мокрые шлепки-шаги. Какие-то стуки. Потом за стеной – невнятные разговоры, отчетливо слышны – высокий женский голос, глухой, хриплый мужской. Слов не слышно, но понятно, голоса спорят, а потом – бранятся.

Аргон прислушивается.

Чудится, словно далекий, негромкий женский голос зовет его: «Аргон!» Аргон неподвижен.

Голос вновь повторяет негромко, но вполне явственно: «Аргон!»

Аргон резко садится.

АРГОН. А?.. (Прислушивается.) Показалось?.. (Роняет голову на руки.)

Голос – кажется, совсем близко, шепчет призывно: «Аргон!»

АРГОН (резко садится). А?! Что?!.. Это она... Это ее голос...

Пауза.

АРГОН. Она опять снилась мне... Я кричал во сне и плакал, как ребенок... Почему она не хочет оставить меня... уйти из моих снов, из моих мыслей...

Пауза.

АРГОН. Чего я жду? Разве все не кончилось?.. Разве что-то еще будет?.. Я жду, когда придет моя смерть?.. Какая она?.. Говорят, она принимает любые обличья... Она может обернуться мужчиной и женщиной, ребенком или птицей, цветком, камнем, рисунком... Можно ли нарисовать свою смерть?.. Иногда мне кажется, что смерть натягивает на себя ее лицо, как актер маску, надевает ее платье, смерть использует даже ее запах и приходит в мои сны...

Пауза.

АРГОН. Спать... Когда спишь, нет этого мучительного ощущения... Но если уснешь – появится она...

Аргон опускает голову, лежит неподвижно.

Голос – совсем близко, шепчет: «Аргон!»

КАРТИНА ВТОРАЯ

В дверь резко стучат. Входит Хозяйка – все еще миловидная, молодящаяся женщина неопределенных лет.

ХОЗЯЙКА (громко). Спите?

АРГОН (не сразу). Нет.

ХОЗЯЙКА (включает свет). Электроэнергию экономите?

АРГОН. Нет.

ХОЗЯЙКА. Вы задолжали мне за два месяца! Я...
 АРГОН (*перебивает*). Я заплачу... У меня скоро будут деньги... Я обязательно...
 ХОЗЯЙКА. Я не собираюсь ждать!

Краткая пауза.

ХОЗЯЙКА. Ну, так и что? (*Усаживается на табурет, закуривает, пускает дым к потолку.*)

АРГОН. Я заплачу... Совсем скоро. Может быть, на следующей неделе.

ХОЗЯЙКА. Я имею привычку... знать о своих постояльцах все. И о тебе я знаю все. Ты уже месяц не выходишь из этой комнаты. Тебе пожрать не на что. Тебе нечем платить за комнату!

АРГОН (*резко*). Я заплачу! Я сказал! Оставьте меня в покое!

ХОЗЯЙКА. Не надо со мной грубо. Я могу тебя вышвырнуть завтра же.

АРГОН (*резко*). Почему не сегодня? Вышвырните меня прямо сейчас! Мне плевать!

Краткая пауза.

ХОЗЯЙКА (*с любопытством и довольно откровенно рассматривает Аргона*). Ишь ты, какой!.. И куда вы пойдете?

Аргон не отвечает.

ХОЗЯЙКА. Вы художник? Ведь так?.. Я знаю. Я кое-что про вас знаю... Я наблюдала за вами... Почему вы не работаете? Я слышала, раньше у вас было много работы, заказов, деньги водились...

АРГОН. Не ваше дело! Оставьте меня! Если вы хотите меня выставить...

ХОЗЯЙКА (*перебивает*). Я хочу... сделать заказ! Я тут подумала... Может, вы могли бы меня... это... ну, изобразить? А?.. Мне страх как интересно... как это получается, чтоб похоже было... (*Кокетничает.*) Или вы только голых женщин предпочитаете рисовать?..

Молчание.

ХОЗЯЙКА. Я женщина одинокая... Вот сама дело свое содержу... Больше себе в убыток, конечно, но что делать при моей-то доброте, да без мужского присмотра... Вы, я гляжу, тоже один одинешенек? Странно это – такой мужчина видный... Так что?

Изобразите меня? В счет оплаты... У меня тело красивое, да и на лицо – не уродка какая-нибудь. Я могу и чтоб голая!..

АРГОН. Я...

ХОЗЯЙКА (*встает, подходит к нему вплотную*). Нарисуй меня! Я хочу... чтоб ты меня... нарисовал! (*Начинает раздеваться.*)

АРГОН. Нет.

ХОЗЯЙКА. Ты не хочешь?!.. меня нарисовать?

АРГОН. Нет. То есть – да! Конечно. Но не теперь!.. У меня сейчас есть заказ, который... который мне нужно сделать... очень срочно...

Небольшая пауза.

ХОЗЯЙКА. А потом? Ты меня... нарисуешь?

АРГОН. Да!

ХОЗЯЙКА. Хорошо. (*Прижимается к нему.*) Ты нарисуешь меня голую, да?! А потом ты будешь рисовать прямо на мне, на моем теле – здесь и здесь, везде!.. (*Прижимает к себе его руку.*) Я уже давно хочу, чтоб ты... меня... нарисовал!

АРГОН. Да!

Маленькая пауза. Хозяйка отстраняется.

ХОЗЯЙКА. Вы хоть убираетесь тут? А? У меня приличный доходный дом. У меня тут живут важные люди. Я свинарника у себя не потерплю. И когда пользуетесь уборной, гасите свет за собой.

Хозяйка щелкает выключателем, свет гаснет, и она словно растворяется в темноте. Не слышно звуков открываемой и закрываемой двери. Хозяйка словно слилась с темнотой, воцарившейся в комнате, исчезла в сумраке.

В темноте Голос шепчет: «Красный мелок, Аргон! Красный мелок!»

КАРТИНА ТРЕТЬЯ (*ПЕРВЫЙ СОН АРГОНА*)

ОНА (*шепчет*). Аргон!

АРГОН. Ты здесь? Здесь? Зачем ты приходишь?..

ОНА. Потому что я не могу без тебя.

АРГОН. Ты приходишь мучить меня...

ОНА. Это делаешь ты сам.

Пауза.

АРГОН. Я любил тебя...

ОНА. Любил? Что это значит?

АРГОН. Не знаю... Я никогда не умел говорить об этом... Мне было хорошо, когда мы были вместе, когда ты была рядом...

ОНА. Мне казалось, что ты не замечаешь моего существования, что ты не видишь ничего, кроме картин, уже возникших в твоей голове, и еще не перенесенных на бумагу... Я была просто женщиной. А ты месяцами не прикасался ко мне, не дотрагивался до меня, даже не смотрел в мою сторону, не интересовался, что меня тревожит, о чем я думаю... *(Расчесывает волосы гребнем.)*

АРГОН. Ты говоришь как жена какого-нибудь бакалейщика, которой кажется, что муж не уделяет ей внимания... Я думал, что ты понимаешь меня, чувствуешь так же, как я...

ОНА. Временами мне так хотелось быть женой бакалейщика... *(Кладет гребень на циновку.)*

АРГОН. Ты ушла не поэтому.

ОНА. Ты жил где-то в маленьком раю в твоей душе, где тебе было хорошо, уютно, тепло и удобно, а мне там не было места.

АРГОН. Откуда ты знаешь, что мне было хорошо, приятно, уютно?..

ОНА. Это было видно. Твоя работа выдавала тебя. Твое уютное блаженство отражалось в твоих картинах, от них веяло сытым благополучием, поэтому они так нравились сытым обывателям, их покупали, ими восхищались сытые снобы-критики.

АРГОН. Зачем ты повторяешь это опять?

ОНА. Я говорю то, что я думаю.

АРГОН. Из-за этого мы и расстались?

ОНА. Помимо твоей воли все, что происходит с тобой, – отражается на рисовой бумаге, по которой ты водишь кистью.

АРГОН. Чего же ты хотела?!

ОНА. Я хотела, чтобы ты делал то, что ты можешь! Я знаю, чего ты можешь достичь! Ты можешь преобразить мир, Аргон! Ты можешь рисовать так, что любой, кто увидит твою картину – никогда уже не будет прежним, потому что душа в нем перевернется. Ты можешь рисовать так, что души людей будут выворачиваться! Ты можешь создать свой мир, Аргон! Там будет совсем другая перспектива, другие цвета, другие запахи, звуки. Это будет наш мир, Аргон! Твое искусство – есть истинное волшебство! И ты должен понять это, наконец!

АРГОН. Зачем ты приходишь?!.. Зачем ты это сделала?!..

*Ее уже нет в комнате. Непрочная ткань сна рвется.
Голос в темноте зовет: «Аргон!»*

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Входит старый приятель Аргона – хорошо одетый, сытый и вылизанный молодой человек. В руках у него – полиэтиленовые пакеты, на которых – лицо девушки.

ПРИЯТЕЛЬ. Аргон?..

Аргон неподвижен.

ПРИЯТЕЛЬ. Здравствуй.

Молчание.

ПРИЯТЕЛЬ. Ты меня слышишь хотя бы?

АРГОН. Я хочу спать. Я сплю... Это сон...

ПРИЯТЕЛЬ. Тогда я оказался в твоём сне.

АРГОН. В моих снах есть только эта комната, я сам и она...

ПРИЯТЕЛЬ (*осматривает комнату, морщится*). Признаться, в твоём сне все как-то не очень... весело... (*Увидел Ее гребень, берет его в руки.*) О! А что это?

АРГОН. Где?

ПРИЯТЕЛЬ. Вот это! (*Смеется, вертит гребнем перед лицом Аргона.*) Что это? Наш отшельник не такой уж и праведник, а? Чье это?

АРГОН. Отдай.

ПРИЯТЕЛЬ. Какой-нибудь жрицы любви? Или это оставила твоя Муза? У тебя уже появилась новая Муза?

АРГОН. Перестань! Отдай!

Небольшая возня – Аргон отбирает гребень у Приятеля.

АРГОН. Зачем ты пришел?

ПРИЯТЕЛЬ. Просто так. Проведать тебя. Узнать – как ты? Посмотреть, как живет знаменитый художник, один из величайших мастеров нашего времени!..

АРГОН (*вдруг, скороговоркой*). Ты дашь мне денег? В долг? Совсем немного! Я жутко голоден. Я съел бы теперь все что угодно...

ПРИЯТЕЛЬ. Это же сон! (*Смеется.*) Во сне не дают в долг!.. И даже если бы я дал тебе в долг, проснувшись, ты найдешь вместо денег – кучку золы или черепки... (*Смеется.*) А отдавать потом пришлось бы живые деньги! (*Смеется.*) А у тебя их нет.

АРГОН. Зачем ты пришел?

Небольшая пауза.

ПРИЯТЕЛЬ (*посмеиваясь*). Я хотел узнать о творческих планах гения. Над чем ты сейчас работаешь? Это потрясающе интересно – какая каша булькает в голове и в душе Творца!.. Расскажи мне!

АРГОН. Каша... Я расскажу, если ты... меня накормишь... Я умираю от голода. Если я не съем хоть что-то – я сдохну!

ПРИЯТЕЛЬ (*бросает Аргону полиэтиленовый пакет*). Возьми!

АРГОН. Что это?

Аргон берет пакет в руки. На пакете – реклама сети забегаловок «быстрой еды» – миловидное лицо девушки, которая, соблазнительно улыбаясь, держит в руках какой-то огромный бутерброд.

АРГОН (*глядя на лицо девушки на пакете*). Это она...

ПРИЯТЕЛЬ. О чем ты?

АРГОН (*показывает Приятелю пакет*). Это – она...

ПРИЯТЕЛЬ. В самом деле?.. А, ну да, я припоминаю, ты, кажется, говорил, что она была манекенщицей...

АРГОН. Фотомоделью.

ПРИЯТЕЛЬ. Да-да. Конечно. Я вспомнил. (*Рассматривает пакет.*) У нее был контракт с этой компанией «Райская пицца», торгующей жратвой, от которой раковые клетки размножаются в два раза быстрее. (*Усмехается.*) По всему городу расклеены баннеры, на которых – «она»! Неужели ты не видел?..

АРГОН. Я никуда не хожу.

ПРИЯТЕЛЬ (*усмехается*). Она очень соблазнительно выглядит на этих плакатах.

АРГОН. Она умерла! Умерла!!

ПРИЯТЕЛЬ. Извини.

Пауза.

ПРИЯТЕЛЬ. По дороге к тебе я увидел забавную сцену. Какой-то нищий старик в живописных лохмотьях, достойных твоей, кстати, кисти (сквозь прорехи так красочно зияла его немощная и немытая плоть!), согнувшись над сточной канавой, берущей начало метров за сто в ресторанной кухне, шарил руками в липкой, черной как деготь воде. Потом что-то вытащил. Это была проволочная сетка. Промыв ее в ручье, он достал то, что в ней застряло. Он охотно рассказал мне, что если перегородить канаву проволочной сеткой, за день в ней набирается отбросов на один раз поесть. Вот!

Пауза. Аргон достает из пакета сверток, разворачивает его. Оберточная бумага оглушительно шелестит.

ПРИЯТЕЛЬ. Он любезно согласился уступить мне свой дневной рацион совсем недорого. В этом свертке – завтрак, обед, ужин... Ешь!

Пауза. Аргон ест содержимое сверка.

ПРИЯТЕЛЬ (*глядя на то, как Аргон поглощает объедки*). Да...

Маленькая пауза.

АРГОН. Извини! Я совсем забыл про обязанности хозяина. Сам ем, а гостю не предлагаю. Угощайся! Очень вкусно! Угощайся!

ПРИЯТЕЛЬ. Я не голоден.

АРГОН. Поешь со мной, прошу тебя! Не обижай старого друга! Мы так давно знакомы! Столько всего было, столько общих воспоминаний! Раздели со мной трапезу! Я прошу!

ПРИЯТЕЛЬ. Я не...

АРГОН. Ешь!

ПРИЯТЕЛЬ. Нет, я...

АРГОН. Ешь!!! (*Хватает Приятеля за шиворот и тычет лицом в сверток с объедками.*) Вот! Еще! Хорошо!

ПРИЯТЕЛЬ. Прекрати!

АРГОН. Съешь еще капелюку!

ПРИЯТЕЛЬ. Это шутка!

АРГОН. Тем лучше!

ПРИЯТЕЛЬ. Отпусти!!!

АРГОН. Хорошо. Отлично! Спасибо, что не отказался. (*Отпускает Приятеля.*) Надеюсь, ты сыт?

ПРИЯТЕЛЬ. Это сон!

Приятель вытирает лицо платком.

АРГОН. Сон? Прекрасно!.. Кто посылает мне эти сны?! Ты знаешь?.. Мне кажется, эта комната... странная... И страшная. В ней происходят странные вещи...

Небольшая пауза.

ПРИЯТЕЛЬ. Это шутка... Это всего лишь неудачная шутка. Я не хотел... Прости...

АРГОН. Нет! Она удалась!

ПРИЯТЕЛЬ. Я принес еду, принес выпить... *(Из другого пакета, тоже с лицом девушки, он достает свертки с едой, бутылки.)*

АРГОН. Я сыт. Спасибо, что ты позаботился обо мне... Кстати, я возьму тебе убытки, я заплачу за этот обед, который ты купил для меня!.. Добрые дела должны быть вознаграждены!

ПРИЯТЕЛЬ. Прости. Давай выпьем! *(Открывает бутылку.)* Это отличный бренди.

АРГОН. Кажется, где-то у меня все-таки осталось пара рисунков... Где?.. *(Шарахается по комнате, роется в скудных пожитках.)* Что-то осталось... что-то должно было... *(Вытаскивает из-под циновки рисунок, бросает Приятелю.)* Вот! Возьми. Это плата за твою дружбу.

Приятель поднимает рисунок, рассматривает. Пауза.

ПРИЯТЕЛЬ *(прослезился)*. Туда хочется уйти... и остаться там жить... Ты – Великий художник...

Краткая пауза. Приятель наливает себе и Аргону. Они выпивают почти машинально.

АРГОН. Не-ет! Нет!.. Я был неплохим ремесленником... Был... до тех пор, пока...

ПРИЯТЕЛЬ. Почему ты живешь здесь, в этой дыре?! У тебя были заказы. Твои картины...

АРГОН. Мои картины!

ПРИЯТЕЛЬ. Эти твои картины тушью хорошо продавались. Ты был в моде!

АРГОН. Да... Меня считали великолепным рисовальщиком! Говорили, что у меня есть Дар... Только она одна знала... на что я на самом деле способен. Только она одна требовала большего...

ПРИЯТЕЛЬ. Она?.. У тебя были заказы! Был успех. Что еще нужно? У тебя водились деньги. Тебя любили женщины из квартала красных фонарей и прислуга в чайных – за щедрость.

АРГОН. По крайней мере, я хорошо питался... *(Усмехается.)*

ПРИЯТЕЛЬ. Что еще нужно для счастья?

АРГОН. А что такое – счастье?

Пауза.

АРГОН. Я переехал на городскую окраину, вечно мокнущую под дождем... В доходный дом, пропахший запахами кухни... в

маленькую, сырую комнатенку – три на три метра, по соседству с уборной. Стол, книжные полки, мольберт, даже ящик с красками – все, все пошло на покупку хлеба...

ПРИЯТЕЛЬ. У тебя даже нет денег на шлюх?

АРГОН. Дар... Что это такое?.. Искра Божья... Почему она есть? Как определить, на самом деле она есть, или... Она говорила мне о художнике, мечтавшем написать картину, которая висела бы без гвоздя... Просто парила в воздухе...

Пауза. Они выпивают.

АРГОН. Однажды я рисовал... Я рисовал – не думая, беличья кисть сама скользила по влажной бумаге... словно помимо моей воли, и на бумаге возникали цветы и листья, гладь воды, изогнутая сосна, притулившаяся на камнях скалы, одинокий путник – остановившийся, чтобы передохнуть... Образы возникали сами, на кончике моей кисти, я словно не участвовал в акте их рождения... Она подошла сзади, неслышно, как кошка на мягких лапах, я не услышал, как она подошла и стала смотреть, просто смотреть, молча. Я почувствовал, оглянулся... Она ничего не говорила, просто смотрела, но я понял... Я вдруг увидел все ее глазами...

Пауза. Выпивают.

АРГОН. Я увидел свои картины. Они были ужасны! Ужасны!.. В них не было ничего, кроме техники, кроме старательности и прилежания, они были красивыми копиями природы и только! В них не было дыхания жизни! Они были мертвые! Мертвые!

ПРИЯТЕЛЬ. За них платили приличные деньги, Аргон. Твои картины покупали. Они нравились. Что еще нужно?

АРГОН. Она...

ПРИЯТЕЛЬ. Она, она, она! Тебя заклинило? Конечно, о покойниках не принято говорить плохо, но... Она была дура. Извини. Учила тебя как тебе нужно рисовать! Смешно! Она не стоила тебя. Ты был прав, когда выгнал ее.

АРГОН. Она ушла сама. Она так решила... Я... Я виноват, что она... умерла... Мне нельзя было ее отпускать...

ПРИЯТЕЛЬ. Теперь ты будешь распускать сопли и слюни?.. Она сама! При чем здесь ты?! Она была сильно под кайфом и перепутала окно с дверью. У нее в крови был алкоголь и героин.

АРГОН. Откуда ты знаешь?

ПРИЯТЕЛЬ. У меня есть связи в полиции.

АРГОН. Я должен был удержать ее! Она снится мне все время... Она приходит ко мне...

ПРИЯТЕЛЬ. Тебя просто тянет попасть в психушку.

Пауза. Они пьют.

АРГОН. Я больше не мог видеть эти куски бумаги, испачканные тушью – мои картины! Я собрал их все, все, что были в моей мастерской, сложил и зажег...

ПРИЯТЕЛЬ. Ты – идиот! Ты сжег деньги!

АРГОН. Я смотрел на языки пламени, как огонь пожирает раскрашенную бумагу, как она коробится, превращается в черные хлопья пепла... Я смотрел, как замороженный, и временами мне казалось, что в отвесах огня я различаю что-то...

ПРИЯТЕЛЬ. Что?!!

АРГОН. Я не чувствовал жалости к трудам своей жизни, не чувствовал жалости к самой своей жизни, к себе. Я ничего не чувствовал, кроме пустоты, которая поглотила меня, словно морская волна. Абсолютная, бесконечная, беспощадная пустота. Я был пустым, как белый лист, и это было даже приятно... С тех пор я ни разу не брал в руки кисть. Я больше не мог рисовать. Я больше не знал, как нужно держать кисть... Мне казалось, что я вот-вот пойму что-то... Что мне будет даровано откровение... Я ждал... Я наблюдал, как пустота разрушает меня... Я продал кисти, краски, все, что у меня было, чтобы не умереть с голоду... Теперь, даже если б я захотел... мне было нечем рисовать... и не на чем... Дни шли за днями и ничего не происходило. Ничего не менялось. Только границы пустоты расширялись – до бесконечности...

Пауза.

ПРИЯТЕЛЬ. А помнишь, когда мы были детьми... мы любили пугать нищих?.. Мы ждали, когда они устроятся на ночлег в своих картонных коробках на пустыре за базаром, а потом выскакивали с гиканьем, криками, грохотали железками, завывали, светили фонариками! Помнишь?.. Свистели в свистки!.. Раздобыли ручную сирену! Как дико она выла – уши закладывало! Помнишь?! Как нищие выкарабкивались из своих коробок! До смерти перепуганные, ошалевшие, метались в темноте, заслонялись от света фонариков! Орали! Ругались, ничего не понимали – думали, что облава, топтали свои коробки! Ты помнишь?! Ты всегда был главным в наших играх. И твои игры всегда были опасны. Помнишь, как мы прыгали с моста? А как вырывали сумки из рук прохожих и убегали?..

АРГОН. Да, есть что вспомнить...

ПРИЯТЕЛЬ. А потом у тебя обнаружили способности. Ты стал учеником мастера. И, совсем скоро – сам стал мастером. У других уходили годы на то, чего ты достигал за дни!

АРГОН. Ты всегда мне завидовал.

ПРИЯТЕЛЬ. Я помню, как однажды, когда у нас совсем не было денег, ты взял какую-то картонку и быстро-быстро нарисовал на ней великолепный пейзаж! Помнишь?

АРГОН. Нет.

ПРИЯТЕЛЬ. Я помню! Горный ручей. Ранее утро. Дымка тумана. Казалось, что ветви нарисованного дерева вот-вот качнутся. Туда хотелось уйти! Да! Ты говоришь – они мертвые – твои картины?... Но они завораживали, в них хотелось войти... и остаться там навсегда... Ты сел прямо на улице с какой-то картонкой, и через несколько минут из-за нее почти дрались покупатели...

АРГОН. Мы пошли тогда в ресторан, кажется?..

ПРИЯТЕЛЬ. Мы жили на эти деньги несколько дней.

АРГОН. Какой-то русский сказал: «Зависть есть признание себя побежденным»... А славные были времена!..

ПРИЯТЕЛЬ. А теперь ты сидишь тут без гроша... Почему?

Молчание.

ПРИЯТЕЛЬ. Нет, мне действительно интересно! Я простой смертный. Простые смертные всегда с трепетом внимают историям о безумной жизни Великих Творцов, вроде тебя... Они хотят все знать о психах-гениях и их сумасбродных поступках... Ты не отрезал себе ухо или чего-нибудь еще?... Нет? Ты просто сидишь тут в этом дерьме и не делаешь ничего... Да?... А знаешь, почему простым смертным, вроде меня, так интересно? Они все время пытаются понять – в чем разница... между нами – простыми смертными, и Гениями, осененными Божьей благодатью! Ответь мне! В том, что Гениям позволено жечь деньги? А потом мы, простые смертные, обязаны спасать их от голодной смерти?..

Пауза.

ПРИЯТЕЛЬ. Я деловой человек. Я хочу тебе помочь. Для того ведь и нужны друзья, чтобы помогать в трудную минуту? Я хочу сделать тебе заказ. (*Берет в руке пакет с изображением девушки.*) Мне нужна она! Моей фирме предложили хороший контракт – провести рекламную кампанию одного очень, очень крупного концерна. Я подумал – она это то, что нужно!

АРГОН. Она умерла.

ПРИЯТЕЛЬ. Я знаю... Я знаю, черт возьми!.. Ты хоть знаешь, что я любил ее? Тогда, давно... Знаешь?.. Но она предпочла тебя... Дура. Предпочла гения – простому смертному... (*Усмехается. Небольшая пауза.*) Мне нужно ее лицо, ее тело... для этой компании!.. Я занимаюсь рекламой и знаю, что говорю. Я нутром чувствую, что нужно, чтобы реклама работала!.. Я профи, черт возьми! Это я сделал ей тогда контракт с «Райской пиццей»! Я! Она ушла от тебя и сидела без гроша. После моей рекламы, после этих щитов с ее фотографиями доходы с продаж «Райской пиццы» выросли на двадцать процентов! Ты понимаешь, что это значит! Это была золотая жила! В ней было что-то такое, что заставляло выкладывать деньги за безвкусные бутерброды, люди как зомби шли и покупали эту быструю жратву. Тебе нужно взглянуть на эти баннеры. В ней было что-то такое, понимаешь?

АРГОН. Она умерла.

ПРИЯТЕЛЬ. Дура! Выбросилась из окна! У нее появились деньги – очень хорошие деньги, и она подседа на наркоту!.. А теперь... Мне очень нужен этот контракт! Мне нужна она!

АРГОН. Она умерла! Ты слышишь?! Она – умерла! Ее больше нет! Умерла!

ПРИЯТЕЛЬ. Успокойся. Я знаю. Поэтому мне нужен ты. Только ты сможешь нарисовать ее! Понимаешь?! Ты сможешь нарисовать ее для меня... для моей рекламной компании! Это будет даже лучше, чем фотографии! В этом будет великолепный шарм! Ты превосходный художник! Великий! Ты – лучший! И только ты сможешь нарисовать ее так... так, как надо! Я знаю, я чувствую, это будет работать! Это очень большие деньги, Аргон! Ты не представляешь, не можешь представить себе, какие это деньги! Понимаешь?! Мы заключим с тобой сделку, подпишем контракт. Клянусь тебе, ты не пожалеешь!..

Краткая пауза.

ПРИЯТЕЛЬ. И мир будет у твоих ног, Аргон! Ты решишь все проблемы. У меня есть связи... Очень серьезные связи! Если ты будешь рисовать, как раньше... Если ты будешь рисовать... все равно как!.. я могу сделать, чтоб твои картины висели во всех галереях мира!..

АРГОН. И ты... можешь сделать так, что они будут висеть без гвоздей?

ПРИЯТЕЛЬ. Ты будешь богат! Даже не просто богат, а...

АРГОН. Уходи.

ПРИЯТЕЛЬ. Подумай! Это наш с тобой шанс! Твой и мой!

АРГОН. Уходи!

ПРИЯТЕЛЬ. Ты просто псих! Сумасшедший! Чего ты хочешь?!
Чего тебе нужно?!

АРГОН. Убирайся!

ПРИЯТЕЛЬ. Ты сдохнешь с голоду в этом дерьме! Ты сдохнешь!..

Аргон хватается Приятеля, вышвыривает вон. Ожесточенно хлопает дверью. Приваливается спиной к двери, сползает по ней, сидит без движения. Темнота.

КАРТИНА ПЯТАЯ (ВТОРОЙ СОН АРГОНА)

Аргон сидит, привалившись спиной к двери. Проявляется Она.

АРГОН. Зачем ты это сделала? Ответь мне!

ОНА. Разве это важно теперь? Наверное, я любила тебя. Наверное, я не смогла без тебя жить. Я хотела, чтобы ты изменился, чтоб ты понял свое предназначение.

АРГОН. Почему ты не вернулась?..

ОНА. Наверное, я слишком сильно любила тебя...

АРГОН. Когда ты ушла... Я не мог больше рисовать с тех пор. Зачем ты это сделала?! Ты отняла у меня все! Мою веру в себя, в свой Дар, способность работать, радоваться, жить!.. Я ничего не могу!.. Ты ушла из моей жизни... а потом ты... Зачем?! Ты разрушила мою жизнь, меня!..

ОНА. Ты всегда говоришь только о себе.

АРГОН (*берет ее за плечи, трясет*). Зачем ты это сделала?! Я ненавижу тебя за то, что ты сделала со мной!.. Зачем?! Зачем ты умерла?!

Пауза.

ОНА. Я прихожу, потому что мне приказывают, повелевают, потому что я не могу без тебя, потому что я не могу обрести покой здесь... Самоубийцы нарушают вселенский порядок. Стройное гармоничное мироздание рушится, как карточный домик, когда кто-то, как я, лишает себя жизни, которая дана не нами, и мы не вправе распоряжаться ею по своей прихоти. Покончившие собой – несут наказание, – они становятся неприкаянными странниками в мире Теней. Они жаждут вырваться из этого сумеречного и страшного мира – страны желтого источника, страны мертвых – ёми-но-куни.

Небольшая пауза.

АРГОН. Я хочу умереть, как и ты... Почему ты не сказала... Мы бы совершили двойное самоубийство, как любовники прошедших времен, отчаявшиеся в своей злосчастной судьбе... Меня уже ничто не держит в этой жизни, я ничего не хочу, у меня нет желаний. У меня больше нет сил даже на то, чтобы жить. Я устал. Я хочу покоя. Я хочу соединиться с тобой. Я хочу умереть.

ОНА. Нет! Ты должен работать!

АРГОН. Скажи, мы ведь встретимся там, где ты сейчас? Я увижу тебя? Хотя бы твою тень! Я смогу вечно просить у тебя прощения.

ОНА. Нет! Ты должен исполнить свое предназначение!

АРГОН. Мы будем странствовать с тобой в этом бесконечном, бесцветном пространстве... и мы будем опять вместе – ты и я – две неприкаемые тени, соединенные любовью... Я люблю тебя! Я буду любить тебя всегда – вечно!...

ОНА. Нет!

Звякнул серебряный колокольчик. Ее нет в комнате.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

АРГОН (*открывает глаза*). Проклятые сны! Проклятая комната! Проклятая жизнь! Я устал... Мне нужен покой... Я хочу умереть. Мне незачем больше жить. Все кончилось... Я больше не хочу жить без тебя...

Аргон встает, роется в вещах, достает нож.

Аргон совершает ритуальные поклоны четырем сторонам света, садится, привалившись к двери, подвернув под себя ноги, распахивает свою одежду, открывая бледную кожу на груди. Он берет нож за рукоять обеими руками, приставляет – острием к ямочке между ключиц.

В дверь резко стучат, и в комнату вваливается Хозяйка. Аргон падает.

ХОЗЯЙКА. Это что?! Кто тут у вас? Я не позволю водить в мой дом потаскух! Где она?! Куда ты ее девал?! (*Мечется по комнате, заглядывает во все углы.*) Я слышала!

Аргон садится, приставив к горлу нож.

ХОЗЯЙКА. Тут тебе не дом терпимости! Тут приличное место! Я никому не позволю!.. Я все слышала! Где эта подлая тварь?

Куда ты ее?!. Я слышала голоса!! (*Видит в руке Аргона нож, приставленный к горлу.*)

Пауза.

ХОЗЯЙКА. Э-э-э-а-а-а! Вы... Вы это что?!. Вы это чего тут?!. А?!

Аргон открывает глаза. Он безмолвен и неподвижен.

ХОЗЯЙКА (*испуганно*). Вы чего тут у меня удумали еще?! А?! Я вас тут прямо спрашиваю: чего вы тут устраиваете такое?! А?!

Краткая пауза. Аргон опускает нож.

ХОЗЯЙКА. Вы тут, это самое! Вам тут что, по-вашему?! У меня тут приличное заведение, доходный дом! А вы тут... что это такое еще!! (*Распалаясь все более и более.*) Если вы хотите себя зарезать, так идите куда-нибудь в другое место! А вперед сначала заплатите за комнату, а потом уже режьтесь, убивайтесь себе на здоровье, если вам жизнь надоела, но не здесь, не у меня в доме! У меня враз никаких жильцов не останется, если узнают, что в моем доме всякие сумасшедшие себя кончают! Ишь ты, чего он выдумал! Не заплатил за два месяца, а устраивает смертоубийство! И в моем, главное, доме, и моим еще ножиком!

АРГОН. Все. Тихо! Хватит орать.

ХОЗЯЙКА. Чего-о?!

АРГОН. Я сказал: замолчи.

ХОЗЯЙКА. Чего?! Он еще будет слова всякие мне говорить, он еще мне приказывать будет! Денег не платит, живет, да еще и убивает себя у меня на глазах моим ножом! Еще и приказывает! Вы на него только гляньте! Да я сейчас живо полицию! И тебя за такое хулиганство, за издевательство – в каталажку! Проходимец! Бездельник!

АРГОН. Послушайте!

ХОЗЯЙКА. Вы мне деньги за комнату должны, да еще за кормежку не платили сколько! Да за белье, за полотенца, за постирушки барахла вашего несчастного! Я вас мигом упеку куда следует! Небось, враз охота пропадет чужим ножиком баловаться!

АРГОН. Да выслушайте меня!

ХОЗЯЙКА. Нечего мне тебя слушать!

АРГОН (*скрутил Хозяйку, прижал холодное лезвие ножа к ее щеке*). Я не хотел себя убивать. Я просто... я пытался предста-

вить себе... как это происходит... Это для картины. Понимаешь? Я хотел увидеть изнутри... Я искал позу. Позу для рисунка, чтобы почувствовать...

Пауза.

ХОЗЯЙКА (*сомлев от его близости, восхищенно*). Ты тронутый! Все художники – немного того, да?

АРГОН. Да! Мы все немножко сумасшедшие. Чуть-чуть. Все в порядке.

ХОЗЯЙКА. Ты не врешь?.. Ты правда... это... для картинки?

АРГОН. Да.

Пауза.

ХОЗЯЙКА. А как насчет...

АРГОН. Денг?.. Эта картина... за нее мне заплатят, и я отдам...

ХОЗЯЙКА. А как насчет меня? Ты меня... нарисуешь?

АРГОН. Да.

ХОЗЯЙКА. Когда?

АРГОН. Скоро. Вот покончу с этим...

ХОЗЯЙКА. Я слышала, ты хороший... художник. Это правда?

АРГОН. Да, я хороший художник.

ХОЗЯЙКА. Я тоже думаю, что это правда. Ты с приветом. Так и должно быть. Хороший художник обязательно должен быть трехнутый.

АРГОН. Да. Верно.

ХОЗЯЙКА. Вы точно тронутый, не в своем уме. Правду говорят – все художники – полоумные. (*Подходит вплотную к Аргону, ее грудь касается груди Аргона.*) Ты обещал меня... нарисовать! (*Смеется, потом жарким шепотом, ощущывая его всего.*) А может быть... прямо сейчас, а?.. Может, прям теперь?.. Ты... меня нарисуешь?.. Ну, давай, милый, а? Давай! Не дразни меня, слышишь?

Маленькая пауза. Аргон отстраняется.

ХОЗЯЙКА. Ну?!

АРГОН. Нет! (*Бросает нож, который вонзается в пол, выходит, хлопнув дверью.*)

Хозяйка прижимается спиной к двери, со стоном стекает по ней на пол.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Улица. Аргон стоит перед огромным плакатом с лицом девушки, рекламирующим сеть забегаловок «Райская пицца».

АРГОН. Как странно... ее уже нет, а ее изображение продолжать жить... Она улыбается своей чудной улыбкой, которую я так помню... Ее изображение продолжает жить... они продолжают пользоваться ею... использовать ее... даже смерть не может защитить от этого... Смерть не властна над изображением... И если попытаться...

Появляется Учитель.

УЧИТЕЛЬ. Аргон!

АРГОН. Сенсей? Это вы?

УЧИТЕЛЬ. Аргон... *(Пошатывается.)*

АРГОН. Что с вами, сенсей? Вам плохо? *(Поддерживает Учителя.)*

УЧИТЕЛЬ. Нет. Ничего... Просто я... пьян, Аргон! А еще я стар, болен...

АРГОН. Я так давно вас не видел, сенсей.

УЧИТЕЛЬ. Меня все забыли, все... И я рад, что меня забыли, оставили в покое... Я рад.

АРГОН. Куда вы шли? Проводить вас домой?

УЧИТЕЛЬ. Я искал тебя, Аргон.

АРГОН. Меня?

УЧИТЕЛЬ *(толкая Аргона в грудь, резко)*. Он уже приходил к тебе? Да? Он уже был у тебя? Он уже дал тебе его?

АРГОН. О чем вы говорите, сенсей?

УЧИТЕЛЬ *(зло)*. Он у тебя?.. Красный мелок? Ты уже пробовал рисовать им?

АРГОН. Я не понимаю. Вы учили меня, как нужно растирать тушь в тушечнице и смешивать краски, как разводить тушь водой, чтобы та не была слишком густой, не сбивалась в комки, и не слишком жидкой, не растекалась. Вы учили меня, как нужно вести линию кистью по влажной рисовой бумаге, чтобы она была точной и тонкой, вы учили меня многому...

УЧИТЕЛЬ. И ничему не научил. Я не мог сделать больше.

АРГОН. Вы не учили меня рисовать мелом.

УЧИТЕЛЬ. Когда достигаешь совершенства, все сразу становится ясно и просто. На тебя нисходит божественный дух. Становится легко... И ты можешь рисовать чем угодно – углем, чаем, кровью из собственных вен, мелом... Я любил тебя... как сына...

Он приходил к тебе? Ты согласился?! Ответь, ты взял красный мелок?! (*Бьет Аргона.*)

АРГОН. Сенсей! Что вы делаете?!

УЧИТЕЛЬ. Где он?! Где?! Отдай его мне! (*Бьет Аргона. Пытается вытрясти внутренности его карманов.*) Отдай его мне!

АРГОН. Что с вами, сенсей?! Перестаньте!.. Сенсей!

Отталкивает Учителя и тот без сил валится на землю. Пауза.

АРГОН. Простите, сенсей!.. Я не хотел!.. (*Склоняется над Учителем, помогая ему сесть.*)

УЧИТЕЛЬ. Ты помнишь, когда ты был совсем юным учеником-подмастерьем, я рассказывал тебе и другим сказку про Волшебный мелок?

АРГОН. Не помню...

УЧИТЕЛЬ. Вспомни! Сказку про художника... у него был Дар... он нарисовал все, что можно было нарисовать в подлунном мире...

Меняется свет. На стене появляются тени.

УЧИТЕЛЬ. Ему стало скучно, он забросил тушечницу и кисти и лежал, отвернувшись к расписанной им стене, с закрытыми глазами... (*Пауза.*) Рано или поздно это происходит со всеми... со всеми, кто обладает Даром... Волшебным Даром изменять мир, создавать другую реальность, божественным Даром вдыхать живую душу в линии и пятна на бумаге или холсте... Каждый, кто обладает Даром, рано или поздно чувствует за спиной ледяное дыхание вечного врага. Каждому является Тень. К каждому она является в своем обличье... но это всегда один и тот же вечный враг, который хочет завладеть обладателем Дара, подчинить его своей темной воле и с его помощью проникнуть в мир солнца... Он хочет войти в мир и сожрать мир вещей и явлений... а из своей смрадной утробы изрыгнуть другой мир – тьмы и соблазнов... Он приходит... всегда приходит... Он хитер, он страшен, он искушает, завлекает, прельщает, он предлагает все... все! И горе тому, кто поддастся соблазну, ибо он впустит в мир вечного врага... (*Пауза.*) В час Первой стражи, когда художник лежал, отвернувшись к расписанной им стене, с закрытыми глазами... на стене возникла Тень. «Ты нарисовал все в подлунном мире, в мире земли и солнца, – сказала Тень, – но ведь есть еще другой мир – мир Теней, царство мертвых. Идем со мной в страну Желтого источника, в подземный мир, и

тебе надолго хватит работы». Художник обрадовался – у него опять будет что рисовать. «Только уговор такой, – сказала Тень, – отныне ты будешь рисовать только одним красным мелком, обладающим волшебной силой. А первым, кого ты нарисуешь – буду я». Художник согласился. Он отправился за тенью, прошел сквозь собственный рисунок на стене, и оказался в мире тьмы и Теней. Сначала он ничего не мог разглядеть, потом глаза его привыкли к вечному сумраку страны снов, и он вновь стал рисовать красным мелком. Первым, как и обещал, он нарисовал Тень. И Тень стала живой плотью. «Твой Дар вдохнул в меня жизнь, – сказала Тень, – я вновь могу вернуться в мир людей, в мир солнца и луны, а ты навсегда останешься здесь, в мире ночи, в стране ёми-но-куни». И Тень, вновь обретшая плоть, ушла в земной мир, а художник остался. Он рисовал и рисовал красным мелком. И что бы он ни нарисовал в этом царстве мертвых, – оживало. Вещи, нарисованные им, – становились настоящими, твари и фантастические чудовища, обитающие там, делались реальностью, тени – обретали плоть и возвращались в мир живых. А он оставался и продолжал рисовать. Его охватило отчаяние от того, что он обречен вечно пребывать в мире Теней...

Пауза.

УЧИТЕЛЬ. Он опять приходил ко мне...

АРГОН. Вы просто напились, сенсей...

УЧИТЕЛЬ. Тогда, давно, он искушал и прельщал меня... Я взял нож и отрезал свои пальцы... (*Выпростал из рукава культю.*)

АРГОН. Почему?

УЧИТЕЛЬ. Только так мне удалось избежать искушения, спасти душу... Я стал просто учителем... А теперь он опять пришел...

АРГОН. Кто?! Кто – он?!

УЧИТЕЛЬ. Тень. Дракон. Вечный враг.

АРГОН. Давайте, я провожу вас домой...

УЧИТЕЛЬ. Он сказал, что мне все равно не удалось... не удалось обмануть вот этим! (*Трясет культей перед лицом Аргона.*) Я хотел убить тебя... если ты продался ему! (*Здоровой левой рукой он выхватывает из-за пазухи нож.*)

АРГОН. Сумасшедший старик...

УЧИТЕЛЬ. У меня тоже был дар, поэтому он приходил ко мне... Я отсек свои пальцы, чтобы никогда не достичь совершенства! Он пришел опять, он смеялся надо мной, он сказал, что я проиграл, потому что ты, мой ученик – откроешь ему двери в мир. Ты, Аргон, твой Дар – самое дорогое, что осталось у меня, Аргон!.. Он хочет отобрать у меня последнее... У тебя есть красный мелок? Он дал его тебе?! Он хитер!...

АРГОН. Сенсей... вам лучше пойти домой...

УЧИТЕЛЬ. Я убью тебя! Я должен тебя убить, чтобы воспрепятствовать злу...

Учитель резко и неожиданно замахивается для удара ножом. Аргон перехватывает его руку. Нож выпадает из слабой старческой руки.

УЧИТЕЛЬ (*плачет*). У меня нет сил... нет сил... я хочу умереть, пусть он заберет меня, мою душу... но нет, ему нужен ты, а не моя иссохшая, как и плоть, душа... ему нужен твой Дар, Аргон, твоя душа!.. Он хочет сожрать этот мир, чтобы воцарился мрак... Он говорил мне, что ты будешь рисовать по его воле... он говорил мне, что он сожрет твою душу!.. (*Бормотание Учителя становится невнятным и бессвязным.*) Красный мелок...

АРГОН. Несчастный старик... ты помешался, выжил из ума...

УЧИТЕЛЬ. Красный мелок, Аргон! Красный мелок... красный мелок... красный мелок... мелок... мелок... мелок...

Поддерживая Учителя, Аргон уводит его.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Стены-экраны светятся изнутри призрачным inferнальным светом, в комнате – Дракон – тень на стене и извивающийся поток дымящегося света, в котором видна Ее Тень в длинном светлом одеянии.

ТЕНЬ-ДРАКОН. Почему ты не исполнила моего веления?

ЕЕ ТЕНЬ. Не знаю... не знаю...

ТЕНЬ-ДРАКОН. У нас был уговор.

ЕЕ ТЕНЬ. Да, я помню

ТЕНЬ-ДРАКОН. В обмен на возможность видеть его, говорить с ним, ты должна дать ему красный мелок! Заставить его рисовать!

ЕЕ ТЕНЬ (*едва слышно*). Да...

ТЕНЬ-ДРАКОН (*голос похож на вой*). Почему ты не сделала этого?!!

Пауза.

ЕЕ ТЕНЬ. Ты... ты говорил... Нужно быть осторожной и терпеливой...

ТЕНЬ-ДРАКОН. Да! Нельзя спугнуть его. Нужно заставить его работать. Нужно, чтоб он вновь обрел желание творить... Отча-

яние, горечь утраты, боль и страдания – только удесятят силу его Дара, закаляют его, как очистительное пламя горна – сталь меча.

ЕЕ ТЕНЬ. Что с ним станет?

ТЕНЬ-ДРАКОН. Только он может открыть дверь в мир людей, света, земли. Только его Дар способен создать жизнь из пустоты и тени.

ЕЕ ТЕНЬ. Что ты сделаешь с ним?

ТЕНЬ-ДРАКОН. Он станет тенью.

ЕЕ ТЕНЬ. Нет...

ТЕНЬ-ДРАКОН. Волшебный мелок в его руках даст мне свободу! Я войду в мир солнечного света. И этот мир будет моим!

ЕЕ ТЕНЬ. Он станет тенью...

ТЕНЬ-ДРАКОН. Он слаб. Его Дар оказался ему не по силам. Его Дар и его Судьба пожирают его.

ЕЕ ТЕНЬ. Я любила его.

ТЕНЬ-ДРАКОН. Он попался в мои тенета, как безмозглая бабочка, он запутался в паутине, расставленной мной. Он еще трепыхается, с его крылышек осыпается пыльца, но он – обречен. Ему никуда не деться.

ЕЕ ТЕНЬ. А если он убьет себя, покончит с собой?

ТЕНЬ-ДРАКОН. Он не сможет, у него не хватит сил и духа. Он слаб. Он откроет мне двери своего мира. И я войду! Он только ключ, инструмент...

ЕЕ ТЕНЬ. Он может отречься от своего Дара?.. Он ни разу не коснулся кисти, не взглянул на тушечницу.

ТЕНЬ-ДРАКОН. Мы заставим его. Ты сделаешь так, чтоб он вновь вернулся к своему ремеслу. Ты дашь ему красный мелок! Немедленно! Волшебный мелок – это великое искушение, которого он не сможет побороть! Оправляйся к нему и не смей больше являться, не исполнив моего повеления!

ЕЕ ТЕНЬ. Я не хочу причинять ему зло. Я и так сделала его несчастным, заставила страдать. Я больше не могу...

ТЕНЬ-ДРАКОН. Ты – Тень! Ты будешь делать то, что тебе прикажут.

ЕЕ ТЕНЬ. Нет! Я не хочу! Я не могу! Я любила его!.. Я люблю его!

ТЕНЬ-ДРАКОН. Ты – Тень! Ты не можешь противиться моей воле!

ЕЕ ТЕНЬ. Нет!!

Раздается стук в дверь и голос Хозяйки: «Эй! Ты опять привел какую-то блддь?! Открывай! Мерзавец! Подлец! Негодяй! Я слышала голоса! Открой сейчас же! Слышишь?! Сволочь!»

Поток дымящегося света – Дракон – взвившись кольцами – меркнет, в непроглядной темноте исчезает и Ее Тень.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

В комнату вваливается Хозяйка. В руках у нее поднос с едой.

ХОЗЯЙКА. Где вы?! А?! Ччерт! Темно – хоть глаз коли! (Шарит по стене, включает свет. Удивленно разглядывает пустую комнату.) Эй! Вы куда... спрятались?.. А?

С подносом в руках ходит по комнате, заглядывая во все углы, ищет.

ХОЗЯЙКА. Померещилось мне, что ли? Помстилось?.. Я же ясно слышала... мужской голос и женский еще... Вот черт!.. А я как путевая – жратву ему принесла... хотела накормить... Он же тут сидит не жрамши... Да без денег... Куда он мог уйти-то?.. То сидит сиднем, как пенек... (Мечтательно.) Одно слово – сумасшедший! Такой – бешеный! Если он такой же в постели... Да, спрятаться тут негде... Видно, мне впрямь послышалось... вот ведь, а! Прямо сама не своя. Просто как дура последняя! А все из-за него!.. Конечно, столько времени без мужчины живу, тут не то что послышаться, привидеться невесть что может!.. Я так его хочу!.. (Валится на постель Аргона, извивается на ней.) Хочу!

Дверь в комнату с визгливым скрипом прикрывается, гаснет в комнате свет.

ХОЗЯЙКА. Эй! Это что еще?! Что за шутки такие?! А?!

Дракон в виде узкой полосы дымящегося света проникает в проем полуприкрытой двери. Возникает негромко музыка.

ХОЗЯЙКА. Кто тут? А? Это ты?.. (Встает с постели Аргона.) Это ты?! (Идет к двери, выглядывает в коридор.) И тут темно... Ты выключил свет?! А! Ты хочешь поиграть со мной? Да?! Сумасшедший! Где ты?!

Прямо из стены появляется рука, она касается лица Хозяйки, ее шею, волосы, ласкает ее грудь, живот. Хозяйка в трепете желая прivalивается спиной к двери, откидывает голову, закрывает глаза.

ХОЗЯЙКА (жарким шепотом). Сумасшедший!.. Ты меня с ума сведешь!.. Я так... хочу тебя! Какой ты горячий! Какой страстный! Ты меня хочешь, да? Мне будет с тобой хорошо!.. Возьми

меня, войди в меня! Милый! Я хочу тебя! Хочу!.. Возьми меня прямо тут!.. Милый!..

Опьяненная желанием Хозяйка не замечает, что рука покрыта чешуей, а между пальцев – перепонки, что это не рука, а когтистая лапа Дракона, Тень которого появляется на слабо светящейся изнутри стене. Дракон грубо хватается Хозяйку, выволакивает ее в темный коридор.

ГОЛОС ХОЗЯЙКИ (из-за двери). Что ты делаешь, сумасшедший?! Почему я тебя не вижу?! О-о-о! Да! Так! Еще! Еще милый, милый, милый! О-о-о!

Из-за приотворенной двери раздаются нечленораздельные восклицания, долгие стоны, судорожные вскрипы, невнятные вопли. Дверь содрогается от ритмичных ударов, словно ее хотят высадить тараном. В пустой комнате сперва слабо, а потом все сильнее начинают светиться стены – призрачным инфернальным светом. Музыка усиливается, приобретая сумасшедший ритм больших, глухих барабанов. Кажется, все кругом сотрясается в диком неистовом ритме соития, пока, наконец, вместе с оглушительным и протяжным криком Хозяйки и громоподобными раскатами гонга, похожими на хохот, все не стихает. Стены гаснут. В комнате тихо и темно.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

В комнате вновь появляется Ее Тень в белом одеянии. На стене возникает тень – Дракон.

ДРАКОН. Ты все еще здесь?

ЕЕ ТЕНЬ. Я жду его возвращения.

ДРАКОН. Хорошо. Ты знаешь, что ты должна сделать.

ЕЕ ТЕНЬ. Я хочу, чтобы он больше не возвращался в эту комнату! Я хочу, чтоб он ушел навсегда!

ДРАКОН. Ты дашь ему красный мелок.

ЕЕ ТЕНЬ. Я расскажу ему про красный мелок! Я скажу ему... Я хочу спасти его! Он должен остерегаться тебя! Я расскажу ему все. Я люблю его!

ДРАКОН. Ты – Тень. Тень не может любить.

ЕЕ ТЕНЬ. Я могу...

ДРАКОН (неистово). Ты!.. Ты – тень! Ты будешь делать только то, что тебе прикажут!

ЕЕ ТЕНЬ. Нет! Я любила его! Я люблю его! И ты не можешь помешать мне! Я спасу его душу!

ДРАКОН. Ты будешь подчиняться моей воле!

ЕЕ ТЕНЬ. Нет! Твоя власть не бесконечна!

ДРАКОН. Или ты – исчезнешь! Я сотру тебя, как стирают мел с грифельной доски!

ЕЕ ТЕНЬ. Я не боюсь тебя! Мне ничего уже не страшно!

ДРАКОН. Или нет! Я поступлю иначе... Ты тень! Но я лишу тебя даже этой малости – быть тенью. Ты перестанешь быть тенью – но не перестанешь быть. Ты будешь все видеть и слышать, но никто никогда не увидит и не услышит тебя!

ЕЕ ТЕНЬ. Я не боюсь тебя!

ДРАКОН. Ты увидишь, как он откроет мне двери в свой мир!

ЕЕ ТЕНЬ. Нет!

ДРАКОН. Ты увидишь, как он станет тенью в мире теней!

ЕЕ ТЕНЬ. Нет!

ДРАКОН. И ты не сможешь ничего сделать, не в силах будешь ничего изменить! Ты можешь помешать мне. И ты больше не нужна. Он мой!

ЕЕ ТЕНЬ. Он услышит меня!

ДРАКОН. Нет!

Комната наполняется разноцветным дымом, по стенам кружат, мечутся, извиваются в дикой пляске бесформенные, жаждущие обрести плоть и форму тени.

Тень-Дракон свивается кольцами вокруг Ее Тени, пасть его широко распахивается, открывая огромные, как кинжалы, кривые зубы, его перепончатые крылья закрывают ее. Густой черный дым заволакивает все.

ЕЕ ГОЛОС. Он услышит меня! Ты не сможешь отнять всего, твоя власть имеет предел!

ГОЛОС ДРАКОНА. Я забираю твой голос, твою тень. Отныне ты невидима и бессловесна.

Из дыма возникает Ее Тень – в длинном черном одеянии.

ЕЕ ТЕНЬ (низким надтреснутым голосом Дракона). Ты – видишь меня? (Преобразившийся Дракон смеется и смех его наполняет гром.) Ты видишь и слышишь меня, страх и ужас наполняют тебя, но ты ничего не можешь изменить!

В ответ на слова Дракона-оборотня звякнул тихо серебряный колокольчик.

ДРАКОН. Что?! И это теперь твой голос?!.. Это все, что ты смогла оставить себе? (*Хохочет.*) Ты надеешься, что он услышит тебя?! (*Смеется.*) Он не услышит тебя. Он – мой! Мой! (*Ее голосом.*) Аргон! Красный мелок, Аргон! (*Кладет тонкую длинную палочку мелок на табурет в центре комнаты.*)

Темнота, в которой тихо и безнадежно звенит серебряный колокольчик.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Входит Аргон. Он не включает свет, а зажигает бумажный фонарь. Комнату озаряет неверный кровавый свет.

АРГОН (*садится, привалившись к стене*). Я видел ее на этих огромных рекламных щитах... Она – как живая... такая же, какой я ее помню... В руках у нее на этом плакате какой-то бутерброд, от вида которого у меня скрутило желудок и я едва не захлебнулся собственной слюной... И глядя на женщину, которую я любил так, как никого и никогда больше, я долго-долго не мог думать о ней, а думал только о бутерброде, который она держит в руках. Я ненавижу себя... свое бессилие! (*Закрывает лицо руками.*)

Небольшая пауза.

Она приходит в мои сны... значит, она продолжает жить, пока я помню о ней... ее изображение победило смерть... если попытаться нарисовать ее... Нет! Нет! Я не могу...

Ее голос едва слышно шепчет: «Красный мелок, Аргон».

АРГОН. Что? Это ты?

Молчание.

АРГОН. Ты опять пришла?.. Где ты?

Голос шепчет: «Красный мелок...»

АРГОН. Красный мелок?.. Зачем?.. Мне не нужен... мел! Я больше не могу рисовать!! Не хочу... Мне ничего не нужно! И никто не нужен кроме тебя!.. Слышишь?! Ответь мне! Ты слышишь меня?!

На стене экране возникает Ее тень – Дракон.

АРГОН. Кто ты?

ДРАКОН. Ты не узнал меня, Аргон? Это я, Аргон, я...

АРГОН. Ты тень?

ДРАКОН. Я тень твоей судьбы...

АРГОН. Зачем ты опять... пришла? Зачем преследуешь меня, не отпускаешь меня! Я устал! Я хочу покоя!

ДРАКОН. У тебя есть твой Дар, Аргон... Ты не можешь избавиться от него, его нельзя продать, как ящик с красками, нельзя обменять на хлеб...

АРГОН. Почему ты опять говоришь все это?.. Зачем?!.. Мне не нужен Дар! Мне ничего не нужно!

ДРАКОН. Твоя судьба изменилась... Твоя судьба улыбается тебе! Не упусти случай. Ты держишь за хвост свою судьбу. Не отпускай ее... Теперь все в твоей власти, Аргон! Ты можешь создать мир, в котором осуществляются все твои желания!.. Красный мелок, Аргон!

АРГОН. Красный мелок?

ДРАКОН. Красный мелок, Аргон, это все, что тебе нужно! В твоих руках он больше, чем просто мел. Все, что ты нарисуеть этим мелком, станет настоящим.

АРГОН. Все?.. Ты как-то странно говоришь... Мне кажется, ты как-то изменилась.

Звякнул серебряный колокольчик. Короткая пауза.

ДРАКОН. Красный мелок, Аргон.

АРГОН. Красный мелок... Старик тоже говорил что-то про красный мелок... *(Увидел мелок, лежащий на табурете.)* Не помню, что он бормотал, сумасшедший, больной, несчастный...

ДРАКОН. Возьми красный мелок! Это не просто мел, Аргон. Он необыкновенный, в нем – сила жизни.

АРГОН *(берет мелок, рассматривает)*. Волшебный мелок?.. *(Вертит мелок в пальцах.)* Странно... Никогда не пробовал рисовать мелом... Разве когда был ребенком...

ДРАКОН. Попробуй, Аргон.

АРГОН. Что можно нарисовать мелом? Я отрекся от своего ремесла... не для того, чтобы пачкать руки мелом...

ДРАКОН. Ты художник, Аргон. У тебя есть Дар. Мел или уголь – не все ли равно? Ты можешь рисовать чем угодно. Важно – *что* ты рисуешь.

АРГОН. Я пуст, как мой желудок. И все мои мысли – об одном: я хочу есть. Сейчас я могу нарисовать только то, чем заняты мои мысли...

ДРАКОН. Нарисуй свои мысли, Аргон. Нарисуй хоть что-нибудь. Проверь!

АРГОН. Что с тобой? Ты говоришь какие-то странные вещи...

ДРАКОН. Нарисуй что-нибудь!

АРГОН. Что?.. Я не рисовал долго-долго, очень давно, мне кажется, я совсем разучился... Тем более, этот мел...

ДРАКОН. Если ты голоден – нарисуй... яблоко!

АРГОН (*усмехается*). Яблоко? И оно станет настоящим? И я его смогу съесть!

ДРАКОН. Да!

АРГОН. Я тебя просто не узнаю.

ДРАКОН. Рисуй!

АРГОН. Впрочем, узнаю твоё нетерпение... Ну... если ты так хочешь... Ты говоришь – яблоко?.. Как в сказках про Адама и Еву? Ты – оболыщаешь меня райским плодом... (*Усмехается.*) Я нарисую тебе яблоко... (*Подползает к стене и начинает рисовать на ней красным мелком.*)

Тихо и тревожно звенит серебряный колокольчик.

АРГОН. Я нарисую тебе яблоко... Огромное, как из райского сада. Потом – булку... с вареньем, слойку с маслом, хлебный каравай, величиной с человеческую голову. Целый кирпич масла! Еще – кофе – только что сваренный, от которого идет ароматный дымок, сахар... У меня кружится голова... я чувствую эти запахи, они проникают прямо в голову и в ней все вертится – булочные джунгли, сахарные горы, молочные моря, сады из сыра и говядины... Мне плохо... Я... (*Сползает по стенке, роняет мелок.*)

Темнота, в которой стеклянные звуки чего-то упавшего и разбившегося. В бешеном хороводе по стенам-экранам пляшут Тени. В темноте звенит колокольчик.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

АРГОН (*приходит в себя*). Что со мной?.. (*Садится в постели, испуганно озирается.*) Что это?.. (*На полу перед ним темная лужица дымящейся еще жидкости, лежит разбитая чашка.*) Что это?.. Кофе?.. Так пахнет!.. (*Дотрагивается пальцем до дымящейся лужицы.*) Кофе... Я сплю?.. Нет, это не сон... Кофе... Что это?.. Хлеб?.. Яблоко? (*Берет яблоко, жадно кусает его,*

жует, говорит с полным ртом.) Неправда, неправда, разве такое бывает?.. Но ведь это все происходит наяву? Или нет?.. Я нарисовал яблоко, хлеб, кофе... Я так хотел есть!.. Потом я отключился... И все, что я нарисовал, стало... настоящим...

На стене-экране замершая неподвижно Ее Тень – Дракон – оживает. Тень покачивает головой, словно усмехается.

АРГОН. Хлеб! (*Вдыхает запах хлебного каравая.*) Этот запах ни с чем не спутаешь!.. Кофе! Так может пахнуть только настоящий кофе!.. Я так изголодался, что чувствовал этот запах за целый квартал... Что со мной?! Я заболел?.. Да, верно, я заболел... А может быть, я уже умер?..

ДРАКОН. Ты не веришь?

АРГОН. Нет... Верю... Страшно... Страшно верить... Красный мелок?.. (*Ищет.*) Где он?.. (*Нашел.*) Волшебный мелок?!

Аргон рассматривает мелок.

ДРАКОН. Смотри – не смотри – понятней не станет. Для того чтобы убедиться, надо попробовать еще раз. Если случится то же самое...

АРГОН. Значит, все это – на самом деле? Это – реальность?!

ДРАКОН. Попробуй еще раз, Аргон! Еще раз!

Аргон рисует, отвернувшись к стене. Мелок жутко скрипит под его пальцами. Аргон поворачивается, в руке у него – большое яблоко.

ДРАКОН (*тоном учителя*). Если явление повторяется, – значит, оно происходит на самом деле.

АРГОН (*повторяет шепотом, словно во сне*). На самом деле...

ДРАКОН. Законы вселенной изменились! Изменилась судьба!

АРГОН. Законы вселенной изменились... Изменилась судьба...

ДРАКОН. Несчастье ушло прочь! О мир, в котором осуществляются все желания!

АРГОН (*вторит, как замороженный*). Несчастье ушло прочь! О мир, в котором осуществляются все желания!.. Господи, я хочу спать!.. Спать...

ДРАКОН. Ты можешь нарисовать себе кровать!

АРГОН. Кровать?... Да, я нарисую себе роскошную кровать...

ДРАКОН. Ты можешь нарисовать все, что пожелаешь! Все, что только подскажет тебе твоя фантазия... Все, Аргон!.. ВСЕ!

АРГОН. Все...

ДРАКОН. Ты можешь нарисовать меня... И я оживу! И стану плотью и кровью... перестану быть тенью, сном, галлюцинацией. Все будет как прежде!

Пауза.

ДРАКОН. И я смогу обнять тебя... Ты хочешь меня обнять?

Звякнул серебряный колокольчик.

АРГОН. Что это было?

ДРАКОН. Что, Аргон?

АРГОН. Мне показалось... Мне показалось, кто-то вздохнул...
верней – застонал...

ДРАКОН (*встревожено и недовольно*). Тебе показалось.

АРГОН. Наверное, это звуки из-за стены... Мне кажется иногда, что здесь, в этой комнате за стенами – совсем другой мир... Я почти чувствую...

ДРАКОН (*перебивает*). Ты не хочешь нарисовать меня?! Не хочешь коснуться меня, почувствовать вкус моих губ, огонь моего тела, сок моих чресел?! Ты не хочешь меня?!

Аргон не отвечает.

ДРАКОН. Ты... не любишь меня больше? Не любишь?!

АРГОН (*не сразу*). Я люблю тебя... гораздо сильнее, чем прежде, когда ты была жива... В этом-то все и дело!.. Я хотел умереть, чтобы соединиться с тобой...

ДРАКОН. Что же тебе мешает, Аргон?! Этот мелок у тебя в руках способен вернуть меня... Нарисуй меня! И я буду с тобой! Все будет как прежде!

АРГОН. Как прежде...

ДРАКОН. Ты чего-то боишься?

АРГОН. Да, я боюсь, что все будет как прежде... Сейчас, теперь я только-только начал освобождаться от тебя... Ты приходила ко мне, в мои сны, каждую ночь, ты не покидала мои мысли... Но все равно я освобождался от тебя, от этой страшной зависимости, когда я преставал быть собой без тебя...

ДРАКОН. Мне казалось, что ты любил меня! Мне казалось?!

АРГОН. Нет!

ДРАКОН. Ты больше не любишь меня?!

АРГОН. Я боюсь... этих ночей, что были у нас, этого ада, в котором я жил...

ДРАКОН. Нет, ты просто забыл, ты не помнишь, тебе было хорошо со мной...

АРГОН. Да, мне было ужасно хорошо с тобой! Никогда раньше... и потом – никогда, вообще никогда ни с кем мне не было так хорошо, как с тобой!

ДРАКОН. Ты хочешь меня, милый! Скажи мне!

АРГОН. И все равно это был ад – потому что ты полностью подчиняла меня себе, ты могла делать со мной все что угодно! Я был беззащитен!.. Потому что я любил тебя... потому что желал тебя так!.. так!..

ДРАКОН. Нарисуй меня, любимый! Я истосковалась по твоим ласкам! Я хочу тебя! Я хочу почувствовать твои нежные руки, твои губы...

АРГОН. А как я любил твой запах! Твои волосы, твою кожу!

ДРАКОН. Возьми меня! Я хочу тебя!

АРГОН. Ты изводила меня какой-нибудь ерундой!.. Бессмысленной ревностью к моей работе... Ты сердилась на меня из-за пустяков...

ДРАКОН. Не мучай меня, милый! Пусти меня к себе! Здесь так холодно, так темно! Мне одиноко и страшно здесь, в этом мире теней! Почему ты не хочешь, чтобы я вернулась к тебе, чтобы была с тобой, чтобы ласкала тебя, любила?!..

АРГОН. Ты заставляла меня меняться, быть не тем, кто я есть... Ты пыталась заставить меня рисовать так, как тебе этого хотелось...

ДРАКОН. Этого больше не будет, милый! Слышишь?..

АРГОН. Наверное, я не могу смириться с тем, что ты была права... Когда ты... умерла... тогда я понял, что ты – права... И я бросил кисти, тушь, сжег свои картины... Ты была права...

ДРАКОН. Прости меня! Любимый! Я буду покорной и нежной! Нарисуй меня, пусти меня к себе, в свой мир! Я буду внимательной, буду предупреждать твои желания...

Короткая пауза.

АРГОН. Ты меня удивляешь сегодня...

ДРАКОН. Я буду ласковой, смиренной и кроткой...

АРГОН. Но тогда это будешь не ты.

Пауза.

ДРАКОН. Я гибну без тебя, милый! Я гибну без тебя... (*Ее Тень на стене растворяется.*)

Темнота. В темноте – звенит колокольчик.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Голос – шепчет: «Ты спишь, милый?» Хозяйка зажигает бумажный фонарь в комнате, освещая Аргона, лежащего на своей циновке. Хозяйка, присев на корточки, расставляет перед ним еду, маленькую глиняную бутылочку с сакэ, маленькие чашки и т. д.

АРГОН. Я уснул, и мне приснилось что-то, чего я не помню...

ХОЗЯЙКА. А я помню! У-у-у! Ты – животное! Ты – зверь, ты чудовище! (*Прижимается к Аргону.*)

АРГОН (*слабо*). Что вы хотите?.. Я заплачу... Я, кажется, болен...

ХОЗЯЙКА. Вот! Я и подумала, что тебе надо немного поест. Чтобы восстановить силы! (*Хихикает.*) Я читала в одном женском журнале, что мужчина во время полового акта тратит столько же сил, сколько лошадь во время скачки! (*Хихикает.*) Жеребец! Нет! Ты – чудовище! Ешь! Я принесла тебе кое-что, что опять укрепит твою силу! И – выпей горячего сакэ! Это полезно, разогревает кровь!.. Дикарь! (*Хихикает, наливает ему сакэ, подносит к его губам.*) Ну! Давай, милый, выпей!

АРГОН. Почему вы... не оставите меня в покое?.. (*Пьет.*)

ХОЗЯЙКА. Вот так! Молодец!.. (*Прильнув к нему, жарко шепчет, руки ее шарят по телу Аргона.*) Это было... что-то! Это было так!.. Вообще!.. У меня нету слов! Обалдеть – короче говоря!.. Ты – просто... просто скотина!.. Живодер!.. Никогда ни с кем... представляешь?!.. Чтобы так вот!.. Это – да!.. Поешь, поешь, милый! Мидии – очень-очень для мужской силы, да! Я знаю! Я знаю в этом толк! Уж можешь мне поверить! (*Палочками захихивает ему в рот какие-то кусочки.*)

АРГОН (*безропотно глотает*). Я устал...

ХОЗЯЙКА (*блаженно улыбается*). Еще бы! (*Кормит его.*)

АРГОН (*жует*). Спасибо, вы очень добры... Я вас нарисую еще... потом...

ХОЗЯЙКА. Да! Да уж! Ты уж меня еще!.. так же вот, так же нарисуешь! О-о-о! Мне очень это понравилось, как ты меня... Ты – маньяк!

АРГОН. Я...

ХОЗЯЙКА. Ты – чудовище! Чудовище!..

АРГОН. Я...

ХОЗЯЙКА. У тебя такой... Знаешь, я кое-что видела в своей жизни, да, но ты... ты... я просто не знаю! Это просто...

АРГОН. Я не понимаю...

ХОЗЯЙКА. Я знаю в этом толк, разбираюсь я в этом, можешь мне поверить, и я тебе говорю, ты – чудовище, и у тебя такой!..

хобот! (*Хихикает.*) Я просто умираю от тебя, слышишь?! Я, прям, думала тогда, я вот щас умру тут!..

АРГОН. Я устал. Кажется, я заболеваю... или уже...

ХОЗЯЙКА. Просто ты немного перенапрягся, милый... Да? Конечно! Ясное дело! Ты как этот, как заведенный, как хорек! Они, я слыхала, могут долго-долго этим заниматься – сутками просто. (*Хихикает.*) Похоже, у тебя сто лет не было женщины, а?

АРГОН. Сумасшедшая...

ХОЗЯЙКА. Тебе нужен отдых. Я понимаю, что к чему. Ты тут сейчас поспи. Сперва поешь – это устрицы, они хороши для потенции! (*Запихивает ему в рот.*) Вот так! Молодец! Поспи, отдохни... А потом... ты опять сделаешь со мной то же самое! Чудовище!

АРГОН. Это вы – чудовище.

ХОЗЯЙКА. Да? Тебе тоже было хорошо со мной, милый?! Тебе понравилось, да?!

АРГОН. О боже! (*Отворачивается к стене.*)

ХОЗЯЙКА. Ми-ылы-ый! Спи. Я скоро приду. Не скучай тут без меня! Отдыхай! Набирайся сил! Они тебе понадобятся! Потом поешь еще, тут есть трюфели! Они укрепляют это дело!.. Все. Я пошла... Все. (*Разворачивает Аргона к себе, жарко, страстно его целует, льнет к нему.*) О-о-о! Мой Кинг-Конг! (*Блаженно смеется.*) Ну, я пошла. Давай я тебе чего-нибудь простирну? Есть у тебя чего? Вот это? Тут? (*Берет из угла какие-то тряпки.*) Все. Пока. Я еще вернусь, милый! Ми-ылы-ый! (*Уходит.*)

АРГОН. Ненормальная...

ХОЗЯЙКА (*заглядывает в дверь*). Чудовище! (*Скрывается.*)

Аргон вскакивает и всем барахлом, что есть в комнате – баррикадирует дверь.

АРГОН. Ненормальная... Она не даст мне... жить... Она меня добьет... Окончательно! Нет! Надо бежать... Бежать! Бежать отсюда! Прочь отсюда! Прочь! (*Ложится на циновку, лежит неподвижно.*)

Раздается глухой низкий хохот, от которого гаснет бумажный фонарь. Темнота.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АРГОН (*садится на своей постели*). Я уснул, и мне приснилось что-то, чего я не помню... А до того мне снилось что-то еще... Да!.. Мне снилось соитие с какой-то отвратительной, страшной ведь-

мой, похожей на Хозяйку... Похотливой и ненасытной... Это было так жутко, так мерзко, так... А потом она стала вдруг меняться... у нее появилась лисья голова, а ее тело покрылось рыбьей чешуей... Между ее пальцами – отвратительные перепонки... Я схожу с ума... (*Видит рисунки на стене.*) Что это?..

Потер пальцем рисунок на стене. Мел размазался, оставив грязный след.

АРГОН. Я помню... Она сказала мне, и я нарисовал яблоко... Я делаю все, что она говорит... Яблоко стало настоящим... Я схожу с ума?... Потом я нарисовал... масло, хлеб, кофе... И все стало настоящим. А теперь... Все нарисованное – вернулось на стену!..

Пауза.

АРГОН. Красный мелок. Волшебный мелок... Волшебство оказалось сном одной ночи? Все кончилось. Или это был сон?

Пауза.

АРГОН. Все кончилось. (*Разговаривает с Ее изображением на пакете, расправляя его, разглаживая, словно лаская.*) Мне все приснилось. И я схожу с ума... Потому что я люблю тебя...

ЕЕ ГОЛОС. Твоя судьба изменилась... Судьба тебе улыбается! Ты держишь за хвост свою судьбу. Все в твоей власти!.. Ты можешь создать мир, в котором осуществляются все твои желания!.. Дождись заката, Аргон. Дождись темноты!

АРГОН. Ты со мной? Ты здесь?... Где ты?

На стене появляется Ее Тень – Дракон.

ДРАКОН. Как только зайдет солнце, Аргон!.. Как только закатится солнце – волшебство повторится!..

Свет меняется.

АРГОН. Что-то происходит с моим зрением!.. Солнце зашло!..

Пауза.

АРГОН. Рисунки вновь обрели плоть... стали реальностью!.. Так... Так! Как быть дальше?... Так... Совершенно ясно... Солнечные лучи все уничтожают... Волшебство исчезает с солнечным светом...

ДРАКОН. Надо завесить окно.

АРГОН. Завесить окно!.. Чем-нибудь! Да!

ДРАКОН. Отказаться от света!

АРГОН. Отгородиться от дневного света!

ДРАКОН. Прочь свет!

АРГОН. Чтобы защититься от света, нужны настоящие вещи...

ДРАКОН. Деньги!

АРГОН. Деньги... да, нужны деньги...

Маленькая пауза.

АРГОН. Надо нарисовать деньги? Стать фальшивомонетчиком?

ДРАКОН. Достаточно нарисовать кошелек. Толстый кошелек, полный денег!

АРГОН. Да! Точно! Ты права как всегда! Достаточно нарисовать кошелек!

ДРАКОН. Деньги не оставят следов. Они никогда не оставляют следов, даже когда они настоящие. Твои деньги исчезнут со светом дня...

АРГОН. Пусть так! Пусть! Нарисовать бумажник! Толстый кошелек, полный денег!

Отвернувшись к стене, Аргон рисует. Он поворачивается, в руках у него оказывается портмоне. Он неловко открывает его. Монеты со звоном рассыпаются, катятся по полу.

Аргон выходит. Темнота. В темноте женский смех.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Входит Аргон, следом – Девушка. Аргон слегка пьян, в руках у него куча свертков, пакетов.

АРГОН. Проходи. Я живу здесь... В этой дыре! В этом вонючем клоповнике, по соседству с сортиром! По соседству с полоумной, похотливой хозяйкой-нимфоманкой – круглой дурой, помешанной на сексе! Добро пожаловать! Милости прошу!..

ДЕВУШКА. Ты смешной. (*Осматривается.*) Видала я места и похуже...

АРГОН (*на ухо Девушке*). Я опасаясь, что она меня изнасилует... до смерти!.. Ну? Проходи. Садись

Маленькая пауза.

АРГОН. Чем займемся?

Неловкая пауза.

АРГОН. Может быть, ты чего-нибудь хочешь?.. Хочешь есть?.. Хочешь? А выпить? Я определенно хочу выпить... А ты?

ДЕВУШКА. Да.

АРГОН. Что будешь есть?

ДЕВУШКА. Ты хочешь заказать по телефону? Разве тут есть телефон?

АРГОН. Ответ отрицательный. Телефона нет.

ДЕВУШКА. А как же?

АРГОН (*ухмыляется, лезет в свои пакеты, достает оттуда большую цветную книгу*). Вот. Зачем-то купил сегодня... Зачем?... Наверное, я слишком сильно хотел есть... (*Дает ей книгу.*) Выбери из этой поваренной книги любое блюдо.

ДЕВУШКА. Любое? (*Листает книгу.*) Ну... Не знаю... Вот это!

АРГОН. Устрицы в белом вине?.. (*Смеется.*) Ты никогда не пробовала устриц?.. Подожди минуту. (*Отходит к стене, отворачивается, быстро рисует, возвращается с большим блюдом, полным устриц.*) Вот. Ваш заказ! (*Смеется.*) Себя я тоже не забыл! (*В руках у него бутылка.*)

ДЕВУШКА. Как ты это сделал?.. Ты – фокусник, а? (*Смеется.*)

АРГОН. Вроде того. Ешь.

ДЕВУШКА (*ест*). А ты, видать, человек не бедный, хоть и живешь в этой дыре.

АРГОН. Да. Теперь у меня есть деньги. Я их – рисую! И они становятся настоящими! Такой фокус.

ДЕВУШКА. Подделываешь деньги?

АРГОН. Ответ отрицательный. Рисую. Я их просто рисую... (*Пьет.*) И они становятся настоящими... Как в сказках, понимаешь?.. До первых лучей солнца... А потом превращаются в черепки, в пепел, в прах! Такой фокус! (*Пьет.*)

ДЕВУШКА. Шутник, да? Нет, а правда, кто ты?

АРГОН. Хороший вопрос!.. Я не знаю, кто я!.. Могу только сказать, кем я был... раньше...

ДЕВУШКА. Кем?

АРГОН. Раньше я рисовал... мне казалось, что я умею рисовать...

ДЕВУШКА. Что – художник?

АРГОН. Ответ не верный!

ДЕВУШКА. А кто? Маляр что ли?

АРГОН. Да! Точно! Раньше я был маляром, простым ремесленником... Давай выпьем! (*Наливает себе и Девушке, они пьют.*)

ДЕВУШКА (*жует*). У меня был однажды художник тоже... Очень богатый! Только жадный. Ты жадный? Богатые все жадные.

АРГОН. Ты ешь, ешь.

ДЕВУШКА. И еще он был... ну это... со странностями там... Он не мог просто так, нормально... Ему надо было, чтоб его связывали, били, чтоб унижали... и все такое... Извращенец, короче. Ты не такой?

АРГОН. Нет.

ДЕВУШКА. А еще наоборот бывает. Есть которые любят сами... причинять боль, унижать. Ты не будешь щипаться, кусаться до крови, больно мне делать? Бить?

АРГОН. Нет.

ДЕВУШКА. Хорошо. *(Встает, начинает раздеваться.)*

АРГОН. Может быть, ты еще чего-нибудь съешь?

ДЕВУШКА. Нет. Спасибо.

АРГОН. погоди. Давай выпьем.

ДЕВУШКА. Надо работать.

АРГОН. Сколько тебе лет?

ДЕВУШКА. А что? Я совершеннолетняя. И у меня есть справка, что я чистая, не большая что. *(Раздевается.)*

АРГОН. Подожди.

ДЕВУШКА. Что?

АРГОН. Просто... не торопись...

ДЕВУШКА. А ты правда не извращенец какой-нибудь? Нет?

АРГОН. Нет!

Неловкая пауза.

ДЕВУШКА. Я тебе не нравлюсь?

АРГОН. Нрависься.

ДЕВУШКА. Ты импотент?

АРГОН. Нет! Нет!

ДЕВУШКА. А что ж тогда?..

Небольшая пауза.

АРГОН. Подожди... побудь так... я хочу нарисовать тебя...

ДЕВУШКА. Нарисовать?

АРГОН. Да! Сиди так! Не шевелись!

Отходит к стене, рисует. Появляются Тени, напряженно наблюдают.

ДЕВУШКА. Ты на стенке рисуешь?

АРГОН *(рисует)*. Не двигайся. Сиди так! Поверни чуть-чуть голову.

ДЕВУШКА. Тебе не страшно тут жить?.. Эта комната, она страшная.

АРГОН (*рисует*). Подбородок чуть выше. Много! Да так! Не шевелись.

Небольшая пауза. Аргон останавливается.

АРГОН. Нет! Ничего не выходит! Я не могу!.. Я не могу!..
(*Швыряет мел в угол.*)

Быстрыми резкими движениями стирает рисунок, размазывая мел по стене.

Кажется, комнату наполняет не то вздох, не то всхлип Теней.

ДЕВУШКА. Ты что?..

Пауза.

ДЕВУШКА. Что с тобой?.. А?!

АРГОН. Ничего... Просто... я больше не могу рисовать... Не могу! С тех пор, как она ушла... умерла...

Пауза.

ДЕВУШКА. Кто?

АРГОН. Я не могу рисовать так, как раньше... Не могу рисовать без нее... Понимаешь?! Я должен создать такую картину, которая висела бы без гвоздя... Она так хотела, она знала, верила, что я смогу...

ДЕВУШКА. Кто это – «она»?

АРГОН. Я любил ее... Когда ты сидишь вот так... ты чем-то похожа на нее... Мы расстались, а потом она умерла...

Пауза.

АРГОН. Я должен нарисовать такую картину, которая изменила бы все, понимаешь?! Все! Этот чертов мир! Я хочу, чтоб люди, увидев ее, – изменились!.. Понимаешь?! Чтобы всякий, взглянув на нее – стал другим, стал лучше, чище, добрее... Кто-то сказал, что красота спасет мир. Значит, его еще можно спасти! Я должен попробовать, попытаться... В память о ней... Иначе зачем?! Зачем этот Дар? Понимаешь?! Но у меня не получается... Ничего не выходит...

Пауза.

АРГОН. Она приходит ко мне, разговаривает со мной... Она как-то меняется, я чувствую...

ДЕВУШКА (*сидит, обняв колени*). Ты заплатил за всю ночь... Скоро уж утро... Иди сюда... Ты мне нравишься... Ты добрый. Не злой в смысле, да? А еще – ласковый. Правда? Я думаю, ты – ласковый. Обними меня!..

Аргон касается тела Девушки так, словно рисует пальцами...

АРГОН. Я хотел... мне нужно с кем-то говорить... чтобы просто меня выслушали, понимаешь?... Поэтому я позвал тебя... Мне нужен живой человек...

ДЕВУШКА. Какие нежные у тебя руки!.. А еще... я хотела сказать, что мне нравится кричать... ну, когда это... Громко. Люблю – орать! Это ничего? Ты не против, можно мне кричать? (*Обнимает Аргона.*)

Тонко звенит серебряный колокольчик. Аргон вздрагивает.

АРГОН. Уходи!

ДЕВУШКА. Ты чего?

АРГОН. Одевайся и уходи.

ДЕВУШКА. В смысле?

АРГОН. Я сказал: уходи! Проваливай, убирайся. Не ясно?

ДЕВУШКА. Ты чего?.. Я не буду кричать, если тебе не нравится...

АРГОН. Уйди, пока я не рассердился.

ДЕВУШКА. Ладно... А как же это?... Я деньги не верну, понятно? (*Поспешно одевается, схватив и не выпуская из рук сумочку*). Да! Я деньги не отдам! Я с тобой тут всю ночь провела... Ты сам не захотел... Я не причем!

АРГОН. Заткнись и проваливай! Деньги!..

ДЕВУШКА. Я сказала – не отдам!

АРГОН. Оставь их себе! Они превратятся в золу, в черепки, рассыплются пеплом в твоих пальцах, исчезнут, растворятся при свете дня! (*Смеется.*). Я знаю, что это только сон!

ДЕВУШКА. Ты – псих, да? Везет мне на уродов! (*Выходит.*)

Пауза.

АРГОН. И она ушла, растаяла в сырых утренних сумерках... Она не могла мне помочь... Как никто не может мне помочь. Но я хотя бы накормил ее... устрицами в белом вине... Та малость, которую я мог для нее сделать...

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

АРГОН. Солнечные лучи все разрушают... Нужно закрыться, чтобы не ввалилась сюда дура-хозяйка, чтобы никто не вошел... Чтобы никто не мог помешать... (*Встает, завешивает окно, вновь баррикадирует дверь. Ему кажется, что этого недостаточно, и из шуршащих пакетов он достает инструменты – молоток, гвозди; заколачивает дверь гвоздями.*) Вот так. Теперь никто сюда не войдет. Никто!.. (*Садится, сжимает руками голову.*) У меня есть Волшебный мелок... Красный мелок, который может сотворить что угодно... Я чувствую внутри себя скрученную стальную пружину... Почему опять эта тоска, эта боль где-то здесь (*прижимает руки*) под сердцем?.. Отчего? За что?!..

Появляется Ее Тень-Дракон.

ЕЕ ТЕНЬ-ДРАКОН. Ты творишь саму реальность, а не ее подражание. Ты – творец, ты – демиург! Ты создаешь сами вещи, а не изображения их! Вот это настоящее творчество!.. Окруженное золотым сиянием завтра, потом послезавтра, потом еще много-много дней, и все они покорно ждут.

АРГОН. Мгновение ждет, пока я не создам его своими собственными руками, ничем не связанный и свободный в своем выборе... но...

ЕЕ ТЕНЬ-ДРАКОН. О! Долгожданный миг!

АРГОН. Наверное, то же чувство испытывал Бог за миг до сотворения мира?

ЕЕ ТЕНЬ-ДРАКОН. С этого момента начинается отсчет времени новой эпохи!

АРГОН. Во мне нет радости. И мне страшно.

Пауза.

АРГОН. Я нарисовал на стене, обращенной к коридору – окно. Но окно так и осталось рисунком... За окном ничего нет. Мир за окном нарисован не полностью и не может стать настоящим... Нужно нарисовать что-нибудь за окном. Но – что? Что?! Фудзияму, вершину которой скрывают облака?.. Бушующее штормовое море? Тихий сельский пейзаж с хижинкой? Когда знаешь, что нужно выбрать – очень трудно решиться... Почти невозможно... Не-воз-мож-но...

Аргон отворачивается, быстро что-то рисует. В руках у него оказывается бутылка. Он пьет из горлышка. Пауза. Он достает из кармана сложенный рекламный плакатик с изображением девушки. Расправляет его, нежно касаясь, словно лаская; укрепляет на стене.

АРГОН. Чем больше думаешь, тем труднее кажется задача... (Говорит с изображением на плакате, все время обращаясь к нему, иногда подходя к плакату совсем близко, иногда даже дотрагиваясь до него.) Если бы ты была со мной!.. Это важнее всего, что я рисовал до сих пор. Важней, чем любая картина, написанная когда-либо человеком... (Пьет.) Мало изобразить просто приятный глазу пейзаж – море, там, ручейки или сад. Допустим, горы... а что будет за ними? Города, моря или пустыня? Какие люди будут там жить, какие водиться звери? Ведь я, сам того не зная, сотворю и их тоже... Ты понимаешь?.. Ведь ты понимаешь меня?.. Только ты... и могла понять. (Пьет.) К этому нельзя отнестись просто... Ибо!.. Ибо это... ми-ро-соз-да-ние! (Пьет.) Моя рука определит судьбу Вселенной... мной созданной! – вселенной! Слышишь?! Могу ли я положиться на случайность? (Пьет.) Нет, мир за окном – это страшно серьезно... Страшно... Я должен создать такую картину, какую не создавал еще ни один человек... (Пьет, язык его заплетается, еле шевелится.) Эта задача невыполнима! (Затихает. Лежит неподвижно.) А! Будь что будет... (Вскакивает. Его шатает.) Нет... а как же моя роль – творца?! А?! Если отдаться слепому случаю... я не буду демиургом?! а простым маляром, копиистом! Да?! Ответь! Не-ет! (Слабея.) Кроме того, если будет создана лишь малая часть Вселенной... моей! Вселенной!.. где гарантия, что стечение обстоятельств... не зависящих от меня обстоятельств... не вернет мою прошлую жизнь? мою голодную, нищую... жизнь... (Всхлипывает, плачет.) Мелок ведь когда-нибудь сотрется? Сотрется... Где ты?! Помоги мне!.. (Плачет. Потом затихает, лежит неподвижно и беззвучно.)

Темнота.

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Аргон сидит, обхватив руками голову.

АРГОН. Надо сотворить самому весь мир!.. Надо... сотворить... заново... весь... Самому! Весь! Мир!.. Новый мир!.. Но как?! Как?!.

Он встает нервно прохаживается по комнате из угла в угол, словно зверь, запертый в клетке. Резко останавливается, стоит неподвижно.

АРГОН. Надо нарисовать дверь... Дверь! Дверь в Новый мир!.. Облик Нового мира определится... когда станет ясно, что за ней, за этой дверью!..

Аргон рисует. На стене возникает дверь.

АРГОН. Даже если за дверью будет все та же вонючая городская окраина... Все лучше, чем ответственность за целую вселенную... Только бы найти выход из этого тупика!..

Пауза. Аргон замер перед нарисованной им дверью.

АРГОН. Для человека самое трудное, страшное... открыть дверь, за которой – неведомое. Может быть, в качестве награды там ожидает смерть?..

Он взялся за ручку, отступил назад, толкнул дверь. За дверью – темнота.

АРГОН. Свет вспыхнул, в глазах зарябило... Я увидел необъятную равнину, сияющую в лучах полуденного солнца... куда ни кинешь взгляд – ни одной тени до самого горизонта. В темно-синем небе – ни одного облака. Сухой жаркий ветер носит пыль с места на место... это просто воплотившийся в жизнь, ставший реальностью рисунок линии горизонта, с которого начинается любая картина!.. Ни одной тени...

В отчаянии он бросает мел, мечется по комнате, падает, зацепившись за что-то, лежит неподвижно.

АРГОН (*тихо, едва не плача*). Мел ничего не решил. Все надо создавать сначала. Надо рисовать на этой картине горы, воду!.. Облака в небе... траву и деревья... Зверей и птиц, рыб в водоемах... Надо делать весь мир заново. Весь мир заново... Я не могу... я слаб, я слишком слаб! Почему ты оставила меня?! Я хочу спать, спать, спать...

Аргон сворачивается клубком, с головой укрывается одеялом.

КАРТИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Откуда-то сверху доносятся негромкие звуки музыки. Аргон сидит на стуле посреди комнаты, как единственный зритель в театре. Он смотрит на стену-экран словно на сцену, где возникают Тень – Двойник Аргона и Ее Тень.

Тень-Двойник и Ее Тень идут навстречу друг другу. Встретившись, они обнимаются, и их подхватывает какой-то вихрь, они взмывают вверх, летят, оказавшись на спине крылатого змея. Они мчатся среди облаков, и ветер развеивает их волосы, надувает как паруса их одежды, они стоят обнявшись, плотно прижавшись друг к другу, они полны радости, они счастливы. Крылья волшебного змея равномерно движутся, но вдруг происходит превращение, – и крылатый змей распадается на две части, каждая из которых оборачивается крылатым тигром, и влюбленные мчатся дальше верхом на чудесных животных, до тех пор, пока не происходит новое волшебство.

Тигры превращаются в стаю летучих мышей, которая разлетается с писком и громким хлопанием перепончатых крыльев, а двое любовников летят в пустоте, стремительно падают, падают вниз, и мягко опускаются на спину огромной морской черепахи, которая медленно передвигает плавниками. Он и Она на спине черепахи, – словно на скалистом острове, о который бьются, исходя пеной, морские волны. Но черепаха вдруг погружается вглубь морской пучины, и влюбленные тонут в неистовых морских волнах, которые, кажется, вот-вот совсем накроют их, поглотят. Но под ними, как по волшебству, поднимается из воды земная твердь, вокруг них прорастают из земли цветы и травы, большое Дерево, в ветвях которого над их головами распускаются листья и цветы, прилетают и поют птицы. Лепестки цветов, подхваченные ветром, осыпают влюбленных, словно дождем, и почти сразу же на ветвях Дерева появляются плоды. Она срывает с ветки спелый плод, откусывает, отдает мужчине, тот тоже пробует.

Музыка становится напряженнее. Тень-Двойник и Ее Тень соединяются в объятии, сплетаются в яростном любовном порыве. Все вокруг них приходит в движение, кружится, кружится, кружится...

Неожиданно Ее Тень отстраняется и в руках ее появляется меч. Тень-Двойник – замерла, словно окаменев. Ее Тень движется, будто бы свершая какой-то ритуал. Меч в ее руках взлетает вверх, делает широкий круг и скользит по лицу Двойника Аргона, на уровне глаз.

Тень-Двойник падает на колени, прижимая руки к лицу. На стене-экране появляются красные пятна.

Появляется Тень-Дракон. Его длинное тело извивается, сплетается кольцами, обвиваясь вокруг женщины, тела их соединяются в единое целое; перепончатые крылья Дракона на мгновение закрывают женщину и, наконец, обе Тени уносятся вверх.

Ослепленная Тень-Двойник поднимается с колен, бредет, спотыкаясь, беспомощно раскинув руки. Меняется свет. Стена-экран становится просто стеной.

Аргон медленно завязывает себе глаза. Медленно встает, бредет, спотыкаясь, беспомощно раскинув руки. Губы его шепчут: «Ева...»

Темнота, в которой продолжает звучать музыка сямисэна.

КАРТИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Музыка звучит чуть тише. Аргон просыпается, резко вскакивает, мечется по комнате вслепую, на лице у него – полотенце. Он падает, срывает полотенце с лица.

Медленно встает, медленно двигается; он погружает голову в таз с водой, встряхивает мокрые волосы.

Пауза. Звякнули серебряные колокольчики.

Аргон замер. Потом бросился к купленным вчера пакетам, на которых, почти на всех – изображение Девушки. Он подробно изучает каждый сантиметр изображения, поглаживая гладкую поверхность пальцами. Он проводит языком по цветному целлофану, словно пытаясь ощутить вкус рекламной женщины. Он закрывает лицо, накрывая его полотенцем. Музыка тает.

АРГОН (*шепчет*). Ева... Надо все начинать с Адама и Евы... Правильно! Нарисовать Еву!.. Бог создал рай, а потом – человека, и человек разрушил рай. Я сделаю иначе! Я создам Еву... Да! Я воскрешу тебя! И вместе мы устроим свой мир, обживем пустое пространство... Наш мир будет расширяться вокруг нас – до бесконечности... Вслед за нами наши дети расширят границы этого мира, который будет совершенным!.. Надо нарисовать Еву... Я воскрешу тебя! И ты будешь Евой Нового мира!

Пауза. Аргон подходит к стене. Долго стоит, разглядывая ее.

АРГОН. Ты станешь моей Евой!.. Совершенным созданием... Я чувствую себя Богом!

Возникает какая-то напряженная и тревожная музыка. Аргон рисует. Потом быстро стирает нарисованное, рисует опять, и снова – стирает.

Тени, появившиеся, как только Аргон начал рисовать, приходят в движение. Они кружатся по стенам, мечутся, словно хотят вырваться. Их неясный шепот становится все сильнее, все громче, переходя почти в вой, их движение все убыстряется...

Ее Тень-Дракон, отделившись от других теней, замирает на стене перед Аргоном. Художник обводит контуры Тени.

Меняется свет.

Ткань стены-экрана разрывается с треском. В образовавшемся разрыве стоит темная фигура женщины. Она кажется плоской, вырезанной из бумаги. Фигура делает шаг, и входит в пространство комнаты.

АРГОН (*почти беззвучно*). Это ты?! Ты...

Пауза.

АРГОН. Мне удалось! У меня получилось! Ты!.. Ты – Ева!

Ева ведет себя и говорит, как персонаж рекламного ролика – обольстительно улыбается, полукрывает рот, загадочно взглядывает подернутым поволокой томным взглядом. В ней есть что-то очень искусственное, почти кукольное.

АРГОН. Ты моя Ева!

ОНА-ДРАКОН (*томным грудным низким голосом шепчет*). «Ева». Я люблю аромат спелых яблок и поэтому выбираю новейшую суперлинию потрясающей косметики «Ева»!

АРГОН. У меня получилось... Я – Бог!! Ева!!

ОНА-ДРАКОН. «Ева» – лучшее средство ухода за вашей кожей... (*Легко касается лица Аргона тыльной стороной ладони.*) «Ева» – первосоздание для вас!

АРГОН. Ты прекрасна!

ОНА-ДРАКОН. Оптовым покупателям – скидки до десяти процентов!

АРГОН. Ты божественна!.. Ева!

ОНА-ДРАКОН. Губная помада «Ева» не сотрется, не оставит следов на бокале, на белье, на коже. «Ева». Ваши губы созданы для поцелуев! (*Пальчиком с длинным накладным ногтем черного цвета проводит по губам Аргона.*)

АРГОН. Ты великолепна! «Встань, Лазарь! Встань и иди!» (*Счастливо смеется.*)

ОНА-ДРАКОН. Почувствуйте свое совершенство!

АРГОН. Это потрясающе... Это невозможно! Мне удалось то, что никому еще не... Я начал сотворение рая!

ОНА-ДРАКОН. Первозданная белизна ваших зубов – зубная паста «Парадиз».

АРГОН. Я – Бог! Бог! Бог!!!

ОНА-ДРАКОН. Божественное путешествие в райские уголки!..

АРГОН. Ты вернулась!

ОНА-ДРАКОН. «Эдем» – это мягкость травы райских лугов ортопедического матраца, «Эдем» – это небесная легкость подушек, набитых натуральным экологически чистым пером ангельских крыльев, «Эдем» – это лучшая корпусная мебель, изготовленная из древесины высших сортов Древа познания добра и зла.

АРГОН. Говори еще, мне нравится твой голос, я люблю слышать твой голос! Я вернул тебя, я воскресил тебя! Теперь мы никогда не расстанемся! Никогда!

ОНА-ДРАКОН. Вначале было слово. И это слово было – «наслаждение». Наслаждение неземным вкусом...

АРГОН. Ты говоришь вздор, но это ничего... Просто я рисовал не живую женщину, а эрзац – рекламную картинку... Волшебный мелок оживил глянцевое изображение... Материал, который был основой – рекламный плакат забегаловки быстрой еды... Но это неважно! Главное, что мне удалось! Я создал лучшее свое произведение!.. Как Бог, который создал Женщину из ребра Адама, я воссоздал тебя, тебя! Из глянцевой картинки и мела... Ты вернулась! Ты со мной! Мы снова вместе!

ОНА-ДРАКОН. Изысканное обольщение...

АРГОН. Ты прекрасна... великолепна... божественна! Я счастлив! Счастлив!

ОНА-ДРАКОН. Вкусите райское наслаждение...

АРГОН. Да! Да! Я хочу тебя! Я так соскучился! Так истосковался по тебе! Я так хочу тебя!

ОНА-ДРАКОН. Почувствуйте вкус греха!

АРГОН. Я люблю тебя... Мне удалось то, что еще никому никогда не удавалось, кроме, может быть, одного человека, который был Божьим сыном! Я воскресил тебя, любимая! Я вернул тебя! Мой Дар и моя любовь совершили чудо! Я люблю тебя!.. Ева!.. Мы больше не расстанемся никогда! Никогда! Слышишь?! Никогда!! Я люблю тебя! Я так счастлив!

Возникает музыка. Они танцуют, потом замирают на мгновение... Долгий поцелуй.

Медленно убывает свет, и пока не воцаряется темнота, видно, как их тени переплетаются, сплетаются и вновь расплетаются, охваченные любовным порывом.

Темнота полна вздохов, тихих возгласов, стонов, вскриков, шепотов.

КАРТИНА ДВАДЦАТАЯ

Аргон открывает глаза. На краю постели сидит Дракон. Дракон раздражается диким страшным хохотом, от которого содрогаются стены, сыпется с потолка штукатурка, дрожит пол, будто началось землетрясение.

Темнота накрывает Аргона, словно беспмятство.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Аргон открывает глаза.

ДРАКОН (*Ее голосом*). Аргон... Аргон! Аргон!

Пауза.

ДРАКОН (*Ее голосом*). «Искушение... перед которым невозможно устоять...» (*Скрипучим, хриплым голосом.*) Тебе было хорошо со мной, милый?.. (*Смеется – глухо и страшно*).

Аргон натягивает одеяло на голову.

АРГОН. Что-то случилось... Что-то пошло не так... Я пытался... стать Богом...

ДРАКОН. Ты играл в Бога.

Пауза.

АРГОН. Я знаю, кто ты... Ты – Тень. Я нарисовал Тень... Ты пришел из страны ёми-но-куни, страны смерти, из мира мертвых. Вам удалось... Вы обманули меня...

ДРАКОН. Замолчи и не мешай мне!.. (*Подходит к стене. Проводит на ней линию мелом.*)

АРГОН. Что ты делаешь?

ДРАКОН. Смерть! Я создаю смерть! При сотворении нового мира... прежде всего, необходимо четко определить: кто есть кто!

АРГОН. Не делай этого!

ДРАКОН. Поздно! Глупец! Слишком поздно. Ты открыл мне врата в этот мир. Ты впустил меня сюда. Я – здесь. Поздно. Этот мир будет принадлежать мне!

Дракон рисует. На стене появляется Тень-Двойник Аргона.

ДРАКОН. Ты больше не нужен... (*Опутывает его, привязывает к ногам жалобно звякающие серебряные колокольчики.*)

Аргон не может двигаться.

ДРАКОН. Ты просто тень... Тебя больше нет!..

Аргону с трудом удается приподняться, дотянуться, сорвать одеяло и черную бархатную бумагу с окна. Комнату заливает дневной свет.

*Возникает дым, в котором тают Дракон и Аргон.
Меняется свет. На стене-экране появляется Тень Аргона.
Вещи в комнате превратились в рисунки на стене.*

ГОЛОС АРГОНА. Мое тело, столько времени питавшееся одними рисунками, стало частью стены... Я хотел стать Создателем нового мира, хотел стать богом... Я хотел воскресить свою любовь... Почему у меня ничего не вышло?.. У меня был Дар, который оказался сильнее меня. Волшебный мелок не сделал меня счастливым. Художник превратился в свое произведение...

Появляется Учитель. На стене возникает театр дзёрури.

УЧИТЕЛЬ. Но однажды Художник понял, что ему нужно делать. Он взял красный Волшебный мелок и нарисовал самого себя. Так он освободился – его душа перешла в рисунок, который ожил благодаря чарам красного мела, а его прежнее тело стало тенью. Он вернулся в мир живых. Говорят, что вернувшись, он отрекся от своего Дара, обрил голову, поменялся одеждой с каким-то нищим, надел его лохмотья, привязал к лодыжкам серебряные колокольчики и стал бродячим буддийским монахом. И у него больше никогда не было тени. Другие же говорят, что когда он вернулся – он растворился в лучах света, исчез как тень на солнце. Третьи рассказывают, что он и правда стал бродячим монахом – только прозрачным, словно тень, его нельзя увидеть, но иногда можно услышать, как звенят его серебряные колокольчики.

Учитель стирает со стены рисунок. Медленно гаснет свет. В темноте слышен одинокий и печальный звон колокольчиков.

Занавес.

"ГОРОД"

ПЬЕСЫ И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ

НАСТРОЙЩИК

МОНО-ПЬЕСА

"ГОРОД" №10, 2004 г.

Он мне сразу понравился... Высокий, худой, небритый и, кажется, слегка подшофе. Он пришел настраивать инструмент. Настройщик. Снял крышку, достал камертон, поставил метроном. И стал извлекать из пианино всякие звуки. Издевался над инструментом. Садист. И пианино жалобно так жаловалось... А он засунул голову внутрь и чего-то там ковырялся.

Он мне сразу понравился... Не знаю, почему. Потому что он был такой... несчастный какой-то. А еще он был чем-то похож на отца. Не внешне... А как-то еще... Ему было, наверное... ну, не знаю... лет 35 или 36. Что-то около.

Я села в кресло у него за спиной и не сводила с него глаз. С его затылка. Это такая игра в принципе. Смотреть на человека, чтоб он не видел – пристально-пристально. И почти всегда люди начинают нервничать, дергаться – чувствуют взгляд. Оглядываться начинают. Он тоже сразу задергался, занервничал, почувствовал потому что. А я сижу и смотрю на его затылок. Волосы у него каштановые... Он оглянулся раз, потом другой, потом третий...

А я сижу в кресле, – лежу почти, и нога на ногу в своем халатике коротеньком, и закурила еще. Он повернулся ко мне и говорит: «Что ты на меня смотришь?»

А я: «Нельзя, что ли?»

– Не стой над душой, – говорит.

А я: «Я сижу вообще-то».

Он из своих карманов достал мятую пачку каких-то вонючих сигарет и тоже закурил. А я ему говорю: «Вообще-то, – говорю, – у нас тут не курят. Тем более без разрешения. Тем более такое говно. Вся квартира провоняет этой вашей махоркой».

А он стоит такой... И сказать ничего не может. И аж пятнами пошел. Потом забычковал свою сигарету. Пошел к пианино.

Короче... Настроил быстренько. А я сижу себе. Он инструменты собирает. Собрал. Я сижу. Он мнется. Я сижу. А он денег типа ждет. А я сижу, закурила опять. И делаю вид, что ни фига не везжаю, в чем сермяга.

Он опять задергался весь. Говорит: «Я закончил. Инструмент в порядке. Предки твои когда будут?»

– Представления, – говорю, – не имею. Они мне не докладываются. И у них своя жизнь. А мне – параллельно. Могут вообще не явиться.

Он как-то загрустил и спрашивает: «А деньги они тебе не оставляли?»

Короче! Я прикинулась душой грешной и ни фи́га ему не заплатила эти несчастные пятьдесят баксов. И он ушел. Злой как черт.

А потом... значит, взяла плоскозубцы, открыла у пианино крышку и плоскозубцами пару-тройку струн там раз – ослабила, короче! Расстроила инструмент на фиг!

Мать приходит, то се, был ли настройщик, был, говорю, ага, только он ничего не сделал. Только хуже стало. Вот, говорю, сама глянь. И сыграла. Жуть! Бедное фоно. Я играю, и мне смешно.

Мать разозлилась, давай звонить в эту его фирму там, откуда его прислали, ругалась с ними по телефону. У меня весь вечер было такое великолепное настроение, как давно уже не было. И я еще тогда не понимала, почему...

Так что он мне сразу понравился. Сразу! Руки у него – я обратила внимание – тонкие пальцы длинные, узкая кисть, ногти красивой формы и ухоженные, без траурного крепа. Красивые. И не женственные, а мужские такие. Такие и должны быть руки у музыканта. Нежные и нервные.

Короче, он приперся уже на другой день. Я его, значит, встречаю. Он спрашивает: «В чем дело?»

Я говорю, так и так, пианино опять расстроилось.

Он: «Не может быть!» И кинулся к инструменту.

А я... Я вышла... у меня все было готово... я заранее все приготовила. Столик на колесиках. Коньяк. Хороший. «Реми Мартин».

Я видела, что его пальцы дрожат. И глаза у него ввалились, и круги под глазами – синие. Сразу же видно, что ему нужно похмелиться. Он там какую-то жевал жевательную резинку мятную, но все равно от него перегарчик чувствовался.

И я закатываю столик. Там фрукты – авокадо, киви, фейхоа. Еще виски, сакэ и текила была. Все, короче, что было у нас в баре, я все выставила. Я же не знаю, что он предпочитает. Хотя мне казалось, мне почему-то казалось, что он коньяк все-таки выберет.

И я не ошиблась. Потому что интуиция у меня. Ну!

И я, значит, закатываю столик и говорю ему: «Хотите чуть-чуть выпить?»

Он обернулся...

А я: «Вот виски, коньяк, текила, вы что предпочитаете?»

У него челюсть так, раз – и отвалилась. Он, по-моему, совсем забыл об инструменте, вообще обо всем. Охренел, короче.

– Вы не стесняйтесь, – говорю, – угощайтесь, пожалуйста! – А сама такая вся гостеприимная, ага! Добрая вся такая!

Он замялся так... А я гляжу – глазки заблестели! Выпить-то как хочется! Мама дорогая! Видно просто невооруженным взглядом. Смешно. И я говорю: «Ну, если вы ничего не хотите...» И делаю вид, что собираюсь столик выкатить.

Он так дернулся ко мне... «А родители твои... они...» Но фразу не закончил. Поэтому я не поняла, что он там имел в виду. Наверное, что-то типа: не будут ли родители мои возражать... В этом духе.

И бочком так нерешительно к столику подходит.

– Не волнуйтесь, – говорю, – о моих родителях. Им сугубо фиолетово все, включая меня. Так что нечего стесняться.

И он выпил коньяк. Я не ошиблась в том, что он выберет «Реми Мартин», а не сакэ. Интуиция меня не обманула.

И про него я знала почти все почти сразу. Знала, что он хороший, добрый и несчастный. А еще, не смотря на небритость его, на запущенность, он не был жалким. И чувствовалось в нем что-то... Он улыбался так...

Он выпил коньяк. И я тоже выпила. Тоже – «Реми Мартин». Он смотрит на меня и говорит: «Забавно...» И улыбается. А потом: «Сколько тебе лет?» – спрашивает.

– Шестнадцать, – говорю, – будет. Через шесть месяцев.

«Где мои семнадцать лет», – он вышел еще, подошел к пианино, стал наигрывать и напевать. «Где мои семнадцать лет – на Большом Каретном, где мои семнадцать бед – на Большом Каретном, где мой черный пистолет – на Большом Каретном, где меня сегодня нет – на Большом Каретном...»

– Почему вы этим занимаетесь, – я его спрашиваю.

Он перестал играть, встал, подошел к столику, посмотрел на меня и говорит: «Чем – этим?»

Я говорю:

– Ну вот, типа, ходите, настраиваете...

Он налил себе коньяк в стакан, который для воды, прямо до краев, и хлопбытнул его залпом. Я думала, он сейчас рухнет. А ни фига подобного.

– Потому что я больше... ничего другого не умею. – И пошел к инструменту. Сел опять. И заиграл.

Ой, мама! Как он играл! Охренеть просто! Умереть не встать! Офигительно! Круто! Классно! Я никогда... В школе своей гребаной музыкальной ни одна овца, которые нам там преподают, никогда в жизни так не сыграет!.. Шопена играл. У меня мурашки пошли... и слезы просто... я сама обалдела, что так среагирую... слезы потекли – натурально!

Он не заметил ничего. Играл. Я, конечно, быстро утерлась и тихонько к нему подошла, встала сзади. И опять в затылок ему смотрю. Только он совсем, наверно, ничего не воспринимал, кроме музыки, пока играл. А когда опус закончился, он замер как манекен.

Потом встал и ушел. Я кинулась – деньги ему отдать, а его уже след простыл. Видимо, повело его с коньяка. На старые дрожжи опять же, наверно... Нет, он не похож был на запойного – так, подавал, видно, перманентно. Короче, я разозлилась. Взяла пасса-тижи, открыла крышку у фоно и несколько струн – херакс!

Мать опять поорала в трубку, когда звонила в его фирму.

Я надела черное белье.

И он пришел снова.

Открыл крышку, смотрит туда, потом на меня. И не удивился почти. Я говорю, да, это я перerezала.

– Зачем? – спрашивает.

– Я хотела, чтоб вы пришли, – говорю.

Он опять: «Зачем?»

А я: «Мне понравилось, как вы играли».

Он говорит: «Ясно. Что дальше?»

Я: «Сыграйте, – говорю, – еще! Ну, пожалуйста!»

А он: «Как же я сыграю, если ты струны перerezала?»

И замолчал. А сам о чем-то своем думает. Не знаю, о чем. Он часто так вот думал – о чем-то своем. И я не знала, о чем он думает, не могла понять, разгадать... Меня это бесило всегда.

Тогда я говорю: «Хотите коньяка». И он сходу так: «Хочу!» Я на кухню кинулась...

А потом мы пили с ним коньяк. И разговаривали... Я, наверно, никогда так ни с кем не разговаривала раньше. До этого... Так просто, легко, не напряжно... Обо всем! Не помню, о чем... Он много о себе говорил. Было очень смешно. Он смешно так о себе рассказывал, про свою жизнь, и улыбался так чудесно. Только глаза все равно были грустные всю дорогу... Его развезло чуть-чуть совсем, слегка... Он словно расслабился, словно что-то в нем лопнуло или пружинка какая-то распрямилась. Он стал мягкий какой-то... спокойный. Другой немного.

Я поцеловала его. Сама. Он, естественно, прибалдел, но не испугался. А я боялась, что он испугается... Вообще, он молодец. Он все правильно делал... Как надо. И я не ошиблась. Он оценил черное белье.

Пауза.

Потом все было чудесно. Недели две, наверно, – все было просто класс! Полные штаны счастья.

А потом как-то однажды я лежала, уткнувшись в его плечо, вдыхала его запах... Мне нравилось, как пахла его кожа. Это был такой родной запах... И я чувствую, что он опять думает о чем-то. А я не могу залезть ему в голову и посмотреть, что там творится. Не могу проникнуть в его мысли. И это отдаляет его от меня. Словно он встал и ушел, а я осталась одна. И тогда я ему говорю вдруг. Я в принципе сама не ожидала... Я ему, значит говорю: «Ну, все. Теперь ты должен на мне жениться».

Он смотрит на меня, улыбается. «Смешно, – говорит, – веселая ты девушка».

– Нет, – говорю, – уже не девушка. Благодаря тебе, если помнишь. И ты на мне женишься. Женишься, понял?! – Так ору на него практически.

Он говорит: «Знаешь, это совсем не смешно. Дурацкие у тебя шутки».

А я: «Странный ты – то смешно, то не смешно. Ты уж как-то определись с этим. Хотя, в принципе, я не шучу. Я – несовершеннолетняя. Сечешь, в чем сермяга? Статья есть такая в уголовном кодексе Российской Федерации, «Совращение несовершеннолетних» называется. Дают по ней много, а главное, это на зоне, те, которые по этой статье сидят, становятся петухами. Намек понял?».

Он вообще в осадок выпал. А мне стало ужасно смешно! Я еле сдерживаюсь, чтоб не заржать. Нет, надо было видеть его лицо! Минут пять, наверно, прошло, он выдает: «Ты меня шантажируешь, что ли?»

– Догадался, Штирлиц? Дошло? Как ты догадался, я не понимаю! Ку-ка-ре-ку! – не выдержала, расхохоталась.

Он затрясся весь, псих нашел, схватил меня.

Я говорю: «Спокойно, ладно, синяки же будут!»

А он мне орет прямо в лицо: «Что тебе надо?! Чего ты от меня хочешь?!»

– Я сказала же, – говорю, – чтобы ты на мне женился.

Он меня отпустил, заходил по комнате, как камертон – туда-сюда.

Потом остановился, на меня смотрит.

– Ты издеваешься? – спрашивает. И пошел! – Ты дура! Ты свихнулась! У тебя пагоду снесло, ты вообще без башни, отмороженная...

Ну, и дальше, что я типа мажорка прикинутая, зажралась со своими предками и все в том же духе, никакой фантазии! Разошелся, как настоящий:

– Ты дура, дура, дура, дура, дура!!!

Я говорю: «Ладно, я дура, ладно, хорошо, чего ты, ладно, дура я, успокойся только... дура, понятно, чего орать-то, будто тебя режут, как салями. Я дура. Нормально. Дура грешная. Как скажешь!

Только все равно тебе жениться придется. Или... (Поэт.) «Ой ты, зона, зона – в три ряда решетки!..»

Он скис так, сник сразу... сдулся, как надувной шарик.

– Зачем тебе это все? – говорит. – Зачем тебе все это надо? Вес этот цирк шапито? Что ты хочешь?... Доказать кому-то чего-то?... Может, родителям отомстить? Да? Ну... за то, что они там тебе внимания не уделяют, как бы, все такое?.. Да?

Я говорю: «Хреновый какой из тебя психоаналитик. Просто разочаровываешь меня».

А он: «Так что же тогда?! Что?!»

Я говорю:

– Я тебя люблю. Понимаешь? Это же так просто все... Один человек любит другого человека. Лю-бит! И хочет быть с ним... всегда хочет быть с ним рядом... все время! Всегда-всегда! Долго-долго! Всю жизнь!.. Потому что в этом для него – счастье!.. Это же так просто. Что тут непонятного?

Пауза.

Он молчал долго. Да, долго, не знаю сколько, мне даже скучно стало. А потом говорит: «Ты – крейзи... Сумасшедшая...»

Я говорю: «Ага, точно, я дура грешная, я кейзи, я даже умственно неполноценная. Хоть горшком, – говорю, – назови, только в печку не сажай. Только это ничего не меняет. На ситуации нашей не отражается ни фига!»

А он:

– Неужели ты не понимаешь... что это невозможно! Это – невозможно! Невозможно!

– Почему? – спрашиваю.

– Что значит – «почему»?! Потому что!... Невозможно! Просто – невозможно и все! Это ж ясно, как Божий день!

– Почему? – спрашиваю.

– Да как ты не понимаешь?! Ты же такая умная вся!.. Невозможно!.. По разным... по многим причинам, по множеству причин!

– Например, – говорю.

А он:

– Да хотя бы твои родители!.. Они же это...

Меня смех разобрал:

– Что родители? Что – родители?! Они рады будут! Они будут счастливы от меня отделаться по легкому, что пристроили меня, что я в порядке, не шарахаюсь хрен знает где и с кем! Они же все время ждут от меня какой-нибудь фигни... они мне каждый раз сгибы локтей проверяют, придурки – кто-то их просветил – нет ли следов укулов. Как будто только в руку ширяться можно!..

Он говорит:

– Ладно. Пусть так... Но... обо мне ты подумала? Я-то, по-моему, кто?

Я говорю: «А кто? Ну, ну, скажи – кто? Неудачник. Лабух. Настроийщик. Верно говорю? Ничего не путаю?»

Он говорит: «Ты – жестокая. Очень жестокая».

А я:

– Нет, – говорю, – я нормальная. Обычная. Клей не нюхаю, с кем попало не трахаюсь в грязных подъездах у мусоропроводов, чернила всякие и водку паленую не бухаю до потери пульса. Кошек и бомжиков в подвале не вешаю, вивисекцию им не устраиваю, как некоторые... Я даже учусь хорошо, без троек почти.

Он:

– Мне, – говорит, – зато устраиваешь. Тебе вообще все равно, что ли, что я чувствую? Тебя это не интересует? Я же тебя не люблю! Понимаешь?! Я тебя не люблю!!

Я говорю:

– Зато я тебя люблю. Этого достаточно. На двоих хватит. Даже много. Я буду любить тебя за двоих. А потом есть народная мудрость: стерпится – слюбится.

Он схватил свою башку руками и стонет: «Что ты говоришь, что ты говоришь?»

– Тебе же хорошо со мной, тебе же нравится со мной трахаться!

Он говорит: «Ты... ты – точно ненормальная!!»

А я:

– Нет, наоборот все. Очень даже. Нормальная. И вообще, все у меня в порядке везде.

Он совсем расквасился так...

– Зачем я тебе, я же старый уже для тебя... я вообще старый уже... я уже не могу... ничего...

Я говорю:

– Не заметила что-то. Нормально. Вполне. Меня все устраивает.

Он только рукой махнул.

– Ты представь, что со мной будет через десять лет! Я буду совсем старик!

– Фигня, – говорю, – война – главное – маневры! Все будет хорошо. Ты даже не представляешь! Все будет хорошо.

А он: «Ну, зачем я тебе? Зачем? Зачем ты это все себе выдумываешь?»

– Я хочу быть счастливой! И я буду счастлива!!.. Мы будем счастливы вместе!! (*Кричит.*) Будем! Будем!! Будем счастливы-ы-ы!

Темнота.

Я открыла дверь, ожидая увидеть его, даже не спросила «кто там?», просто распахнула дверь, резко, чтобы броситься ему на шею... Но там стояла женщина. И я сразу поняла, что это она... И мы долго стояли молча и смотрели друг на друга. Ничего не говорили. Она была... Не знаю... Короче, хорошо сохранилась. Фиг ее знает, сколько ей там было лет на самом деле... Тридцать два, тридцать три, за тридцать, короче, около того приблизительно. И для своего возраста она хорошо сохранилась. Конституция потому что... худая, стройная в смысле, высокая... спина прямая. Спортом что ли каким-то раньше занималась, в юности, в мои годы?.. В джинсах такая... Вообще – нормально. Мне она даже понравилась. А в коридоре, в том свете, она вообще как моя ровесница выглядела. Ровесница. Пишется без «т». А сверстница – наоборот, с «т». Смешно. Это потом, если хорошо приглядываться – заметно... ну, морщинки вокруг глаз мелкие, сеточкой... волосы крашенные, чтобы седины не видно... Ну и вообще, заметно, что не девочка... Я отступила внутрь, она вошла. И я понимаю, что она не знает, как ей начать говорить, не знает, что сейчас сказать, какие слова, чтобы начать разговор. Я все это секу и молчу в тряпочку, сморю на нее в упор. Молча. И жду. Интересно мне очень! Что она мне скажет?..

– Он не знает, что я пришла сюда. Пожалуйста, не говорите ему!..

Я ничего не ответила. В принципе, я тоже не въезжала – на фиг она приперлась и чего ей надо.

– Спасибо, – сказала она.

– Ну, и что дальше, – говорю.

– Не знаю, если честно... Это все глупо, я понимаю... Я не знаю, что мне вам говорить... Наверное... я хотела вас увидеть... чтобы... Не знаю – зачем!.. Просто – увидеть... Глупо-глупо-глупо...

– Увидели? Дальше чего?

– Ты такая...

– Какая? Какая я? Какая?

– Ты мне можешь ответить – зачем тебе все это нужно?

Мне стало скучно, как будто мне уже сто пятьдесят лет...

А она: «Я не верю, что он тебе нужен, что ты его любишь... Почему именно – он?»

– А тебе он нужен, что ли, – говорю. – Ты сюда приперлась, потому что жить без него не можешь? Потому что, типа, любишь, ага?

Тут она помолчала немного, потом говорит: «Не знаю...»

Я думаю про себя: ты вообще хоть что-нибудь знаешь?

Она дальше: «Раньше, давно, когда-то... наверное, да... Да. Любила...»

– А потом – что? Любовная лодка разбилась о быт, – говорю.

Она не ответила. В глазах у нее были слезы, кажется.

– Ладно, – говорю, – короче, мне некогда, уроки надо учить.

Она словно мимо ушей пропустила мои слова и спрашивает так: «Как ты представляешь себе... свою жизнь?..»

– Как долгую, счастливую череду дней и ночей рядом с любимым человеком!

Так я ей и сказала!

– Господи! – говорит она – Просто какой-то фильм ужасов... страшный сон, кошмар, а я не могу проснуться...

Я говорю: «А знаете, почему вы ко мне пришли?..»

Она отрицательно мотнула головой. И слеза у нее слетела с ресницы от этого движения и попала мне на руку.

– Потому что вам стало страшно... Вы не из-за него пришли, он вам на фиг не сплющился, а просто себя стало жалко... Потому что вам уже – сколько там – тридцать пять, не знаю, тридцать семь?.. А у вас так ничего и нет, в смысле там женского счастья. А он вам – как чемодан без ручки – нести тяжело, а бросить жалко...

Не помню я. Может, я ей еще что сказала... А она меня ударила по лицу. Со всего размаха – ладонью – херакс! Я прямо в стенку вписалась, и еще затылком приложилась... А она развернулась и ушла.

И я поняла, что была права.

Пауза.

Он пришел пьяный, весь в каком-то дерьме. Валялся где-то, что ли?..

И я подумала, что вот он, она тоже, мои предки – какие то они все... не знаю... слабые. И несчастные. Вроде пыжатыся, щеки раздувают, типа мы – крутые, все пироги, а ткни их мизинцем, и они разваливаются в труху...

Он сел на пол в коридоре, привалился к стенке и закрыл глаза. Он словно угадал, о чем я сейчас думала, или просто совпадение.

– Это шестидесятники сделали нас такими... Я долго ждал, когда все они сдохнут... а потом... потом я понял, что они всех переживут... включая тебя... Что ты думаешь, что ты, вы – дженерейшен, блядь, «Р», идущие вместе... за пепси... экстази и героином, байкеры-хуайкеры, юные тупобритоголвые русские фашисты, мажорная золотушная молодежь... что вы все «новые люди», как у этого... как его?.. Чернышевского? Вы будете всегда – вечно юные... Хрен там!.. Вот мы – поколение, идущее на хуй...

Он долго нес всякую пургу. Вот убей, я не верю, что это типа советская власть и тоталитарный, блин, режим, при котором они родились, сделал их такими. Ни фига даже подобного. Это что-то другое совсем... Но мне лень было додумывать.

Я пошла в ванную, набрала воды, почти волоком затащила его в ванную.

«Жизнь не удалась, но попытку защитали!» – всю дорогу повторял он и глупо смеялся.

Я стянула с него все его вонючие шмотки, и запихнула его в воду. Он был как большой ребенок.

Тогда я впервые на секунду, наверно, подумала, что когда-нибудь у меня тоже будет ребенок. И я буду его купать.

Он спекся. Теперь с ним можно было делать все, что угодно.

Я знала, что если захочу, он женится на мне. И никто мне не помешает.

Никто!

Только я уже не хотела. Я уже ничего этого не хотела.

Потому что я представила себе его маму. Их однокомнатную «хрущевку» в засанном подъезде. Их семейный фотоальбом...

Наверное, я уже повзрослела...

Пауза.

Он спал, похрапывая с присвистом, свернувшись калачиком. Он был трогательный, несчастный, взрослый ребенок, слабый и беззащитный в этой жесткой игре – жизни.

Потому что жизнь – это не гамма на фанере, не опус Шопена даже, а...

В общем-то, он проиграл жизнь, он сам просекал все, но не мог ничего изменить.

А я уже не хотела помочь ему. Хотя мне тогда казалось, что я еще люблю.

Кто виноват в том, что все так? Он сам? Его мать, воспитавшая его таким, учившая его всякой ненужной ерунде и музыке?

Не знаю! Думать об этом было скучно.

Я подоткнула одеяло со всех сторон – он ворочался, открыла форточку – в комнате воняло перегаром. Потом потихоньку оделась и вышла, и тихо прикрыла за собой дверь.

Ушла, чтобы больше не возвращаться...

Не возвращаться к нему, к родителям, в школу музыкальную, в детство, в ту жизнь, которая кончилась тогда для меня.

И началась другая, взрослая жизнь. Смешно так звучит: «взрослая жизнь»... По-дурачки.

На трамвае, на троллейбусе потом я доехала до края города, там поймала «Камаз».

Шеф все время что-то рассказывал – добродушный лысый дядька, было тепло, уютно, потрескивало радио – музыка какая-то веселенькая тренькала негромко, не помню какая...

Был вечер уже, огни в окнах... Большой город, в котором я родилась и выросла, остался позади. Но я даже не оглянулась.

Мне не было жаль или грустно там, ничего такого.

Я только видела в боковом зеркале размытые, быстро удаляющиеся огоньки, пока не уснула под бормотание водилы и похрюкивание радио.

Потом много чего было... Я шарахалась – дай Бог! Автостопила с разными компаниями... и одна тоже. Куда меня только не заносило – чего только не повидала... Кое о чем лучше не вспоминать.

Проехала всю страну, потом – пол-Европы: Польша, Германия, Франция, Швейцария. Но в Европе мне не понравилось. Скучно там.

Родители меня искали. Я им звонила иногда. Редко. Потому что мне от них ничего не надо. А они никак не могут этого понять...

Однажды позвонила ему. А трубку взяла она. И я поняла, что у него все нормально – все по-старому.

Иногда... редко... я жалею, что не залетела тогда от него. Наверно, я хотела бы от него ребенка... Чтобы у него были тонкие кисти с длинными пальцами и такие же большие, серые умные глаза... И он стал бы музыкантом. Настоящим! Великим! Я знаю...

Да, я хотела от него ребенка... Потому что то, что я чувствовала к этому человеку – это было... это называется – ЛЮБОВЬ! Лю-бовь... Это было – по-настоящему...

Короткая пауза.

Я знаю, что в моей жизни будет еще много любви.

Но тогда – это было в первый раз. И он был – первым. И это навсегда, и нельзя забыть...

Короткая пауза.

Где он теперь? Что с ним?..

Короткая пауза.

Надеюсь, ты жив-здоров... Как ты? Все настраиваешь пианино дуручкам, которых мучают музыкой?

Я благодарна тебе, за то, что ты был... (*Усмехается.*) Извини если что...

Будь счастлив, если сможешь.

Будь счастлив, неудавшийся музыкант, проигравший жизнь.

Будь счастлив, настройщик!

Fin.

Вадим ЛЕВАНОВ
Гульнара САПАРГАЛИЕВА

НА ТОМ КРАЮ МОРЯ

ЯПОНСКАЯ СКАЗКА

Это случилось очень-очень давно.

Далеко-далеко у самого моря жил человек.

Его дом стоял почти на берегу, а маленькая деревня была неподалеку.

Рядом с домом был небольшой сад, росли деревья, и был пруд, в котором жили золотые рыбки, рыба карп, а еще лягушки.

В саду гулял павлин, а на деревьях пели птицы и соловей.

В море жили разные рыбы и большой кит, а на волнах качалась чайка.

Однажды человек сидел у моря и думал: какое оно огромное – море... и какой он, человек – маленький...

А еще он думал о тех, кто живет в море – о рыбах и большом, как гора, ките.

А еще он думал: о чем думает кит в глубине моря? И о чем думает чайка, покачиваясь на морской волне?..

И еще о многом думал человек, глядя, как к его ногам подкатывают волны, как они перекачивают камни у берега, и камни становятся круглыми и гладкими.

А потом человек подумал о том, что где-то на другом краю этого огромного моря – так далеко, что это даже представить себе трудно – на том далеком берегу – тоже сидит человек, и тоже думает разные мысли.

«А может быть, этот человек на другом краю моря думает обо мне, так же, как я думаю о нем?» – думал человек.

Чайка качалась на волне и не думала ни о чем.

– Чайка, – сказал человек, – у тебя есть крылья, ты умеешь летать. Ты можешь долететь до другого края моря и посмотреть – сидит ли там человек на берегу.

– Нет, – ответила человеку чайка. – Другой край моря – это очень далеко отсюда. Чайки не улетают так далеко от берега. Попроси кого-нибудь еще.

Человек опечалился и побрел домой. Он посмотрел в небо, где высоко-высоко в голубой выси кружили журавли.

И человек подумал: как жаль, что у него нет крыльев, чтобы полететь за море.

Вдруг к ногам человека упал журавль. У него было сломано крыло.

Человеку стало жаль красивую птицу. Он осторожно подобрал ее и взял к себе домой. Он стал ухаживать за журавлем: кормил и лечил его.

Он привязался к журавлю и журавль тоже привязался к человеку.

Журавль рассказывал о дальних странах, тех, где он побывал, пролетая над ними в далекую Африку.

– А ты был когда-нибудь на другом краю моря? – спросил его человек как-то раз.

– Да, – сказал журавль, – я был там. Там прекрасная страна! Густые леса, высокие горы, там колосятся поля, там серебристые реки, полные рыбы. Там живут добрые и приветливые люди, которые никогда не обижают журавлей и других птиц.

– Ах, – сказал человек, – как бы я хотел увидеть эту страну... Если бы у меня были крылья, я бы полетел за море посмотреть – сидит ли там человек на берегу...

– Если бы не мое крыло, – вздохнул журавль, – я мог бы полететь за море, а потом вернулся и рассказал тебе.

И оба они грустили – каждый о своем.

В это время в кустах шиповника, росшего возле дома в саду, запел соловей.

– Как красиво ты поешь! – сказал человек соловью. – Мог бы ты полететь на тот край моря, ведь у тебя есть крылья...

– Нет-нет-нет! – воскликнул соловей. – Я не могу лететь за море! Я должен петь! Я не умею ничего другого. И у меня не хватит сил, чтобы перелететь через море. И даже если бы я согласился... холодный морской ветер вреден моему нежному горлу, я бы простудился, заболел и не смог петь! А я умру, если не смогу петь! Нет-нет-нет! Попроси лучше кого-нибудь еще! Вот видишь, ласточка – у нее такие быстрые крылья!

Над головой человека быстро, словно молния, пронеслась ласточка.

– Ласточка, – сказал ей человек, – может быть, ты согласишься слетать за море, посмотреть – сидит ли там человек на берегу?

– Ах, я бы с радостью сделала это, – отвечала ласточка, – но у меня маленькие детки, мои птенчики, они только что вылупились из яиц, и им нужна моя забота и защита. Их нужно кормить, они такие прожорливые, мои крошки! Я так их люблю! Попроси лучше цаплю!

Цапля ходила по болоту и высоко поднимала то одну, то другую ногу. Застывала так, стоя на одной ноге, словно она не живая.

– Послушай, цапля, – сказал человек, – я прошу тебя, полети на другой берег моря, посмотри – есть ли там человек, на той стороне.

Цапля замерла, стоя на одной ноге, и долго молчала. А потом сказала.

– Мне некогда. Я занята очень важным и трудным делом. Я ловлю лягушек. Не мешайте мне!

И она опять замерла, как чучело.

– Ах, если бы не мое крыло! – воскликнул опять журавль, – я бы давно слетал за море для тебя! Ведь ты мой друг! Ты так заботишься обо мне, кормишь меня, лечишь мне крыло! Я так хочу хоть чем-нибудь отплатить тебе!..

И оба опять загрустили.

– Знаешь, – сказал человек журавлю, – нельзя отчаиваться! В нашем саду есть еще одна птица – павлин. Я попробую попросить его!

И человек пошел в сад, где на лужайке важно вышагивал павлин.

– Павлин, а павлин, – сказал человек, – я очень прошу тебя – помоги мне, пожалуйста! Ведь у тебя есть крылья, ты можешь полететь за море и посмотреть, есть ли на том краю моря человек, похожий на меня!

– Вот еще, глупости! – возмутился павлин. – Что за ерунда! Ты, верно, не понимаешь, кто перед тобой? Кто я?! Я – царская птица! Я слишком важная персона, чтобы тратить время на всякие пустяки! И потом – я слишком красив! И я должен следить за своей красотой, а на это требуется очень много времени. Поэтому мне некогда. Посмотри, какой у меня прекрасный хвост! Какие чудесные перья! Какой узор! Я создан для того, чтобы мной все восхищались! И ни для чего другого! И не смей больше приставать ко мне со всяким вздором и беспокоить меня!

Человек опечалился, повесил голову и побрел домой. Он рассказал своему другу журавлю, что павлин тоже отказался полететь за море.

– Не печалься, – сказал человеку журавль, – павлин просто не умеет летать, вот и все. Он глупый и любит только себя.

– А все-таки он красивый, – сказал человек.

– Одной красоты мало. Нужно еще иметь доброе сердце.

Но тут что-то влетело в окно, закружилось по комнате, где сидели человек и журавль.

Летучая мышь, а это была она, повисла под потолком головой вниз.

– Эй, человек, я слышала, о чем вы тут говорите, – сказала летучая мышь. – Я слышала, как ты просил чайку, соловья, ласточку, цаплю, – полететь за море. Слышала, как бескрылый павлин отказал тебе. Просить павлина полететь за море – все равно, что просить об этом курицу, которая может только взлететь на забор

или насест. А у меня – тоже есть крылья, и я могла бы полететь за море, если ты меня попросишь. Только скажи – зачем тебе это нужно?

– Я сидел на берегу, – сказал человек, – и думал. Разные мысли приходили мне в голову. И я подумал о том, что, возможно, на другом берегу этого огромного моря тоже есть человек, который сидит у моря и думает то же, что и я – о человеке на другом краю моря... То есть он там думает обо мне... Как я думаю о нем... Понимаешь?

– Вроде бы понимаю, – сказала летучая мышь с сомнением.

– Да! – воскликнул человек. – И я хочу, чтобы кто-нибудь спросил у того человека про его мысли. О чем он думает на самом деле? И думает ли он о человеке на другом краю моря, то есть обо мне, как я думаю о нем?

– Понятно! – сказала летучая мышь. Только зачем тебе знать, о чем думает тот человек, если он и вправду сидит на другом краю моря, если он вообще существует?

– Если на том краю моря есть человек, и он думает о чем-то, о разных вещах, как и я, и если наши мысли хоть немного похожи, если он одинок, как и я... тогда он может стать мне другом. И когда мы узнаем о существовании друг друга, мы уже не будем так одиноки.

Так сказал человек, а потом продолжил.

– У меня есть друг – журавль. Но когда его сломанное крыло заживет, он улетит от меня, чтобы быть с другими журавлями... И я опять останусь один.

– Но я буду прилетать к тебе! – сказал журавль.

– Да, конечно! – отвечал человек. – Конечно, ты будешь прилетать... Но когда тебя не будет – я буду еще более одинок, чем раньше!

– Разве здесь, на этом берегу моря, нет других людей? – спросила летучая мышь. – Почему ты не найдешь себе друга среди них? И какой смысл иметь друга, которого ты даже не видел, а может быть, и не увидишь никогда! Ведь от него не будет никакой пользы!

– Здесь, на этом краю моря, есть люди, – отвечал им человек. – Но они не понимают меня. Они не плохие, просто они заняты каждодневными заботами повседневной жизни. Их мысли заняты тем, чтобы в доме было тепло, а на столе всегда была пища, чтобы дети были здоровы, а старики довольны. Я не осуждаю их за то, что они не мечтают! А они смеются надо мной, потому что я предаюсь размышлениям и мечтам. Иногда, когда какие-то мысли и мечты увлекают меня, я могу забыть развести огонь в очаге или о еде... Они не понимают меня и считают бездельником, потому что

иногда мне нечего есть или нечем развести огонь... Им кажется это странным и непонятным, что размышления и мечты – тоже работа. Ведь мысли рождают удивительные вещи!.. Вот, например, все предметы, которыми мы пользуемся, эти простые и привычные нам вещи – чашка, чайник, одежда, циновка, бумажный фонарик, что угодно, все-все, что окружает нас – сперва кто-то придумал, вообразил, или кому-то они привиделись в мечтах!.. И чтобы понимать суть вещей и происходящих событий – почему ночь сменяет день или отчего дует ветер, почему вода – мокрая, а камень – твердый, – нужно задуматься об этом... Это так удивительно! Так интересно!.. И вот я подумал: если здесь никто не понимает меня, то где-то, где-нибудь, пускай далеко за морем, обязательно должен быть человек, который поймет меня!.. Это очень важно, чтобы кто-то понимал тебя!

– Да, это очень важно, – подтвердил журавль.

– Мне тебя не понять, человек, – сказала летучая мышь. – И я понимаю людей, которые тебя считают не от мира сего – мечтателем и бездельником. Потому что ты пренебрегаешь пользой ради пустых грез! Ты сидишь на берегу и в мыслях улетаешь за море, вместо того чтобы обиходить собственную жизнь. Ты голодаешь и тебе порой нечем согреться! А дружба должна приносить выгоду! Дружью нужны для того, чтобы помогать устроиться в жизни, чтобы дарили подарки, чтобы вкусно угощали, когда приходишь к ним в гости – поили теплым сакэ или горячим чаем. Дружью нужны, чтобы весело проводить время – в шумной компании горланить песни, рассказывать смешные истории, плясать и веселиться и ни о чем не думать! Вот зачем нужны друзья! Чтобы не скучно было жить!

– Пусть так, – сказал человек, – но когда ты полетишь за море?

– Глупый ты, человек, – рассмеялась летучая мышь. – Я никуда не полечу и не собиралась лететь. Просто мне было скучно, а ты развлек меня разговором. А теперь прощай!

И летучая мышь вылетела в окно и исчезла в темноте.

– Ах, что же мне делать, – воскликнул человек, – я готов сам броситься в морские волны и плыть, плыть пока хватит сил!

– У тебя все равно не хватит сил, чтобы переплыть море, – сказал человеку журавль. – Ведь оно такое огромное – море!.. Но я подумал, что, может быть, надо спросить ворона, что делать. Он старый и мудрый и знает все на свете.

И человек пошел к ворону и просил его полететь за море, чтобы посмотреть на человека, который сидит на другом берегу.

Ворон так отвечал человеку.

– Я стар, мне уже триста лет, – сказал ворон, – у меня уже не хватит сил перелететь через море. Тебе нужен кто-нибудь моложе и выносливее, с крепкими крыльями.

– Я просил чайку, соловья, ласточку, цаплю, а еще павлина и летучую мышь, но никто не мог или не хотел помочь мне. А мой друг – журавль не может летать, потому что у него сломано крыло. Ты, ворон, много видел и много знаешь, ты долго живешь и стал мудрым. Скажи, что мне делать?

Ворон подумал и сказал человеку так.

– Попробуй попросить кита, что живет в глубине моря. Он большой и сильный и он может доплыть до другого берега моря.

Человек поблагодарил ворона за совет и отправился на берег и стал звать кита.

– Кит, – позвал человек, – ты такой большой и сильный, ты живешь в море, можешь опускаться глубоко на самое морское дно! Ты сможешь доплыть до дальнего берега моря и посмотреть – есть ли там, на берегу, человек, такой же, как я...

– Я могу доплыть до другого берега, – отвечал кит. – Но для того, чтобы мне добраться туда, нужно немало времени, потому что я очень крупный. А еще мне нужно много есть планктона, чтобы жить глубоко в воде, а на это тоже требуется много времени и сил. Я могу выполнить твою просьбу, человек, но хватит ли у тебя терпения дожидаться меня?

И человек задумался над тем, что сказал ему кит, а кит опустился в глубину моря.

Человек думал, хватит ли ему терпения долго ждать, пока громадный и медлительный кит доплывет до другого берега? Ведь море такое огромное!

Человек вернулся в свой дом, чтобы спросить совет у своего друга – журавля, а тот уже ждал его с нетерпением. Человек рассказал журавлю о том, что сказал ему кит и о своих сомнениях.

– Я придумал, что тебе нужно делать, – воскликнул журавль. – Как же я раньше не догадался об этом! Тебе нужно попросить почтового голубя! Он легок на крыло, он летает на дальние расстояния, переносит почту. Только он может помочь тебе!

И человек вышел из дома и стал звать голубя. И голубь прилетел к человеку.

– Здравствуй, голубь! – приветствовал его человек. – Я прошу тебя полететь через море и посмотреть на человека, что сидит на другом берегу моря, и спросить у него: о чем думает он, глядя на волны у своих ног?.. Все другие птицы отказали мне по разным причинам, а кит, живущий в глубинах моря, слишком медлителен... Ты моя последняя надежда, голубь! Ах, неужели ты тоже откажешь мне, как и другие?

Голубь подумал, а потом ответил человеку.

– Море – оно очень-очень большое, и даже у меня, привыкшего летать далеко, не хватит сил перелететь его. Но в море есть остро-

ва и на каждом из них живут мои собратья. Я долечу до одного острова и передам твою просьбу другому голубю, а тот долетит до следующего, и так далее... Только так можно исполнить твоё желание.

Человек очень обрадовался, тому, что сказал ему голубь.

– Спасибо тебе! – говорил он голубю. – Спасибо! Ты маленькая птица, но у тебя большое и доброе сердце.

И голубь улетел. А человек и журавль остались ждать его возвращения.

Прошло уже много времени, а голубь все не возвращался. Человек и журавль волновались и гадали: отчего голубя нет так долго?

– Может быть, он повредил крыло, как я? – гадал журавль. – Или на него напал коршун или другие хищники?

– А может быть, он попал в морской шторм, и ураган унес его, и он погиб? – предполагал в отчаянии человек.

Но вот однажды, когда человек и журавль как всегда сидели на берегу, высоко в синем небе появилась крохотная точка. Она приближалась, увеличивалась и, наконец, превратилась в голубя. Обессиленный голубь камнем рухнул в ладони человека. Он так устал, что не мог говорить.

Но зато в клюве он держал цветок – привет от человека, который жил на другом краю моря.

Человек расцеловал голубя. Он ликовал, он был счастлив, и его радость в полной мере разделял его друг – журавль.

Голубь очень устал, но человеку не терпелось узнать о человеке на другом краю моря.

– Да, на том краю моря есть человек, все так, как ты и думал, – сказал голубь. – Он передал тебе этот цветок. Так сказали мои собратья голуби, которые видели его. – И обессиленный, голубь уснул в ладони человека.

– Да, я рад, что все оказалось так, как я думал...

– Почему же ты грустишь?

– Не знаю... Наверное, я грущу потому, что не знаю, что мне делать теперь?... – человек помолчал немного. – А еще, мне нестерпимо хочется увидеть человека на том краю моря, говорить с ним, узнать, о чем он думает, и рассказать ему, о чем думаю я...

С такими мыслями человек стал жить дальше. Он становился все грустней день ото дня, будто таял, как тонкая свеча, горевшая ночь напролет.

Журавль почти выздоровел и теперь учился летать заново. От ожидания предстоящей разлуки обоим им становилось очень грустно. Тогда человек решил, что ему во что бы то ни стало необходимо пересечь море. Он решил построить лодку.

А потом человек увидел сон. Ему приснился тот берег моря, куда он так стремился.

Там на песке у берега сидела Девушка. Морские волны грозно подкатывали и смиренно затихали у самых ее ног. Девушка писала на песке какие-то слова и знаки, а волны жадно слизывали их, как голодные рыбы... Она смотрела куда-то вдаль, на море, где за горизонт закатывался багровый шар солнца. В волосах у нее был цветок, такой же, что принес человеку голубь.

Человек проснулся. И весь день вспоминал свой сон, вспоминал Девушку на берегу, рисующую слова на влажном песке...

И человек начал строить лодку. Это была трудная и долгая работа, ведь никто не помогал ему... Но пришел день, и лодка была готова. Человек попрощался с Журавлем и отправился в море на своей лодке.

Огромные, яростные волны накатывались, готовые перевернуть утлую лодку, жестокий ветер в клочья рвал парус... И были дни, когда море было неподвижно, как зеркало, даже слабый ветерок не касался обвисшего паруса и некуда было скрыться от обжигающих лучей солнца... У него кончилась вода и пища, он обессилел, и ему казалось, что он никогда больше не увидит землю.

Но однажды, много дней спустя, в туманной дымке на горизонте человек увидел желанный берег. Наконец человек достиг другого края огромного моря, куда так долго стремился, и ступил на землю...

Берег был пустой, скалистый, дикий. И не было здесь никого, ни Девушки, ни одной живой души. Ни даже цветка среди камней. Человек был совсем один на этом пустынном чужом берегу. И ему стало нестерпимо грустно и одиноко, как никогда еще не было прежде. Потому что его мечты рассеялись, словно туман над водой... Обессилевший, он упал и уснул мертвым сном.

Ему показалось, что кто-то шепчет ему на ухо ласковые слова на незнакомом языке. Человек открыл глаза, но никого не было рядом. Только волны шуршали, перекатывая мелкую гальку.

А еще у самой кромки воды он увидел полусмытые отпечатки ног человека.

Волнение охватило его, и он пошел по берегу туда, куда вели следы, и вскоре увидел Старика, сидящего на берегу.

Старик чертил на песке бессмысленные знаки, а волны смывали их, как ненужный вздор. Он был очень стар, сед как лунь, длинные спутанные волосы и борода, глубокие морщины изрезали лицо, выцветшие полуслепые глаза слезились от соленого ветра.

Человек смотрел на Старика, и ему казалось, что он уже видел его, что-то очень знакомое было в его чертах...

А Старик не замечал человека, продолжал рисовать слова на сыром песке, слова сложились и человек прочитал: «На том краю моря». Старик поднял выпцветшие, слезящиеся глаза и посмотрел на человека.

И тут человек вдруг понял, что этот Старик на берегу – это он сам. Он понял, что смотрит на себя такого, каким будет он в старости...

У него закружилась голова и он закрыл глаза.

...Человек снова проснулся.

Соленые брызги попадали ему на лицо. За спиной был его дом, а рядом недостроенная лодка. Он лежал на берегу у самой воды. Пенистый прибой, почти касаясь его, принес водоросли, скользких медуз, а еще – большую плетеную корзину, в которой, как показалось человеку, что-то шевелилось...

Человек взял корзину, и замер в удивлении. В корзине – был ребенок. Осторожно держа корзину, человек быстро пошел в дом.

– Посмотри, что принесло море! – воскликнул человек, обращаясь к Журавлю.

– Это маленький человек! – удивлялся Журавль.

– Волны принесли его на наш берег!

– Что ты будешь делать теперь? – спросил Журавль

– Я буду заботиться о нем, любить его, – отвечал человек.

– А как же тот край моря, куда ты так стремился? Ты же почти построил свою лодку!

Человек ничего не ответил Журавлю, он улыбался, глядя на ребенка, который тоже улыбался ему в ответ.

Fin.

ЧТО ЗНАЧИТ ЗАСЛОНИТЬ?

МОНО-ПЬЕСА

Вы знаете, что значит: заслонить?

Это про слонов...

Слоны – индийские. Они больше африканских. И они сильнее.

Я люблю слонов.

Я видел их на картинках в детских книжках, видел на фотографиях в журнале «Вокруг света», видел в зооцирке, который приезжал в наш город.

В нашем городе не было зоопарка.

Его и сейчас нет.

И это хорошо... Потому что мне не понравился зооцирк... Я потом про него расскажу, а пока – про слонов...

Еще я их видел в кино.

Мама и папа любили индийские фильмы.

А мне было шесть или семь.

И мы пошли в кино, в большой кинотеатр «Космос», который построили рядом с Парком. В городе, в нашем городе были еще другие кинотеатры: «Буревестник», «Авангард», «Сатурн» – самый большой, но «Сатурн» был в новом городе, а мы жили в старом, а «Космос» был самый большой в старом городе и там показывали индийское кино как раз, которое мама и папа любили. Поэтому мы пошли в «Космос».

Мы шли через парк. И тогда было лето. Я это очень-очень помню хорошо – потому что было жарко и хотелось мороженого, а в Парке продавалось там мороженое, которое возили в таких тележках на колесиках, и было еще много всяких киосков, там тоже – мороженое и газвода.

А может быть, это была весна?..

Мы очень спешили, потому что опаздывали на сеанс. Папа так говорил маме: «Поторопись, мы опаздываем на сеанс». Поэтому мне не покупали мороженое и даже газводы, хотя я сильно просил.

Но мы опаздывали и почти бежали через парк, мимо всяких аттракционов – каруселей, Чертова колеса... Я никогда не катался еще на Чертовом колесе, потому что мне мало лет. Но мне очень хотелось, хоть и было страшно...

И мы все равно опоздали. Немножко совсем – журнал начался.

Журнал – это перед «сеансом», как папа говорил, показывали неинтересное кино для взрослых, непонятное...

Маленькие сине-зеленые билетки.

Папа отдал их тетке-контролерше на входе, и она их так – хрясть – надорвала, она была злая, что мы опаздываем, и вернула папе.

Мы пошли по фойе, где на стенках висели артисты в рамках – большие фотографии.

Мы вошли в зал. Большой зал, там было темно, и мы потихоньку пробрались на свои места.

Я смотрел на экран – он был такой огромный. Я уже был в «Космосе» с бабушкой и смотрел детское кино про желтый чемоданчик и волшебные конфеты, но все равно – это было здорово – такой большой экран, такие огромные лица – глаза, носы, рты...

Мы сели на свои места, на деревянные стулья, у которых откидывались сиденья, близко к экрану – в пятом ряду. Или в шестом. Близко. А стулья – жесткие.

И там еще немножко был журнал, а потом началось кино.

Я не люблю это их индийское кино.

Я его видел один раз. Про Гиту и Зиту. Такое кино, не помню, как называлось, и мало вообще помню, потому что тогда мне было совсем мало лет, пять, что ли.

Помню яркие и цветные пятна... а еще танцы и песни. Мне было скучно, а папе и маме почему-то нравилось. Непонятно.

Мне нравилось – когда драки. Дыш-дыш-дыш-дыш! (*Показывает.*)

Здоровско!

А потом опять эти их песни и танцы, и длинные такие. А голоса у них... (*Изображает.*) Смешные!

Там значит так – эти тетеньки Гита и Зита. Их так звать – Гита и Зита, они сестры потому что...

Как папа про них говорил... такое слово... корп... корпу... «корпулентные»... Фиг знает, что значит.

А в этом кинотеатре, которое мы пришли посмотреть, там было другое...

Там были слоны!

Большие! Красивые! Слоны! Индийские!

А еще дяденька, который все время с этими слонами... Ну, он всегда чего-то там с ними... Такой он... И он был хороший. Потому что он любил слонов.

Он любил слонов.

И слоны его любили тоже.

А он с ними разговаривал и вообще там...

А был еще слон один... Он был такой... самый красивый и самый главный, самый сильный, самый умный... Самый-самый! Он

был потому что белый. Он поднимал такие здоровенные бревна! И он этого дяденьку любил больше всех, и дяденька тоже его любил больше всех. Они были друзья. Самые-самые!..

И мне пока все в кинe нравилось, потому что понятно, и слоны потому что... И танцев всяких с песнями мало.

Но там еще были всякие плохие...

Такие противные гады. Они злые. И сволочи. Сволочи и гады. И козлы еще! И они это... Они все время хорошему дяденьке делали так... плохое... Потому что они дрались. Плохих – больше, много, а хороший – один всегда был. А зато он все равно их побеждал всегда. Он же хороший! Правильно!

Только слон ему помогал один. Белый слон. Красивый. Большой.

И вот там... потом... в одном месте там... в середине... когда...

Мне стало страшно.

Очень страшно.

Один... Самый-самый плохой... Козел такой... У него было ружье. И он хотел убить – того дяденьку, который хороший...

Я все-все помню!

И он нацелился на него так... из ружья... а он дрался там с другими... а он так смеется так и –

из ружья

и –

Бац!

...он стреляет стреляет из этого стреляет ружья стреляет прямо стреляет в того стреляет а тот не видит стреляет он же дерется стреляет близко стреляет убьет стреляет оглянись стреляет пожалуйста стреляет я не хочу стреляет мне страшно стреляет мне страшно страшно страшно...

Бац!

Бац!

Бац!

Пауза.

А слон – друг – большой, красивый, сильный, добрый – белый слон – кинулся – а он же большой – загородил – человека – всем собой – загородил – дяденьку – заслонил...

Слон – заслонил.

Ясно вам, почему – «заслонить»?!

Заслонить – это когда – вот так...

Ведь он же специально – чтобы спасти человека!

Своего друга!
 И затрубил хоботом, чтобы тот оглянулся.
 И он оглянулся. Увидел, что друг его заслонил. И спас.
 Потому что человек был его друг и он его любил и он его тоже
 чтобы остался живой закрыл спас – защитил заслонил собой...

Пауза.

А тот уже выстрелил же из ружья...
 И пуля... пуля... она –
 прямо –
 в слона!
 Белый слон... и кровь так... как фонтанчик в школе из кото-
 рого пить...

Только красный. Красный фонтанчик и кровь льется, льется из
 него, не останавливается. Белый слон. Красная кровь. Белый слон.
 Красная кровь.

Слон упал. И стал умирать.
 Как раненый человек... как... он так умирал, как человек...
 А человек, его друг, зажимал ладонями рану-фонтанчик, обни-
 мал его, целовал, плакал, просил, чтобы тот не умирал, чтобы не
 умирал, пожалуйста, страшно, больно, чтоб не умирал!
 Потому что он его любил! Он его любил!..

Маленькая пауза.

я сидел в жестком деревянном кресле, в темном зале кинотеат-
 ра, и не мог пошелохнуться, как парализованный, и мне было так
 больно и страшно, страшно и больно, страшно-больно...

потому что я боялся, что слон умрет!

я не хотел!!

я любил!!!

Мне было так... Страшно. Как никогда потом.

Я не хотел, чтобы он умирал, я не хотел, чтобы он умер! Чтобы
 красное на белом... Чтобы красный фонтанчик, который все не
 переставал...

Кровь затекала в складки, глубокие складки на его коже...

Слон обнял хоботом человека, который рыдал от горя. Он его
 утешал. Он не хотел, чтобы человек плакал.

Короткая пауза.

Слон умер.

Закрыв глаза. И из-под века выкатилась слеза и потекла по его шкуре.

Чистая... смешалась с кровью... в складках...

Я закричал.

Громко. Отчаянно.

Я не мог тогда больше терпеть!

Я кричал и кричал, кричал и кричал, кричал и кричал, кричал и кричал!

Кричал и кричал!

Рыдал навзрыд, ревел, рычал и продолжал кричать и рыдать и реветь и скулить как подраненный, будто я умираю, когда родители отрывали меня от кресла, в которое я намертво врос, вцепился, и ногти оставляли следы на краске деревянных кресел, когда они отдирали меня, выкорчевывали, когда выволакивали в фойе, на улицу, я продолжал выть, вопить, голосить на скамейке в Парке, и никак не мог, не мог остановиться, ревел и скулил, как раненный, будто сейчас умру, и родители не могли ничего со мной сделать, не могли успокоить меня, они растерялись и смотрели, как я корчусь криком, и проходящие мимо прохожие вздрагивали и замирали от моего истеричного крика.

Я обессилел, мне не хватало воздуха, чтобы кричать, и горло драло, а лицо сводило судорога, и рыдать я уже не мог, слез не было больше и только трясся, как будто замерз, а внутри была пустота – огромная и страшная, которая пульсировала и клокотала, и не было ничего в мире, что могло бы унять эту страшную дрожь пустоты внутри меня!

Ничто в мире...

Потому что он умер! Умер!

Перед глазами снова прокручивалось – медленно и от этого еще более жутко – как из ружья вылетает огонь, как огромная белая красивая живая гора – заслонив человека – падает, как бьет яркая красно-алая струйка из раны – фонтанчик – красное на белом, как беспомощно человеческие руки пытаются его закрыть, зажать, как слон прощально обхватывает его своим хоботом – так нежно-нежно, как закрываются большие, ласковые, добрые, мудрые глаза, а из-под века выкатывается большая, прозрачная, как горный хрусталь, чистая слеза...

И слон умирает.

Умирает.

Я – кричу.

Пауза.

Этот кошмар долго преследовал меня.

Прямо среди ночи я просыпался и кричал, скулил и корежился в рыданиях, потому что во сне я все видел вновь.

Или вдруг днем в воздухе сгущалась страшное видение – такое яркое, такое реальное: красное на белом....

Я кричал.

Я наклонялся к питьевому фонтанчику в школе на перемене и – красно-алая струя била из раны...

Я кричал.

Я вот хотел еще сказать... потому что я про это думал, что у всех должен быть слон... белый слон, который тебя заслонит и спасет, и защитит... У всех...

Я хотел, чтобы у меня был...

А еще... Не знаю... Что-то еще я про это думал тоже... Не помню...

Я лежал на кровати, уткнувшись лицом в ворс ковра у стены, как в звериную шкуру, чтобы не видеть, как из черно-красных узоров вылезают хоботы и змеи. Я опять кричал и забивался глубоко под кровать, откуда меня невозможно было вытащить, и лежал там часами.

И мне казалось, что я – мертвый слон в тесной могиле.

Мне было страшно.

Я заболел.

Родители почему-то перестали любить индийские фильмы.

Меня водили к врачу, который тоже постукивал меня по коленкам своим блестящим молоточком с резиновыми набалдашниками, таким, как у вас... и так же откручивал у своего молоточка ручку, да-да, где вы берете такие молоточки, а?... они в специальных врачебных магазинах продаются, да?... А мне можно будет потом его подержать?

А в ручке ведь иголки там такие, да? Я знаю! Вы тоже меня будете иголочками укалывать?

Не больно!

Мне потом давали таблеточки. Разноцветные такие. И ставили уколы, а еще всякие процедуры, ванны с пузырьками, от которых щекотно, я не ходил в школу долго, а жил в больнице с мамой, а дяденька врач качал у меня перед лицом, перед глазами блестящим таким кружком.

Мне хотелось спать.

Я выздоровел, да. И забыл про все. Совсем-совсем. Я выздоровел потому что!

Бабушка водила меня в зоопарк. Он приехал в город, и мы пошли с ней туда. Там был слон. Он был такой маленький. Потому что африканский и невзрослый. Мне не понравилось. Зоопарк этот не понравился. Потому что там был запах... такой... воню-

чий... противный. Говном воняло. А звери – в клетках все. И слон – тоже. Только у него клетка без крышки.

...И я долго-долго, всю жизнь не вспоминал про это, все это, про в кино как ходили, про слона в кинe, эту историю... не помнил всю жизнь...

А потом... «В мире животных»... не знаю... или что-то?.. и...

...я опять кричал и кричал, кричал и кричал, кричал и кричал, и выл, и ревел, и рыдал, и скулил, и страшно и внутри все разрывалось от пустоты – как тогда – и я снова орал и корчился долго до хрипоты и воздуха не хватало и горло высохло от крика а слез больше не было их вообще никогда больше не было я выплакал их все тогда и остался только один крик без голоса и я умирал от невидимых ран и умер бы если бы меня не привезли сюда, не поставили укольчик, только не привязывайте меня больше к кровати этими уродливыми кожаными ремнями, от которых пахнет мертвым потом зверя, потому что мне страшно, когда я привязан и не могу шевелиться, словно меня убили, а мне хотелось в туалет, ссать, а привязанный я не могу встать, даже пошевелиться не могу, и я описался, обоссался... (*Хихикает.*)

А вы обещали мне дать подержать ваш молоточек!

А я знаю секрет. Хотите расскажу?

Все было понарошку!

Он не умер!

Не-а!

Это же в кино! А не в жизни! Поэтому! Все – понарошку. Не по-настоящему! Его не убили. Не-а!

Ведь правда? Да? Правда? Его не убили, нет? Скажите? Ну, скажите!! Пожалуйста!!!

Вы знаете, что значит за-слон-ить? За-слонить? Заслонить?! Знаете?

Fn.

"ГОРОД"

ПЬЕСЫ И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ

ВКУС ЖИЗНИ

МАЛЕНЬКАЯ ПЬЕСА

"ГОРОД" №17, 2007 г.

ОДИН. Ну, угадай! Что у меня там?!

Другой не отвечает.

ОДИН. Ну, что там у меня? А? Что у меня в левом кармане?!

ДРУГОЙ. Отстань, а!

ОДИН. Нет, угадывай! Давай, ну!!

ДРУГОЙ. Отвали!

ОДИН. Спорим – не угадаешь?!

ДРУГОЙ. Заманал, бля!

ОДИН. Ты просто не можешь... это угадать, что там у меня!
Спорим?!

ДРУГОЙ. Пузырь водки! Пузырь у тебя там водяры!

ОДИН. А вот и ни фига подобного! Ты – проспори́л. Ты мне проспори́л – пузырь водки! Понял? Потому что там у меня...

ДРУГОЙ. Шоколадка, блин!

ОДИН. Правильно! Но все равно... Все равно ты – проспори́л!

ДРУГОЙ. Вот почему всегда происходит эта херня?..

ОДИН. Что ты на спор проигрываешь? Я тебе скажу – почему. Потому что ты – невезучий неудачник. А спорим, что ты ни в жизнь не угадаешь... что это за шоколадка?

ДРУГОЙ. Почему ты все время покупаешь эту хрень, блин!

ОДИН. Вот, давай, спорим – не угадаешь?!

ДРУГОЙ. Ты меня за... колебал, блин своим, блин, шоу! Я тут тебе кто – слабое звено? Мы во что, в «Поле чудес» тут будем играть, на хер, или будем водку пить, как люди?!

ОДИН. Никогда в жизни – не угадаешь! Ни за что!

ДРУГОЙ. Блядь! Там у тебя шоколадка шоколадной фабрики «Россия», город Самара. С тертыми орехами и печеньем. Называется – «Приключение»! Так?!

Пауза.

ОДИН. Откуда... ты знаешь?

ДРУГОЙ. А водка у тебя в кармане – «Русская». Сызранского ликероводочного завода.

Небольшая пауза.

ДРУГОЙ. Хотя на самом деле – это паленая чеченская водка. Наливай!

Короткая пауза.

ДРУГОЙ. Почему ты, блин, всегда, вот который раз уже бегаешь?... всегда покупаешь водку и эту долбанную шоколадку?! Шоколадку – к водке?! А?! Где тебя, блин, учили в каком таком сраном колледже или каблuxe, может, кулинарной – что водку – шоколадом закусывают? Вот какой еще мудака, кроме тебя, водку шоколадкой заедает?! Скажи мне?!

Пауза.

ДРУГОЙ. Водку закусывают грибами солеными и маринованными, огурцами опять же, помидорами консервированными, перцем болгарским из банки... селедкой соленой, балыком осетринным... этой... как ее?... шпротами на ломтике хлеба черного... или еще – салом тонкими такими кусочками порезанным... окорочком копченым, грудинкой, буженинкой... салями там всякими... или овощами свежими... лето когда... ну, еще аджиками и хреновинами разными...

ОДИН. Все?

ДРУГОЙ. Нет, еще горячие закуски есть.

Пауза.

ДРУГОЙ. Почему, ты можешь мне объяснить, шоколадка, блин?!

Короткая пауза.

ДРУГОЙ. Почему ты не сырок плавленый покупаешь? Не холодец государственный?! Не колбасу вареную?! Не кусок хлеба?!..

Короткая пауза.

ДРУГОЙ. Есть этому вообще какое-нибудь разумное объяснение?

ОДИН (не сразу). А ты что, шоколад не любишь?

ДРУГОЙ. Не-а. У меня изжога от него.

ОДИН. А что ты любишь тогда?

ДРУГОЙ. Водку!.. И никакая она не горькая! Ясно?! Она – нормальная!.. Не паленая если. Вкусная. Она... чистая как роса, прозрачная как хрусталь, крепкая как это... ну ясно короче. И башка от нее утром не раскалывается. А вот цветное ничего не могу пить. Коньяк там, вино – ни фига! Если цвет какой-нибудь – все, организм не принимает, отказывается. Только – водку. Прозрачная чтобы, чистая... И я когда пью, сам типа очищаюсь, понимаешь? Сам становлюсь чище, лучше, добрей, блядь!.. Я не закусьваю почти никогда, чтобы не замутить... И с каждым вот глотком делаешься просветленнее... До полной ясности в сознании, до прозрачности...

ОДИН. А потом – темнота.

ДРУГОЙ. Потом – свет! Яркий!.. Ослепительный!..

ОДИН. А потом все равно темнота...

Пауза.

ДРУГОЙ. Я раньше этикетки собирал водочные. Отмачивал бутылки когда, чтоб сдавать идти, они отклеивались, я их на батарее сушил. А на обратной стороне писал: вышито тогда-то тогда-то с такими-то такими-то. Потом смотришь, читаешь – интересно. Вспоминается...

ОДИН. Иной раз лучше не вспоминать.

ДРУГОЙ. Точно! Я почему и бросил с этикетками... А вообще, на водочных этикетках большой смысл зашифрован, там не просто тебе информация, там код тайный, там все символы, между прочим, как у евреев, короче, там тоже... Каждая буква свое значение имеет... это... сокровенное... И, короче, если их прочитать... Правильно прочитать если... то тогда – все!.. Сможешь воду в водку превращать. Как Христос умел. Точно! Вот простую там воду из-под крана. Не хлорированную только. Хлорированную – нет, а простую – легко...

Пауза.

ДРУГОЙ. Водка вообще в человеческой жизни решающий, можно сказать, фактор, а ты ее этой сладкой гадостью заедаешь! Чистоту ее оскверняешь!

Короткая пауза.

ДРУГОЙ. Тебе что, в детстве сластей не хватало? Трудное детство? Деревянные игрушки, прибитые к полу?

ОДИН. Заткнись, а! Тоже мне Эрик Фромм, твою мать.

ДРУГОЙ. Нет, ты уж скажи, объясни!.. А то я тебе все оставшиеся зубы выбью! Понял?! Серьезно.

Пауза.

Ну?!!

ОДИН. Жан Этьен Лиотар.

ДРУГОЙ. А?

ОДИН. Жан Этьен Лиотар. 1702 – 1789. «Шоколадница». Французская школа.

ДРУГОЙ. Не въехал!

ОДИН. Ты не поймешь.

ДРУГОЙ. Не зли меня! Ты меня и так уже довел!

Пауза.

Ну?!!

ОДИН. Жан Этьен Лиотар. «Шоколадница». Французская школа. Картина такая. «Шоколадница». На ней такая... Тетка такая. Типа женщина. В чепчике. У нее поднос. На подносе чашка. В чашке – шоколад. Горячий. Ясно?

ДРУГОЙ. Не-а. Пасмурно!

ОДИН. Я же говорил.

ДРУГОЙ. Убью!

ОДИН. Тихо! Ладно! Успокойся только! Корочеч... Баба в чепчике с подносом. Шоколад у нее в чашке.

ДРУГОЙ. Ну, чего дальше?

ОДИН. Вопрос. Кому она его несет?

Пауза.

ДРУГОЙ. Ну?

ОДИН. Антилопа Гну! Повторяю вопрос. Кому она его несет?

ДРУГОЙ. Блядь! Ты опять эти игры начинаешь? Ты – Галкин?! Или, блядь, Якубович?! Что-где-когда тебе тут?! Урою сейчас!

ОДИН. Тихо ты. Что ты нервный какой? Может, тебе пить вредно?

ДРУГОЙ. Все! Ты меня достал!..

ОДИН. Нет, ты просто подумай и скажи: кому она его несет? Тетка в чепчике – шоколад в чашке?

Маленькая пауза.

ДРУГОЙ. Блин! А я знаю? Хрен ее знает!

ОДИН. Вот.

ДРУГОЙ. Что, блин, «вот»?!! Что – «вот»?!!

ОДИН. А я знаю – кому!

ДРУГОЙ. И – кому?!

Пауза.

ДРУГОЙ. Кому?!

ОДИН. Мне.

Продолжительная пауза.

ДРУГОЙ. Кому?

ОДИН. Мне.

ДРУГОЙ. Эта тетка с картинки? С подносом... шоколадка в чашке это... Тебе?!

ОДИН. Мне.

ДРУГОЙ. Тебе?

ОДИН. Мне.

Пауза.

ОДИН. Всякий раз, когда я делаю глоток водки, горькой как слезы сирот, обжигающий мои губы, как последний поцелуй, мою гортань – как последний вздох... я отламываю кусочек шоколада и кладу на язык... он тает там, тает, становится теплым, мягким, течет по языку... горечь превращается в сладость...

ДРУГОЙ. А баба тут причем? В чепчике?

ОДИН. ...я закрываю глаза и вижу ее... как она идет по крутой винтовой лестнице в старых туфлях на каблуках и ступеньки скрипят под ее каблуками, и каждая издает свой собственный звук, и фарфоровая чашка с блюдцем подрагивают и позвякивают, как китайские колокольчики... а еще дождь барабанит по черепичной крыше, и ее накрахмаленный фартук шуршит громко, и платье, и шелковые юбки под ним, шелестят так... А я лежу в комнате с лепным потолком, расписанным мифологическими сюжетами, на огромной такой кровати с резной спинкой из орехового дерева, под мягким, теплым одеялом, и мне шесть лет. И я слушаю ее шаги... и все другие звуки, которые сливаются, соединяются в такую странную, такую дивную мелодию...

ДРУГОЙ. Ясно. Ты спятил.

ОДИН. Это было на самом деле.

ДРУГОЙ. Что?

ОДИН. Все. Лестница, комната, кровать, я... тетка в чепчике. Я помню. Когда увидел картину эту... мне было тогда лет шесть... я с ангиной лежал с температурой высокой... на открытке увидел – сразу все вспомнил. И вкус шоколада... горячего... горько-сладкий вкус... Вот когда водку шоколадкой закусываешь – похоже. Вкус жизни... Горько-сладкий.

Пауза.

ДРУГОЙ. Короче. В следующий раз в ларек сам пойду.

Пауза.

Я вот знаешь, чего бы хотел? Чтоб на какой-нибудь водке, на этикетке – был бы я... Фотография моя... Чтобы была водка в мою честь. Чтоб не на памятнике железном... а на бутылке водки... Чтобы люди пили и радовались... Потом «пушнину», тару сдавали – и тоже – радовались... И я – на этикетке!

ОДИН. Я когда выпиваю, хорошо так когда... – тоже вспоминается все... ясно так...

Маленькая пауза.

ОДИН. А знаешь, – ты хороший мужик, оказывается!

ДРУГОЙ. Ты – тоже, это... вот так все это сейчас сказал... ну, про бабу с подносом...

ОДИН. В чепчике!

ДРУГОЙ. Да. В чепчике. Как она там по лестнице... как ты там лежишь... Я, прям, увидел... как в кино....

ОДИН. Потому что так и было все! Я помню...

ДРУГОЙ. Нет, я тебя уважаю!

ОДИН. Давай выпьем?

ДРУГОЙ. Хорошо сказал!

ОДИН. Ты попробуй – закуси шоколадкой! Если ты мне друг – закуси! Ты поймешь! Почувствуешь! Ощутишь! Вкус... Горький сначала, потом – сладкий, и все вместе.... И горький, и сладкий... вкус жизни...

ДРУГОЙ. Наливай еще!

Они продолжают разговаривать, не замечая, как мимо них проходит Шоколадница с картины Жана Этьена Лиотара. Она

несет поднос, на котором мелодично, как китайские колокольчики, позвякивает фарфоровая чашка горячего шоколада на блюде, стакан воды и бутылка водки.

Она уходит со своим подносом, а они остаются... Они уснули... Или, может быть, умерли, отравившись ядовитой чеченской водкой?

Но все равно, им обоим снится Шоколадница, которая только что прошла мимо, и на подносе у нее позвякивает чашка шоколада и бутылка водки, на этикетке которой – они все вместе, втроем с Шоколадницей позируют Жану Этьену Лиотару для новой картины, которой суждено стать этикеткой нового сорта водки со вкусом шоколада... горько-сладким вкусом... с названием – «ВКУС ЖИЗНИ».

Fin.

СВЯТАЯ БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ
ПЕТЕРБУРГСКАЯ В ЖИТИИ

ПЬЕСА В КЛЕЙМАХ*

ДЕЙСТВУЮТ:

КСЕНИЯ
ЛИК — ХОР

*Днесь светло ликует град святого Петра,
яко множество скорбящих обретают утешение,
на Твоя молитвы надеющиеся,
Ксение всеблаженная,
Ты бо еси граду сему похвала и утешение.
Кондак, Глас третий.*

Пролог

- А говорят, прямо перед войной ее видели...
- В блокаду тоже...
- В сорок втором году у меня все померли. Последний – сынок. Рома. Вот тогда я ее видела...
- Живую?
- Как тебя. Холодно, снег. Я Ромку на санках везу мертвого... хоронить...
- Тогда и не хоронили. Так просто на улицу труп вытащат и в сугроб...
- Было, да...
- Я хотела, чтоб как положено. По-христиански. Похоронить... Тельце – маленькое – пять лет, да и иссохло совсем, а у меня сил нету. Упала в сугроб, лежу. Думаю: вот и моя смерть пришла... Сирены воют. Тревога воздушная...
- Ужасы какие вы рассказываете...
- Да и хуже бывало. Людей ели в сорок втором-то году!
- ...и ко мне склоняется женщина. «Вставай!», – говорит. Я ей: «Нету мочи! Умереть хочу». Уже взрывы где-то недалеко ухают. Она: «Не срок тебе. Вставай! На другую только сторону улицы перейдем!»
- Это она была?
- Она?
- И силком, волоком почти, меня на другую сторону улицы... А я санки с Ромкой не отпускаю...
- А как вы узнали ее?
- И только мы перешли, в то место, где стояли – бомба немецкая!..

- Вот ведь как бывает!
- Она меня спасла тогда...
- Я тоже слышал вроде того историю...
- А почему думаете, что это она? Может, просто?..
- А кто ж еще?
- Ну, мало ли! Может, случайный человек какой?
- Нет. Она это. Точно. Кому еще до нас дело есть?

КЛЕЙМО «СМЕРТЬ»

КСЕНИЯ. Андрей Федорович! Андрей Федорович! Слышь? Что ты?! Вставай, Андрей Федорович! Проснись! Пробудись скорее! Вон люди тут! Пришли, ходят... Что они пришли? Зачем? Чего им? А ты почиваешь! Вставай, Андрей Федорович! Недосуг спать! Слышишь, а? Не досуг, батюшка мой! Нельзя, сокол мой ясный, не хорошо! Вставай, родной, что ты, подымайся! Свет мой ясный! Душа моя! Что ты?

- Ишь как... Да...
- Ксеньюшка, бедная ты моя...

КСЕНИЯ. Почто же он спит, матушка – не шелохнется? Андрей Федорович! Вставай! Нехорошо! Люди!.. Проснись!

- Вроде как не уразумеет, а?

КСЕНИЯ. Андрей Федорович! А, Андрей Федорович!? Что же ты?

- Ксеньюшка!.. Борони Господи!

КСЕНИЯ. Отчего же он спит? Ровно покойник! Не вздохнёт! Андрей Федорович! Свет мой! Разве можно на закате спать?..

- Ишь ты, штука какая... Помутнение в голове... Из ума вышла...

КСЕНИЯ. Андрей Федорович! Вставай, ради Христа! Проснись, соколик!

- Ну, милая, ну, будет... Будет!..

КСЕНИЯ. Почто он не вздохнёт, матушка? Почто спит так беспробудно? Андрей Федорович! Вставай, родимый! На закате спать не хорошо. Люди тут. Зачем – люди?..

- Ах, горе-то!

КСЕНИЯ. Матушка, плохо ведь это – на закате спать...

- Одно плохо, милая...

КСЕНИЯ. Что? Что?

- Без покаяния, касатка, муж твой преставился!.. (Крестится.)

Пауза.

КСЕНИЯ. Что ты говоришь такое, матушка?

– Ты, Ксеньюшка, лучше поплачь. Слезы-то они душу омоют. Может, полегчает... Ах, горе-то!

– Да не в себе она. Не понимает. Не в разуме.

КСЕНИЯ. Что ты говоришь, матушка?! Что ты говоришь?!

– Да уж что теперь...

КСЕНИЯ. Андрей Федорович! Андрей Федорович! Очнись! Опомнись! Вставай! Слышишь, батюшка, свет мой ясный, сокол мой!

– Будет, Ксеньюшка, будет...

КСЕНИЯ. Преставился?! Андрей Федорович! Как же это?! Господи?!

– Ах, горе-то!

– Да-а...

КСЕНИЯ. Как же? Андрей Федорович! Умер?!

– Помер, как есть. Наперед смурый весь сделался, потом белей белья стал. Посля колоколец в горле заиграл, а там – и пар вон!

Ксения падает без чувств. Пауза. Все бросаются к ней, уstraивают на постели.

– Вот, горе-то!.. Уж как они жили, как голубь с голубицей! Как он ее любил-то, как лелеял, как княгиню ее почитал, пылинке не давал сесть, она за ним как у Христа за пазушкой пребывала. И она тож души в нем не чаяла... Ах, горе!.. Уж как счастливо жили... как два голубка, истинно! Чем Бога прогневили?

– А она не того... Рук на себя не наложит?

– Типун тебе на язык!

– Без покаяния помер Андрей-то Федорович!.. Вот где – беда, вот горе-то. Матушка Владычица, Царица Небесная, заступись за раба грешного Андрея Федорыча Петрова...

КСЕНИЯ (*слабо*). Андрей Федорович...

Пауза.

Ой, матушка, такой мне сон привиделся... Будто Андрей Федорович... Вымолвить страшно...

Пауза.

Ради Христа, скажите мне!.. Он... Андрей Федорович проснулся?..

– Эх ма! Смотреть больно на такое дело... Без ветру качается...

– Это, Ксения, не сон... а явь.

– Надо, Ксеньюшка терпеть... Его Бог взял... Все мы под Богом ходим...

– И в смерти и в животе – един Бог волен.

– Истинно так. Бог души не вынет, сама душа не выйдет.

Пауза.

– Ты лучше помолилась бы за душу мужа своего. А то... ведь грех-то какой – без христианского приготовления опочил Андрей-то Федорович...

– А когда вот эдак-то без... покаяния, стало быть, человек помирает... что тогда делается?

– А то и делается, сударь мой, что нету ему Царствия Небесного!

– Да ну?!.

– Господи помилуй! (*Крестится.*) Жалости подобно!

– Вот так-то!

– Это вот да... Не приведи Бог никому так вот помереть! (*Крестится.*)

КСЕНИЯ (*стенает*). Андре-е-ей Федоро-о-ович! Андрюша-а-а-а!!

– Заголосила, касатка! Слава тебе, Господи! Теперь, значит, ничего...

– Опамятовалась?

КСЕНИЯ. Сокол мой ясный! Свет ты мой ненаглядный! На кого ты меня покинул?

– Теперь – отойдет... Белугой повоет и ничего...

КСЕНИЯ. Андре-е-ей Федоро-о-ович! Андрюшенька-а-а-а-а!! Как же я теперь без тебя одна буду-у-у!!!

– Это хорошо... Ты, ничего, Ксеньюшка, повой, повой, полегчает! Поплачь. Покричи. Сердце-то и отойдет, помягчает. А то разве можно такую муку в себе держать!

– Да. Я, было, думал, что у нее в голове тёмно сделалось... Как она с покойником-то разговаривала. Подымала его... Не в своем разуме...

– Отойдет теперь. Покричит, поплачет... Ничего...

– Одно плохо...

КСЕНИЯ. Андре-е-ей Федоро-о-ович!

Клеймо «ПРЕОБРАЖЕНИЕ»

– А где Ксеньюшка? Выносить пора...

– Не видал.

– Уж как она убивалась, сердечная, как голосила... Насилу успокоили... Это я, говорит, должна была в гроб пойти, а не он...

– Грех, Господи, какой – без покаяния...

– Полно тебе язык бить! Заталдычила одно! Талда! Что теперь – не хоронить его, что ли?!

– Где же Ксеньюшка-то? Пора уж...

- Да вот она. Гляди...
- Батюшки-святые!

Входит Ксения. На ней камзол, кафтан, штаны и картуз ее покойного мужа.

КСЕНИЯ. Зачем вы пришли сюда, добрые люди?

– А?.. Как это?..

– Что ты? Что ты, милая? Что с тобой?

КСЕНИЯ. Что со мною-то станется? Со мной все, слава Богу, благополучно.

– Ах, грех...

– Мы как есть тут... (*покашляв*) пришли проводить... по христианскому обычаю попрощаться, стало быть... Потому как скончался муж твой... Преставился...

– Пора выносить...

КСЕНИЯ. Кто скончался?

– А?.. Как?.. Так муж твой, Андрей Федорович, преставился...

КСЕНИЯ. Андрей Федорович? Он не умер.

– Что ты? Что ты, голубка? Что ты такое говоришь... Господь с тобой!

КСЕНИЯ. Андрей Федорович не умер.

– При покойнике! Срам! Грех-то какой!

– Что ты, что ты, Ксеньюшка, голубушка! Вот же он во гробе лежит! Что ты!

– Вишь ты как! Разум у ней пошатнулся...

КСЕНИЯ (*улыбается*). Нет. Андрей Федорович не умер. Но воплотился в меня, Ксению, которая давно умерла.

Пауза.

– Господи, помилуй! Грех-то какой!

– В уме повредилась баба. От горя.

– Матушка-заступница... Беда... Вот горе... Выносить ведь пора...

– Ксеньюшка, детонька!..

КСЕНИЯ. Не зовите меня больше Ксеньей, но зовите меня Андреем Федоровичем.

КЛЕЙМО «ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТОРОНА»

Двое подвыпивших Прохожих идут, пошатываясь, поддерживая друг дружку, один все время пытается запеть, но всегда сбивается.

– Эй! Ты кто?!

КСЕНИЯ. Я? Божья тварь.

– Ты откуда тут?

КСЕНИЯ. Я всегда тут был.

– Так ты кто такой есть? А?!

КСЕНИЯ. Я есть певчий хора ея Императорского Величества Елисаветы Петровны полковник Андрей, сын Федоров Петров!

– Это ж баба – гляди!

– Пьяная, что ли?

– Дура! Поди сюда, мы тебя приголубим, приласкаем!

– Погоди...

– Да ты не бойся! Мы – добрые, мы не обидим зазря... Не-взначай ежели...

КСЕНИЯ. Идите себе с Богом, добрые люди.

– Да. Точно, я и говорю, что мы – добрые! Правда, Митяй! Мы добрые, ласковые, ага... Ты погоди, поди сюда...

– Ты чего так вырядилась, а?

– Нет, погодь, как, слышь, тебя зовут-величают?

КСЕНИЯ. Андреем Федоровичем.

– Так ты баба или кто?..

– А у тебя глаз, что ль, нет, или они на затылке у тебя? Баба!

– А чего она тогда одета так, как мужик, как солдат?

– А почто монаси в бабьей одеже ходят?

– Эй, слышь, ты нам давай ответь! Кто ты есть? Мужеска пола, али девица?

– Чего ты спрашиваешь? Ты проверь, проверь!

КСЕНИЯ. Я уже говорил...

– Еще скажи, чай язык не отвалится, не отсохнет!

– Ты сам проверь! Давай, а не то я могу!

КСЕНИЯ. Я есмь человек, Божья тварь. А вы, гляжу, под турахом! Ну и ступайте себе с миром, амо шли.

– Не... Мне туда чтой-то расхотелось. Мне с тобой прогулять-ся охота... вон до тех кустов... А?

– Погодь, Вася, не балуй...

– Больно мне твой кафтан глянется!.. Худой только шибко... Вона в прорехи весь срам видать...

КСЕНИЯ. А у тебя, сокол, срам и без прорех видать. Он у тебя из нутра твоего лезет... через язык твой поганый. Тебе его надо оторвать, да собакам выбросить. А совесть у тебя – калмык съел.

– Это ты... это! Я тебя сейчас!.. Я тебе покажу!

– Эх она тебя, Васька, отбрила!.. Ловко!

– Я сейчас ей тоже... Я ее поучу маленько... Бока отсочу!..

КСЕНИЯ. Ой, скосырь какой! Копоти нагнал!

– Ах ты, шельма блядовитая! (*Хватает Ксению за рукав кафтана, тот трещит.*)

КСЕНИЯ. Пусти! Содомит! Арнаут!

– Не трогай ее, Васька! Слышь?! Она блажная!

– Не лезь, Митяй! Щас проверим, кто она есть! (*Толкает Ксению, она падает.*)

– Сучий огрызок! (*Оттаскивает Василия.*) Не трожь ее, скот набитый, говорено тебе!

Ксения подымается.

– Иди на хуй! (*Василий резко и сильно несколько раз бьет Митяя под дых и по голове, тот падает, лежит ничком неподвижно.*) Не хочишь есть, так другим обедню не порти! (*Ксении.*) Что глядишь, блядь? Потешить тебя, порадовать? По-доброму хочишь, аль как? (*Рвет на Ксении рубаху.*) Тебе по-плохому, стал быть, ндравиться, да?!

Короткая пауза. Ксения неподвижна, замерла, не отрываясь смотрит на Василия.

Что глядишь? Ндравлюсь?.. Эй!.. Чего ты вылупилась?! Отворотись! Ну!.. Не гляди на меня!.. Не гляди на меня!!! Тьфу! Блядь! Ведьма! (*Отворачивается, закрывается рукой от ее взгляда, убегает прочь.*)

Ксения склоняется над лежащим Митяем.

Клеймо «**КОЛОКОЛЬНЫЕ ДВОРЯНЕ**»

Возле церкви апостола Матфея на Петербургской стороне. Важно шествует о. Паисий с Попадьей.

КСЕНИЯ. Дяденька, а, дяденька, дай денежку!

о. ПАИСИЙ. Иди с миром, блаженная! Какой я тебе дяденька? Не видишь, что я духовного звания?

КСЕНИЯ. А я Андрей Федорович, певчий хора Ея Императорского Величества Елисаветы Петровны. Дай мне копеечку!

о. ПАИСИЙ. Ну, поди, поди от меня, нечего тут...

КСЕНИЯ. Дай мне копеечку, Божий слуга! У тебя много божьих денег. Дай Андрею Федоровичу денежку.

о. ПАИСИЙ. Пошла прочь! Не вводи во грех!

КСЕНИЯ. А тебя, дяденька, во грех вводить нечего. Ты во грехе, аки в дегте весь целиком. Ты ж и в пост скоромишься –

блины с маслом да баранью лопатку кушаешь, к попадъей своей под подол лезешь и на стороне блудишь, мздоимствуешь...

о. ПАИСИЙ. Ты что?.. Что городишь?!

КСЕНИЯ. Бог, дяденька, не Микишка, у него своя книжка.

о. ПАИСИЙ. Ах ты, сатана, тьфу! Анафема этакая!

ПОПАДЬЯ. А ну, пошла отсюда, курва, дрянь, дура, побирушка, голь перекатная, рвань подзаборная...

КСЕНИЯ. А ты, матушка, зря серчаешь. У тебя тоже рыльце в пушку. Не блуди с дьяконом, да с регентом, да с певчими!

ПОПАДЬЯ. Да ты!.. Да я!.. Собака бешеная! Полоумная! Я тебя в каторгу, в батоги! В остроге сгниешь! В Сибирь тебя!..

КСЕНИЯ (*с поклоном*). И тебе Господь воздаст, матушка.

ПОПАДЬЯ (*о. Паисию*). Что ты стоишь, что бельма свои выпучил?

о. ПАИСИЙ. Она бесноватая!

КСЕНИЯ. Что ты, попадья, глазами-то порскаешь? У тебя, чай, рожу решетом не накроешь!

ПОПАДЬЯ. Бегите на съезжий двор! Околоточного зови! Ярыгу какого! (*Кричит, причитает.*) Люди добрые, помогите!

Вокруг них собралась небольшая толпа.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Помогайте, люди добрые! Колокольных дворян забижают!

Смех.

Клеймо «Злыдни»

Петербургская сторона. Гурьба огольцов бежит по мостовой, гогоча, улюлюкая.

– Бесноватая! Бесноватая идет! (*Пронзительно свистят.*)

Появляется Ксения. Мальчишки окружают ее кольцом.

– Эй! Брат-Кондрат! Ты мужик али баба?

– Как тебя звать?

КСЕНИЯ. Андреем Федоровичем.

– А где жена твоя?

КСЕНИЯ. Ксеньюшка в могиле почивает.

– А есть у тебя чего промеж ног?

Все хохочут.

КСЕНИЯ. За хульные слова тебя черти горящими головешками припекут. Сковороду раскаленную языком лизать будешь.
– Ой-ой-ой! Страшно как! Гля, Клим со страху обоссался!
– Ондрей Федорыч! Ты – дура!
– Не! Она – дурак!
– Эй, Ондрей Федорыч, коли ты мужского званья покаж, есть у тя... елда?! (*Приспускает портки, хотя показать.*)

Мальчишки гогочут.

КСЕНИЯ. Зачем вы злые такие? Чего сделал вам?! Откуда в вас зла столько?!
– Ишь, взвилась как!
– Будто блоха укусила!
– Вертится, как береста на огне!
– Гля, щас она из своей кожи-то вылезет!
– Покажь, покажь бабью совесть!
КСЕНИЯ. За что вы меня так терзаете, как собаки какие?..

Останавливаются несколько прохожих.

КСЕНИЯ (*взвываясь*). Анчут вас возьми!! Чтоб вам глотку заклало! Чтоб глаза повылазили! Чтоб вас пристрело!
– Ишь, как щетину подняла!
– Она прибить может!
– Взбеленилась, как овца круговая!
– Тикаем!
КСЕНИЯ. Чтоб вам всем передавиться! Чтоб вас пятнало! Чтоб вам обороту не было! Чтоб вам поперек! Гноем всех загнои-и-и!!! (*Мечется, размахивая палкой.*)

Мальчишки в страхе рассыпаются как горох. Пауза. Прохожие мнутя, кто-то подходит к Ксении.

– Андрей Федорович, ты это... не серчай шибко!..
– Что с них взять – отроки неразумные. Не ведают, что творят.

КСЕНИЯ. Это не они... Это они вам вторят... То вы их устами глаголете...

Пауза.

КСЕНИЯ (*садится на землю, бормочет*). Бабий разум... покотился, покотился по полю... перекатился... Бабий разум – сла-

бый, а язык шершавый... Ворон летит – кругом глядит – падаль выглядывает – черную кровь... На море, на окояне, на полой поляне светит месяц на осинов кол... Волчица ходит, воеет, деток кликает – недокличется... Петух – прокричит три раза, а кричит – всего раз – чет и нечет... Медведь спит, а медведица бдит... деток баюкает: баю-баюшки-баю, колодушек надаю... Синё море, синё... а Христос – рыбка... Рыбка в окояне плывет, хвостиком вильнет... глубоко вода студёна... Сидит баба на печи, в печи щи простые совсем простыли... Бабий разум вздорный, а вран черный, арап черный и монах черный... Христос – голубь, а Богородице Дево – горлица... Баран на ворота, а заяц в лес... Цирлих-манирлих – сгинь-пропади!.. Волкодлацы Луну съедоша... Чижик-пыжик – птах на Фонтанку летал, водку алкал... Фома неверующий в руке Христу-Богу персты влагает – проверяет, в кулак свищет... Коровья смерть рыщет, всех ищет... Стоит рассоха, на рассохе бебен, на бебене махало, на махале зевало, на зевале чихало, на чихале мигало, на мигале остров, на острову звери... Сижу у Христа за пазушкой – не высовываюсь...

– Чего она толкует?

– Темна вода в облацех небесных!

Клеймо «**НА ПАПЕРТИ**»

Возле собора.

С трещоточным звуком деревянных колес катится безногий инвалид, отталкиваясь от мощной мостовой паперти деревяшками, похожими на утюги.

КСЕНИЯ. Ты как обезножил, бедожный?

ИНВАЛИД. Известное дело. На войне. С оттоманами, с туркой, стал быть! Я, брат, Хотин брал! Турка меня, вишь, укоротил.

КСЕНИЯ. Страсть какая!

ИНВАЛИД. Иной раз, слышь, сплю, а во сне – я целый весь – и ноги при мне! И акибы бегу я, бегу, да все по траве будто, а трава в росе – босой, и каждую былиночку, каждую травиночку под пятой своей чую!.. А как проснусь – ноги ломит – спасу нет!.. И вот ведь как – ног-то нету, а ломит, болит – страсть, акибы есть они. Вон как! Ну, мне грех жаловаться. Сколь народу турка-то положил! Страх! А я жив вот.

СЛЕПОЙ. Кто тут? Ты, что ли, полчеловек?

ИНВАЛИД. Ишь, остроглазый! Ты по голосу узнаешь?

СЛЕПОЙ. Я тебя по запаху чую. Русским духом от тебя – за версту слышать!

ИНВАЛИД. Притка лихая тебя возьми!

СЛЕПОЙ. Эх ты, толоконное брюхо! Что к шапошному разбору явился?

ИНВАЛИД. Не учи безногого хромать!

СЛЕПОЙ. А с тобой – кто?

ИНВАЛИД. Божья душа. Андрей Федорович тут.

СЛЕПОЙ. А! Вон как! Здравствовать желаю!

КСЕНИЯ. И тебе – здравствуй.

СЛЕПОЙ. А сделайте мне дружбу, сведите-ко меня, братцы, во питейный дом. Пива хочю. Вельми зело!

ИНВАЛИД. Аз пью квас, а увижу пиво – не пройду мимо! Тако, что ли, безокий?

СЛЕПОЙ. Родимец тебя расшиби!

КСЕНИЯ (*Слепому*). Чаю, разбогател ты?

СЛЕПОЙ. Что ж делать, то пусто, то густо, в другой день – хоть матушку репку пой, а нынче пятиалтынный Бог послал! (*Показывает монетку.*)

КСЕНИЯ. А как же ты денежки одну от другой различаешь?

СЛЕПОЙ. А на ошупь, во-первых. Я на каждой денежке все черточки чую и на зубок знаю. И по звуку еще. Копеечка упадет – словно колоколец ямщицкий звякнет. Гривенник – свой звук имеет, будто хрустальную рюмку серебряной вилкой невзначай задела...

ИНВАЛИД. Красно бает! (*Смеется.*) А двугривенный?

СЛЕПОЙ. Двугривенный тот обрат по-своему звучит – как две рюмки хрустальных меж собой чокнулись.

ИНВАЛИД. А пятиалтынный?

СЛЕПОЙ. Всякая денежка – свой глас подает. Даже и полполушки.

ИНВАЛИД. А рубль?

СЛЕПОЙ. Не слышал, врать не буду.

КСЕНИЯ. А вот! Послушай! (*Бросает монету.*)

Монетка падает, звякнув. Слепой шарит по мостовой, подбирает монету.

ИНВАЛИД. Ну, что скажешь? Какой у рубля глас?

СЛЕПОЙ. Малиновый. Будто к вечерне зазвонили!

ИНВАЛИД. Ишь как! Похоже... (*Смеется.*)

СЛЕПОЙ. Спаси тебя Христос, Андрей Федорович, облагодетельствовал!

ИНВАЛИД (*Ксении*). Только зря ты его одарил. Пропьет ведь, враз промогает.

СЛЕПОЙ. А тебе что за кручина? Ты обо мне не пекись, на себя оборотись. Кабы тебе подфартило, ты, что ль, свой рубль не на кружечный двор снес?

ИНВАЛИД. Твоя правда!

СЛЕПОЙ. Дай Бог тебе, Андрей Федорович, доброго здоровья! Пойдем, полчеловек, свернем целковому голову, угощу тебя по-княжески!

ИНВАЛИД. А то и ты с нами, Андрей Федорович, а? Кишечки пополощешь?

КСЕНИЯ. Хлебная слеза под тын человека кладет. Кабы не были вы бедники безвытные, я б вас увещевал от питания...

ИНВАЛИД. Ничего! Мы малость только! Побей Бог мою душу! Безвредно.

КСЕНИЯ. Спаси вас Господь, Царица небесная!

Кучка нищих, шипят аки астиды.

- А! Полоумная пожаловала!
- Ждали-приглашали – еле втерлися!
- Куды ты?! Тута без тебя народу как комарья!
- Аки блохи – един на другом сидим!
- И то! Сидим как у праздника!
- Шла бы ты отсюдова по-хорошему... Нечего тут...
- Ишь! Чужой хлеб отбивает!
- Мы тут спокон веку. Наше место! Намоленное!
- Иди себе с Богом. А не то ребра тебе отомнем...
- Ты нам лавочку не перебивай!

ИНВАЛИД. Тьфу на вас, иудино семя!

СЛЕПОЙ. В ухо плюнуть да заморозить!

ИНВАЛИД. Чтоб вам всем передавиться! (*Ксении.*) Пойдем отсель!

- Идите, идите!
- Катитесь калачиками чертовой бабушке на куличики!
- Да всех рысях, а то свет с овчинку покажется!

Инвалид, Слепой и Ксения идут прочь.

Клеймо «СОГЛЯДАТАИ»

Окраина. Подле карет несколько кавалеров, в одной из карет – две дамы, одна из которых старуха в фижмах, другая, видимо, ее воспитанница – совсем юная девушка. Кавалеры возраста разного.

– ...девица сия, нигде ночлега не имея, еженощно во поле удаляясь, проводит время до первых лучей зари утренней – в молитвах и бдении.

- Да правда ли?
- Истинно так, сударыня-матушка! До самого свету...
- Одна в ночи, во поле, без крыши над головой, без тепла...
- И при том – в любую погоду, в любую непогодь!..
- Единожды, сказывают, случился превеликий град – градины падали с небеси с перепелиное яйцо величиною, да! А сия блаженная с непокрытою главой стояла на коленях, молясь всю ночь до заутренней!
- Отчего она не молится в церкви как все?
- Также слышал я, что ни единая градина ея главы не коснулась...
- А ежели б меня кто спросил, так я сказал бы тому, что на мой разум полагаю ее бесноватою...
- Я тож думаю, что она полоумная...
- Отчего ж тогда не определяют ее в желтый дом?
- Я хочу видеть ее ближе!
- Удовлетворять желания ваши, сударыня, есть великая для меня благость и удовольствие несказанное! Вот, прикажете ли, сия труба – есть оптический прибор, с коего помощью предметы, на удаленной дистанции пребывающие, наблюдать с легкостью можно, акибы оные перед самыми очами очутились. Извольте взглянуть семо, в этот окуляр... наводите прибор на тот предмет, кой рассмотрению желаете подвергнуть... Вот...
- Ой! Я вижу! Я вижу ее!
- Да и так без ваших вычур вполне довольно видно...
- Она стоит на коленях! Прямо на сырой земле!
- Сумасшедшая!
- Безумная! Я же говорю вам!
- Позвольте и мне взглянуть... хоть одним глазком!
- Так тут, сударь, иначе никак и не возможно!
- Так вы чайте, что помешанная она?
- Да без сомнения! Ходит в мужеском платье...
- Диравом кафтане!..
- ...именует себя не иначе как именем мужа своего...
- Покойного!
- А что вы, сударь, полагаете, есть безумие?
- А что еще иное может быть, нежели как в священном писании нарекается «бесовской одержимостью»? Дьявольское наваждение...
- А может статься, что не она, а мы с вами – безумны...
- Не знаю, безумна она или нет, но живет она аки зверь.
- Звери не имеют такой странной нужды – молиться... Не раздают имущество свое бедным...
- Да, у зверья нет имениа...
- Паче того, животные не отрекаются от имени своего...

- У зверя несть разума, потому с оногo нельзя сверзиться...
- Почему у нас на Руси так любят юродов, калек да убогих?
- Полно! Любят ли?.. Кто ее любит разве? Одни ее боятся, потому как видят в странности ее жития опасности для жития собственного... Другие стремятся извлечь пользу себе из ее поступков, из слов даже. Слыхали вы, что тот, у кого примет она из рук подаянье – имеет прибыток и успех на своем поприще...
- О, моя варварская страна!
- ...так что, как видите, любви здесь не много...
- Дикий, страшный народ!
- Интересно, что она думает... что чувствует?..
- Вы интересуетесь, сударыня, о чем она молится?.. Бог вещь!
- Некоторые, подобные ей, и сие из церковной истории известно, особливо в Византейской империи, куда паче чудные деяния свершали, примеру для, сказать, обмазывали себя нечистотами, калечили члены свои, зло сквернословили...
- Избавьте нас!..
- А она не притворствует?
- Нет... Она от всего в миру отреклась. Отринула все удовольствия и удобства житейские. От родства, семьи, дружества, даже от женского своего естества отрешилась...
- Эх вас разобрало!
- Она Христу подобна, потому как из той же горькой чаши пьет презрение людское, поношения принимает, как Он, ею гнушаются, ее гонят, как Его... Не перед Богом она безумна, но перед людьми одними, которые токмо разумом житейским сильны, а небесных попечений не ведают...
- Ну, судари мои, полно! Время позднее, пора до дому, ужинать...
- Да, я проголодался на воздухе...
- Велите там кучеру, пусть домой, с Богом, трогает! Да пусть везет, подлец, хорошо, не то выпорю! Растряс, когда сюда ехали...

Клеймо «**Катя**»

*Петербургская сторона. Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.
Под фонарем стоит Катя. Одетая в какие-то яркие лохмотья, волосы ее растрепались, она пьяна. Она смотрит на фонарь, смеется, потом начинает выть негромко, но жутко. Появляется Ксения.*

КСЕНИЯ. Эй, чего ты?

КАТЯ. Что?

КСЕНИЯ. Чего воешь-то? Как сама не в себе?

КАТЯ (*не глядя на Ксению*). А тебе что за печаль? Моя воля: хочю – вою! А хочю... (*Плачет.*)

КСЕНИЯ. Помер у тебя кто?

КАТЯ. А ты кто такой, чтоб допрос мне чинить? А? Служивый?.. Служивый! Аника-воин! Кислая шерсть! Чего тебе надо от меня? Что вам всем надо от Кати?.. А! Вам всем кобелям одного только и надо! Эх...

КСЕНИЯ. Обидели тебя, а?

КАТЯ. Эх, солдатик!.. Обидели, да... Давно да крепко...

КСЕНИЯ. А ты прости. Прости! Тебе и легче будет.

КАТЯ. Такое простить не можно... Да кто ты такой? Ты солдат или кто?

Небольшая пауза.

Деньги у тебя есть, служивый? Есть?.. Тогда пойдем, что ли?.. Коли ты богатый. Купишь мне вина да водки... Я хорошая, ласковая, горячая... Вот, дай руку, пощупай... (*Берет Ксению за руку, кладет себе на грудь.*)

Ксения отдергивает руку.

Чего ты? Малохолный какой-то... Ты кто таков?.. Ты не смотри, что я пьяная... Я тебя любить буду... крепко... услаждать, тестить тебя... (*Плачет.*)

КСЕНИЯ. Ну, будет... (*Гладит Катю по волосам.*)

КАТЯ. Пожалел, что ли? Не нужна мне жалость твоя... Кто ты такой?! Кто?

КСЕНИЯ. Я – Андрей Федорович.

Продолжительная пауза.

КАТЯ. Андрей?! (*Бросается Ксении на грудь.*) Ты?! Адрюшенька!.. Постой! Нет! Ты – женщина!.. Ты... Я знаю... Ты блаженная... Ты жена ему была... Я про тебя слыхала... Ты с курка прыгнула. Он когда помер, в уме повредила, все имущество бедным раздала, а сама в его одеже пошла по миру. Так?.. Что, любила его? Шибко?

Пауза.

А я... Я, знаешь, как любила его?! Знаешь?! Я в нем души не слыхала!.. А он, он меня, знаешь ли, как любил?! Он меня называл... «горlinkа моя»... Голуба моя! (*Плачет.*) На руках меня

носил. И вот сюда, вот, видишь, – родинка у меня тут – вот сюда расцеловывал! Подарки мне дарил... Сережки, бусики гранатовые... Он меня любил... Андрей Федорович! Любил меня! Он меня голубил, нежил... Было придет, явится, в беремя меня сгребет, вот эдак (*обнимает себя руками*) всю-всю, и шепчет мне нежно, ласковым своим голосом: «Ах, Катенька, ластонька, горлинка моя!.. Так я по тебе стосковался!» И в шейку, прямо в родинку меня целует... Жаркие губы у него, горячие... Во мне все в те минуты, все-все переворачивалось внутри! Душа захолонется, замрет, будто нет ее совсем...

Пауза.

А до чего же я любила его! Как любила! Нет мне без него жизни! Погибаю я без него, без любви его!.. Да понеси святые вон!.. А он тебя, постыдную, жалел! Говорил мне, как, мол, я ее брошу, куда она без меня денется, что без меня делать станет... Боялся он, что ты руки на себя наложишь.

КСЕНИЯ (*тихо*). Андрей Федорович...

КАТЯ. Говорил – любишь ты его сильно... Не мог тебя бросить... Добрый был... тебя жалел... а меня?.. А я?.. (*Плачет.*)

КСЕНИЯ. Как же это?..

КАТЯ. Как я любила его! Больше жизни моей! До святости!.. Бывало, жду не дождусь, когда он ко мне придет, сижу, сижу у окошка, все глаза прогляжу, жду, жду его, соколика... Сколько я слез пролила. А он добрый был, ласковый... А придет, прямо на шею ему кинусь, прижму, прильну к нему вся-вся и руки ему целую, целую как полоумная... А как он в уста меня поцелует, так я вся сомлею, будто дух из меня вон...

Пауза.

А как узнала я, что он помер... пошла к Неве, стою, смотрю... Думаю, лучше бы я вместо него померла! Зачем мне теперь жить, на что? Что я без него в этой жизни, кому я... Кинусь, думаю, сейчас в Неву... и все беси в воду, и пузыри наверх! Кончатся муки мои, враз пресекутся... Нет! Духу мне не хватило! Не свела конца. Слабая я, дрянь я, дрянь!.. Никчемная... Ни в дудочку, ни в сопелочку... Жизнь у меня бесполезная, а смерти устрашилась... Убоялась, жалко стало мне себя, жизни своей никомудышной... Вот какая душонка у меня мелкая, дрянная душонка!

КСЕНИЯ. Не надо...

Пауза.

КАТЯ. Я тебя, знаешь, как люто не любила – сердце берет как!.. Ты мне как спица в глаз была! Всякие мысли у меня были... про то, как тебя со свету свести, как в могилу тебя определить. Я раз как-то шепнула Андрею-то Федоровичу, что, мол, давай изведем супружницу твою законную, есть, мол, средства – бабки-ворожеи, а не то немец аптекарь на Васильевском проживает, он тоже не брезгует – зельями приторговывает... Так он, я тебе скажу, Андрей-то Федорович, прям взвился весь! Ах ты, говорит, Катька, злыдня, что за дур на тебя напал, варначья душа... Ты, говорит, Катька, и думать не смей про этакое! Ты даже мысли такой не имей паскудной! А не то не увидишь меня больше...

Пауза.

Почто же он так, Андрей Федорович? Со мной поступил несправедливо? Зачем меня тут оставил, а сам...

КСЕНИЯ (*тихо*). Он не умер.

КАТЯ. Чего ты там шепчешь?

КСЕНИЯ. Не умер Андрей Федорович, жив он.

КАТЯ (*не слышит*). Как я любила его, желанного моего, возлюбленного моего!..

КСЕНИЯ. Это Ксения померла, жена его.

Пауза.

КСЕНИЯ. Я – Андрей Федорович...

Пауза.

КАТЯ. Родной ты мой, любимый мой! (*Бросается к Ксении, обнимает ее, говорит быстро.*) Андрей Федорович! Сокол ты мой ясный! (*Целует Ксении руки.*)

КСЕНИЯ. Ну, полно...

КАТЯ. Андрей Федорович! Ты что так долго не приходил? Или ты меня позабыл?! Или ты разлюбил Катю свою? Или у тебя какая еще зазноба завелась? А? Андрей Федорович? Ну что ж ты молчишь? Ты скажи тогда, прямо скажи: у меня другая! Я же ей тогда все космы повыдеру, я же ей глаза ее повыцарапываю, я ей всю рожу известью выжгу! Ты со мной, Андрей Федорович, не шути так со мной! Слышишь? Не надо со мной так! Не обижай меня!

КСЕНИЯ. Тихо, тихо, красавица...

КАТЯ. Андрей Федорович!.. Гляди на меня! Я сквозь слез лица твоего не различу!

КСЕНИЯ. Тихо, здесь я, тут... с тобой... Не бойся.

КАТЯ. Зачем ты меня покинул? Одну оставил? Не приходил долго! Зачем? Я ли тебя не любила? Я ли тебя... не радовала? Отвечай!

КСЕНИЯ. Тихо, милая. Уймись.

КАТЯ. Скажи правду мне, Андрей Федорович! Любишь ли свою Катю? Любишь ли ее, как любил, как она тебя – не слышать души, всем телом? Любишь ли?! Отвечай!!

Пауза.

Что ты молчишь?! Андрей... Андрюшенька? Что ты молчишь как истукан каменный? Любишь ли?!

Пауза.

КАТЯ. Отвечай же!!!

КСЕНИЯ. Да...

КАТЯ. Андрей Федорович! Ты скажи, чтобы я услышала твои слова! Ну, скажи! Или язык у тебя отсох?

КСЕНИЯ (*тихо*). Люблю...

КАТЯ. Не врешь?! Вправду ли?! Ты меня не обижай, Андрюшенька, не изменяй, грех это, великий грех это – женщину зря обманывать... Бог-то все видит, все ведает... Ты мне тут солжешь, он там тебя накажет... за меня... за муки мои... За то, что ты меня так к себе приучил, а жить со мной не желаешь по-божески... Вокруг ракитова кустика со мной обвенчался... Со своей женой малохольной разлучаться не хочешь... Может, ты ее паче меня любишь? Так почто же ты тогда со мной вошкаешься?... Ласковый теленок двух маток сосет... Так ведь грех это, сударь мой батюшка... Накажет тебя Бог, анафема ты окаянная! (*Плачет.*)

КСЕНИЯ. Катя, не надо, зачем всеу Бога гневить...

КАТЯ. А кабы вместе мы с тобой одним домом зажили... какая бы жизнь у нас пошла прекрасная, не жизнь, а масленица... (*Плачет.*)

КСЕНИЯ. Не плачь, Катя...

КАТЯ. Ты, Андрей Федорович, ты скажи еще, скажи обрат, что любишь Катю свою! Я и утешусь, усмирюсь. Ах, зачем долго так тебя не было... Скажи, скажи...

КСЕНИЯ. Говорено уже.

КАТЯ. Еще, еще скажи, любишь ли?

КСЕНИЯ. Люблю...

КАТЯ. Еще!

КСЕНИЯ. Люблю.

КАТЯ. Так ли как раньше?

КСЕНИЯ. Так!

КАТЯ. Ах, Андрей Федорович! Сокол мой, свет мой, любимый мой... (*Затихает на руках у Ксении.*)

СРЕДНИК «МОЛИТВА БОГОРОДИЦЕ СВЯТОЙ БЛАЖЕННОЙ КСЕНИИ»

КСЕНИЯ. Безвестная чистая Богородице Дево, выше еси всех ангел, архангел, всех тварей, едина верным предстательница и покрове от бед и скорбей, честнейше помощница еси обидимых, исцеляющей надеяние, убогих одеяние, больных исцеление, грешных спасение, христиан всех поможение и заступление. Спаси, Господи, и помилуй рабов Божиих ризою твоею честною, защити, умоли, Госпоже, Тебе бессеменного воплатившагося Христа Бога нашего. Да препояшет нас силою свыше невидимые враги наша. О всемилостивейшая чистая Богородице Дево, воздвигни нас из глубины греховныя, избави нас от глада, губительства, от труса и потопа, от огня и меча, от нахождения иноплемнных и междуусобной брани, от напрасной смерти, от нападения вражея, от тлетворных ветров и смертельной язвы, от злой порчи, от духов нечистых, от всякого зла. И все наши болезни и страсти исцели, и лютые обстояния всех избави, иже на тя упование. Подаждь, Господи, мир и здравие рабам твоим, просвети ум и очи сердечные и души нашии спаси божественными молитвами своими, еже ко спасению сподоби царствия Сына Твоего Христа Бога нашего, яко держава Его непоколебимая, благословенная и препрославленная, со единачальным Его Отцем, со Пресвятым, Благим и животворящим Его Духом, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

КЛЕЙМО «МЕРТВЫЙ ПОЭТ»

Набережная. Не паранете, глядя на темную воду, стоит человек. Он покачивается как от ветру. Кажется, он вот-вот сорвется. Ксения бросается к нему, оттаскивает от паранета.

ПОЭТ. А?! Что?! Ты что?!!

КСЕНИЯ. А ты что?..

ПОЭТ. Что я?.. Ты кто? Чего тебе?! Чего надо?!

КСЕНИЯ. Чего ты там... стоял?..

Краткая пауза.

ПОЭТ. Стоял?.. Ну что с того?.. Тебе-то что?!. Иди отсель.

КСЕНИЯ. Ты, можа, задумал зло какое над собой сотворить?

Краткая пауза.

ПОЭТ. Что есмь зло, а что – добро? Ты – ведаешь?! Одному одно – добро есть, а другого для то же – зелое зло!

КСЕНИЯ. Что ж ты себя жизни решить жаждешь?

Небольшая пауза.

ПОЭТ. Я стою тут, и мстится, что сей брег – Сенский, а позадь – Элисейски поля, и волна, текуща, убегающа от моих стоп, впадает в окиян, посеред коего лежит Остров Любви... И хочу кинуться во власть волны, ати отнесла мя к тоему Острову, иде ни зимня несть, ни летнего зноя, одно токмо блаженство, ангелы во флейдузы гудят, и сладок покой...

КСЕНИЯ. Что с тобой? Булавка в голове бродит?

ПОЭТ. Подойди, человече... Худо мне... Плохо мне... Поди, поговори со мной, человече... Скучно мне в ёдну играть!

КСЕНИЯ. Отчего тебе худо?

ПОЭТ. Вот иду я с кружечного двора...

КСЕНИЯ. Тогда не мудрено.

ПОЭТ. Это ничего, что я на развезях! Всего-то косушку раздавил... И курица пьет!.. А я знаешь кто?

КСЕНИЯ. Суций в животе.

ПОЭТ. Да, правда... Токмо еще знаешь ли кто я есть... то есть кто я был?.. Кто я...

КСЕНИЯ. Бог тебя знает.

ПОЭТ. Аз есмь персть!.. Гладен и хладен... и нет у меня ни былочки, ни поживочки. Беден как Ир! Мякитное брюхо, соломенная душа!

КСЕНИЯ. По ком беда не ходила.

ПОЭТ. Да... И то верно... А знаешь ли, кем был я?.. А был я... прославленный пиит!.. да!..

«Зря, пришедший, гроб недавный,

Зришь раскаяний вид славный.

Кто, по совести своей,

Быть не должен в жизни сей,

На себя так и взирает;

Тот здесь дважды умирает...»

КСЕНИЯ. Складно.

ПОЭТ. Был я первым из россиян, возмогшем стать академиком!.. как латинския, так и российскийския элоквенции!.. И знаешь ли, друже мой, как меня чествовали! Плесканьем рук приветствовали!.. Славу рокотали!.. Это теперь все равно! Это теперь... Жил – без выгребя, ни выти, ни уёму не ведал!.. Ни перед кем व्यю не гнул!..

(*Чуть помолчав.*) Хотя, нет, гнул... Гнул!.. Но были красные денечки, да!..

КСЕНИЯ. Что же с тобой случилось?

ПОЭТ. Укатали сивку крутые горки... (*Невесело усмехается.*) «Так проходит мирская слава!».. Недруги, тщеславцы-завистники... Ломоносов с Сумароковым – лжи за правду давцы, на меня клеветствовали... А как императрикс Анна преставилась, сице и мне финита настала... Из академиков – под зад!.. Синод лучшие поэмы мои да «Псалтырь» мой за «сумнительность» осудил... Одолели, сломили... Лакеи вельможные злобразные – Волынский и с иже с ним... Кинут написать самую краткую материю, и с которой должно мне сочинить приличные стихи к маскараду... и измышлял скоропостижные вирши, не то битым быти... Ухватил горячего!.. «Не кажи больше моей днесь памяти слабой»... Теперь я ни в городе Богдан, ни в селе Селифан... С куска на кусок перемогаюсь. А хуже нет, чем куски выглядывать...

КСЕНИЯ. И Христос милостьюней жил. И безгунный не без савана.

ПОЭТ. И я тож размышлял тако о моем напрасном безчестии: ако мои дни пробегут без шума, «простаком и старичком приду ко гробу» весел, всю светскую злобу на свете оставивши... Но не то, не так! Тяжко мне! Один я! Кругом – один!.. Ровно божедом на скудельнице. Остави меня все... бросили, забыли... Забыли! (*Помолчав.*) «Все проходит», – рече Екклесиаст!.. Али как Барков сгину – тот пьян напился до анчутков и в нужнике утоп!.. Погибоша, аки обре!.. (*Пауза.*) Одна у меня дорога теперь – не нынче – завтра... задеру лытки и свезут меня в скудельный дом. Я уже и сам жду, не дождусь – когда приидет час меня в домовину обрядить... Бог отступился от меня, отринул меня, как и все, отвернулся от меня. Почто?!

КСЕНИЯ. Не Бог тебя оставил, а ты его забыл.

ПОЭТ. Или вон мыслю иной раз, что, может, стоит пресечь живот свой... Кинуться вон в Неву. И кончить свой век горемычный! Потому – мочи нет боле!..

КСЕНИЯ. Грех это!

ПОЭТ. И страшно мне...

КСЕНИЯ. Это ничего. И Христу страшно было.

Небольшая пауза.

ПОЭТ. Я ведь помер уже... Дышу еще, гляжу... слова устами изрекаю, а все одно – мертв. Сам себя пережил. «Стыд, смятение в презоре»... Иной раз как увижу – покойника несут, думаю: не меня ли волокут в могилу... Еже писах – писах!..

Поэт падает на землю.

ПОЭТ. Ну, вот!.. Все!.. Умру под забором, аки тать... без человеческого воспоможения... Почто сие?.. (*Пауза.*) Подожди! Не бросай мя изнемогшаго, не уходи! Вонми! Страшно мне!.. Помолись! Вопию стена! Помолись за меня!.. Помолись за раба Божия Василья Кирилловича Тредияковского... За душу мою грешную! (*Затихает.*)

Пауза.

КСЕНИЯ. Умре... раб Божий... Прими, Господи, душу Василья Кирилловича Тредияковского. Упокой с миром...

Клеймо **«ВОЗДВИЖЕНЬЕ ЦЕРКВИ»**

– Андрей Федорович! Ты пошто кирпичи ворочаешь?

КСЕНИЯ. Помочь хочу работным людям. Они же святое дело творят. Церковь Божию строят.

– Ты помолись лучше за нас! Твоя молитва Богу угодна.

КСЕНИЯ. Аще б каждый православный по кирпичику единому принес...

– Башня вавилонская воздвиглась бы!

– Ты вон на целую стену кирпичей натаскал...

– Мы давно примечаем: кто-то повадился кирпичи на леса на самую вышину подымать. Решили вот проследить... А тут вон как...

КСЕНИЯ. Церковь воздвигается!.. Кабы и вера Христова в сердцах тако же воздвигалась – ежедень по кирпичику, я б и день и ночь кирпичи на горбу таскал без устали.

Ксения вдруг плачет.

– Андрей Федорович, почто плачешь опять?

КСЕНИЯ. Красненькое вижу... Кровь! Красным-красно все! Я вижу: кровь... кровь кругом – Господи! Все – кровь, реки кровавые.. Больно мне.. А из меня кровь нейдет... Это Его кровь! Христа-Бога кровь!.. Почто так, Господи! Почто вы аки волки злые?! Глотки друг другу перегрызли. Брат брата убиша! Кровью умываетесь, кровь пьете, упыри... Бога отринули, отворотился... Покайтесь! Опомнитесь! Жалко вас...

Клеймо **«Искус»**

САЛТЫКОВ. Кто это?

– Это, вашесиятельство, Христа ради юродивая.

САЛТЫКОВ. Как звать?

– Андрей Федоровичем... Она самое себя так величать изво-лит... В честь, стал быть, покойного ея мужа, чином полковника.

САЛТЫКОВ. Юродивая?

– Точно так, вашесиятельство! Юрод. Тоя самая, что в канун кончины Елисаветы Петровны – за день до оногo печального случая, всюду кликушествовала, глаголя: «Блины! Блины пеки!» – чем изум-ление в народе великое вызывала. И на людские спросы: «Что ты, Ксения, да разве завтра масленица? Сочельник только!» – ответство-вала: «А вот поглядите. Завтре вся Россея блины кушать будет». То есть, кончину матушки императрицы в своих речах предрекла!

САЛТЫКОВ. Интересно... Я хочу говорить с ней.

– Да чего для оно вам, вашесиятельство? Она ж... полоумная! Бог весть, что у ей в голове деется?

САЛТЫКОВ. Позови ее! Я желаю с ней говорить!

Пауза.

– Эй! Андрей Федорович! Поди сюда!.. Тут с тобой ихосия-тельство толковать желают.

КСЕНИЯ. Коли надо кому, тот сам ко мне идет. А мне в нем нужды нет.

– Извольте видеть, вашесиятельство! Я же говорил... Баба-сквернавка! Купоросное масло!

САЛТЫКОВ. Как тебя зовут?

КСЕНИЯ. А тебе на что, барин?

– Отвечай, когда тебя спрашивают, дура! Бессоромная баба!

САЛТЫКОВ. Поди прочь, любезный, с глаз моих!

Короткая пауза.

САЛТЫКОВ. Как мне к тебе обращаться?

КСЕНИЯ. Ты первый, кто не спросил, кто я...

САЛТЫКОВ. Мне самому часто доводится личины менять, оттого мне хорошо то ведомо – что есть другим сделаться, стать... Могу сказать даже, что отчасти ведаю, что значит быть женщиной. В женское платье облачаться доводилось.

КСЕНИЯ. Зачем ты это говоришь теперь?

САЛТЫКОВ. Оттого, что вижу – кто ты есть.

КСЕНИЯ. Что же тебе с того?

САЛТЫКОВ. Я понимаю тебя... И восхищение великое во мне возникает...

КСЕНИЯ. Эх! Ботало коровье! Кто ты есть?

САЛТЫКОВ. А ты разве не видишь?

Пауза.

САЛТЫКОВ. Ну? Что ты думаешь в ничтожной голове своей? Думаешь, я – сатана! Явился блазнить тебя да мамонить? Думаешь, я из адеи, из геенны выскочил?..

КСЕНИЯ. Кто ты?

САЛТЫКОВ. Меня разное именовали и сам себя я нарекал различно... Я – Вечный жид! Агасфер...

Пауза.

САЛТЫКОВ. Аз рожден в изначале веков в Халдее... В Египте позна астронозию, волшбу, магию и таинства Гермеса Трисмегиста, и иные древние потаенные знания... Но не о про то... (*Помолчав.*) Аз содеял грех... и за то проклят и помста мне и несть прощения до скончанья веков...

Продолжительная пауза.

САЛТЫКОВ. Жар палящ бысть яко в печи! Солнце лизало раны Его аки гладный пес! Пот липкия кровавая стекоша с лице, хламида сыра кровию еси. Он несе крест своя, и падоше, и восста, и паки падоше. Ромейские вонники вонзе копия во плоть Его. И падоше во горяч прах у нози моя. И рече: «Вонми! Подаждь ми глохт воды». Аз слыхом реченье Его, и отворотися... (*Пауза.*)

Почему? Не ведаю. Должно, мне было страшно. Не помню... А может быть, это вернее, мне не хотелось совершать никаких движений. Мне не хотелось шевелиться, выходить из уютной тени навеса, в которой стоял я. И чего для было мне предпринимать что-то? Ради какого-то юрода, ославленного Царем Иудейским, оборванного нищего, сирого проповедника, шарлатана, исцеляющего слепцов, изгоняющего бесов, воскрешающего мертвых? Ради обреченного умереть на кресте?.. Я не шелохнул перстом, я не дал Ему глотка воды... Воины ударами заставили Его подняться и Он повлек дале тяжелый крест свой. Я остался... (*Пауза.*)

И в час, ако во Храме Иерусалимском, яко и бысте предрече, – запона раздра, и небеси помрачались, або Он умре на кресте... в тои миг аз падоше, аки подкошенный, и сердце во мне зашло и замерло... И аз чуял: все члены мои хладеют... и – аз умре... И страш обьял мя. И некто незримый и неосознаемый, и тому паче страшный уму, нежели образимое чудище... нет, не рек, но влил в разум мой, аки яд смертоносный: «Ты проклят тем, что обречен на жизнь вечную. И не сможешь умереть тьму лет до второго пришествия Его».

КСЕНИЯ. Зачем?.. Зачем ты рассказываешь?!

САЛТЫКОВ. Поверила ли?

Пауза.

САЛТЫКОВ. Ты примешь от меня денежку?..

КСЕНИЯ. На что тебе?.. Разве что с того станет?..

САЛТЫКОВ. Прими! Прошу! Сделай, чего я не сделал...

Пауза.

КСЕНИЯ. Хорошо.

САЛТЫКОВ. Помолишься за душу мою?

КСЕНИЯ. Да.

Пауза.

САЛТЫКОВ. Ты всех так жалеешь?

КСЕНИЯ. Я грешная душа. Бог – жалостлив.

САЛТЫКОВ. А не боишься ты, что через свою жалость – кару себе стяжаешь? За то, что от меня сейчас тут подаяние приняла – казнят нещадно?.. Ведаешь ли, что за деньгу из рук моих приняла?

КСЕНИЯ (*смотрит на монету в ладони*). Нет. Я такой не видала.

САЛТЫКОВ. Не жжет ладонь серебро?.. Один из тех серебряников, которые были Иуде заплачены. Христова кровь на них и вина человеческая.

КСЕНИЯ. Кто ты?

САЛТЫКОВ. Я? Я князь Ракоци, маркиз де Монгоферра, граф Белламар... Я шевалье Шенинг, граф Цароги, купец Нобле, господин де Сен-Ноэль! Я – господин де Зурмон, граф Сен-Жермен, граф Салтыков! Я – Агасфер!! (*Смеется.*)

Появляется графский лакей.

САЛТЫКОВ. Я – вечный жид!

– Вашесиятельство! Ай ты, Господибожемой! Опять вы чудите... Вот беда ты, Господи, святые угодники!

САЛТЫКОВ. Я – Иуда Искариот!

– Да почто же вы!.. говорено же было сколь разов... зачем же вы обрат!.. как дитя малое, ей-богу! (*Зовет.*) Эй, вы там, что уснули, что ли, етить вашу мать!

САЛТЫКОВ. Я был проклят!

– Так ведь и думал, что не для чего вам разговоры разговаривать! Опять голова от ума опросталась! Поехали домой, вашесиятельство, право слово, поехали!

Появляются еще два лакея.

САЛТЫКОВ. Я – Иуда! Не удавился я на смоковнице вервием из дармодеровой щети!.. И живу до днесь!.. (*Рухнул на землю, корчится, кричит.*) Я – Иуда-а-а!!!

– Что ж вы стоите, как пеньки стоеросовые! Держите, вяжите его! Осторожнее, шельмы! Где Гринька с каретой?! В карету несите, Господибожетымой!

Лакеи с трудом удерживают бьющегося в конвульсиях графа, вяжут и уносят его.

– Беда! (*Ксении.*) С тобой говорить вздумал, соловьев развел, да сам... Слаб на голову ихосиятельство... чуть чего – ум как ветром выдувает... невесть что лопочет – иной раз складно – диву даешься, а понять нельзя! Осторожнее его! Тьфу, сучьи дети!

– Видала? У отца Паисия на Прощенное Воскресенье копеечку попросила, а у него Великим постом заворот кишок сделался.

– Да нет – гнилая горячка у него! Гнилая горячка!

– Все едино! Преставился как есть!

– А попадью-то, попадью-то во блюде застигли! С регентом!

– Вот и смекай! У кого блаженная попросит чего, а тот откажет, тому враз беда приходит, или несчастье какое. Помрет кто, или того паче...

– Чего ж хуже смерти-то может быть?

– А то и хуже, когда вот с ума-то скатнешься!

Клеймо «Муж»

КСЕНИЯ. Кто тут? Кто? Кто ты?

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Я это...

КСЕНИЯ. Кто?!

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Это я, Ксения, муж твой, Андрей Федорович...

КСЕНИЯ (*как эхо*). Андрей Федорович... Андрей Федорович... Андрей Федорович...

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Ксеньюшка!..

КСЕНИЯ. Матушка пресвятая, матушка пречистая!.. Заступись! Спаси, помилуй раба твоего Андрея Федоровича...

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Ксеньюшка!.. Выслушай!..

КСЕНИЯ. Чур меня! Изыди! Сгинь-пропади, бес оканный! Семя злое, гнилое, ядовитое! Господи! Зачем испытываешь меня сызнова?

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Не бойся, милая! Это я – муж твой!

КСЕНИЯ. Я – Андрей Федорович! Ксения – померла.

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Погляди на меня, Ксения! Я скучал за тобой, радость моя!

КСЕНИЯ. Сгинь-пропади! Наваждение дьявольское! Соблазнить меня измыслил? Душу мою от Царствия Небесного отлучить? Прочь поди!

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Постой! Послушай! Я повидать тебя пришел. Из тьмы адовой к тебе опущен... Последний раз взглянуть!

Короткая пауза.

КСЕНИЯ. Андрей Федорович... Ты?

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Я.

Пауза.

КСЕНИЯ. Как же?.. Вправду ли ты – Андрей Федорович? Ты – умер... Как же ты говоришь теперь со мною? Божьим промыслом или по дьявольскому наущению?

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Божьим промыслом, Ксения.

Короткая пауза.

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Умер я многогрешный без покаяния, и Бог весть, сколько страданий душа моя приняла бы, кабы ты, заступница моя перед Господом да перед Богородицей, за меня не предстательствовала...

Пауза.

КСЕНИЯ. Ты обидел меня. Оставил. Осиротил. Ты – умер... И деток у нас не было. Не дал Бог. Чем мне было жить без тебя? Я другого ничего и не знала, как мне за тебя перед Богом заступиться? Что я – сирая да слабая, могла еще сделать? Я умерла с тобой и в тебе воскресла. Чтобы ты жил... Чтобы ты Царствие Божье узнал.

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Разве можно так любить?..

КСЕНИЯ. А разве еще как можно? Я не ведаю – по-другому как. Не разумею. Ты меня разве не так любил?

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Прости, Ксения, прости! Я слабый... Я убогий! Я того не стою, что ты для меня... Я грешный! Господь меня взял, как был я во всех грехах моих, как в помоях, в нечистотах, смердящего!.. И было мне уготовано рассчитаться за все прегрешения мои... А ты...

КСЕНИЯ. Просто... я так любила тебя. Это просто! Я любила тебя больше, чем жизнь...

Пауза.

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Я стоял во тьме... Был хлад, и был ветер – ледящий, жестокий, пронзительный, резкий... он хлыстал меня, аки катова плеть, врезался в кость. Морок вокруг меня зело густой. Я дрожал на ветру, аки тонкая былинка, и было мне страшно! Тако страшно не было никогда допреж... Я знал, зрел все прегрешения свои, все злые свои дела пред собой, все-все грехи мои во всей черноте их предо мной предстали... И тяжело было мне, аки плита многопудная каменная грудь теснит... И паче того тоскливо было мне, и скучно и тошно тако, что не могу молвить, потому как не мог я повиниться, раскаяться в прегрешениях моих. И сице стоял я наг, каким рожден на Божий свет, на злом ветре, и ждал, не ведая чего, только чуял, как растравлены язвы на теле своем – все свои вины. Это мука была! Мука мученическая. Вотще стоял я там, во тьме, на ветру. Не было рядом ни единой души, и не было света, токмо тьма бесконечная, черная аки сажа, только ветер, жгущий хладом сирую плоть мою, а равно и многогрешную душу. Никто не глаголеЛ мне... Мурашки бежали по дрожащей плоти моей, аки злые блохи по песей шкуре... Я не зрел никого: ни аггелов, ни бесов. Ни един звук не раздавался там. Страшно было пребывать во тьме неизвестности... Сколько мыслей было в главе моей – столько за всю мою брENNую, напрасную, зряшную жизнь мою, не было... Страх мысли моей был в том, что вся моя жизнь была предо мной во всем смраде и зловонии греховном, ибо жил я аки зверь, без смирения, без цели, вся жизнь моя – суета и тлен, звук пустой в пустоте... И еще одна мысль билась, как голубица в клетке – о тебе!.. Что одна ты только в жизни моей была светом Божиим, любовь твоя – святая любовь – спасение мое, живая вода...

Пауза.

КСЕНИЯ. Ни муж без жены, ни жена без мужа – не спасутся.
АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Прости. Прости меня, Ксения!..
КСЕНИЯ. Что я!.. Не меня, Господа Бога проси! Он простит!
АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Прости...

Клеймо «**МАРФУША – ХРИСТОВА НЕВЕСТА**»

МАРФУША. Ну-ко, ну-ко, подь семо, покажись, что ты за птица такая?!

КСЕНИЯ. За погляд денег не берут. Гляди, коли глаза есть.

Пауза. Марфуша неотрывно смотрит на Ксению.

МАРФУША. Дух вражий! От запаха стервы нос залегает?! Сатана в тебе сидит! (*Мелко крестит себя и Ксению.*) Чур, чур меня – бесовское отродье, сгинь!!! Пропади! Тьфу! Тьфу! (*Плюет в Ксению, визжит истошно.*) Изыди, изыди! Бесы-ы! Дьявольское наущение! Не трожь мя-а-а! (*Падает, корчится на полу.*) Чую, как словеса воняют. Вонь чую гнусную, смердящу! Словеса – вонь, словеса – гной, черная кровь! Изблую из уст!

Пауза.

КСЕНИЯ. Будет уж дурочку катать.

МАРФУША (*затихает, садится на полу*). Я чую!.. Я вижу, кто ты есть!

КСЕНИЯ. А себя? Ведаешь?

МАРФУША. Не по ноздре ты мне!..

КСЕНИЯ. Полно пешки топить!

МАРФУША. Меня Боженька любит!.. А ты – поганая!.. Во мне Бог сидит! Вот тут, вот тут! (*С силой бьет себя в грудь.*) Мне аггелы поют, на дудках свищут... А ты – вошь, мою кровь пьешь! Боженька – мой! А тебе – шиш!.. Полоумная – богата была, да все именье просрала! В сральне тебе жить – говны месить!! Умом повредилаь – мужиком обрядилаь! Жиды Христа продали, а ты – с имя!.. Я все бросила, все от себя отринула – все за ради Боженьки, Боженьке все отдала. Живу как червь в назёме! Как гнус, как слизняк, как гады ползуца! На коленках суды приползла из Новгорода!.. Я землю и навоз жру, вериги ношу, плоть своя нещадно терзаю! И тако Царствие Небесное снищу себе!.. Боженька – мой, мой токмо!.. Серой от тебя разит! Серой! Сдохни, усохни, сквозь земли провались! Сатанаилова язва смердяща!

КСЕНИЯ. И не срамно тебе?

МАРФУША (*не сразу*). Чего мне срамно?

КСЕНИЯ. Ты во лжи, аки в тенетах. Чего для скоморошничать, чужую харю на себя рядишь? А сама – не то...

Пауза.

МАРФУША. Как ты... извела?

КСЕНИЯ. Ты для себя... для себя единой Царствие Небесное стяжаешь...

МАРФУША. А ты?! Ты – как?! Не тако ли тож?! Я все, все-все Богу отдала – всю себя! Как невеста... У меня мужа не было! Я плотского греха не ведала! Блудом плоть не услаждала!.. Я чиста аки агнец жертвенный, аки невеста Христова! Я и есмь невеста Ему! Я Христа люблю!

КСЕНИЯ. Не любишь.

МАРФУША. И он мя любит! Любит мя!

КСЕНИЯ. Людей ты не любишь, а Христос – любит.

МАРФУША. Человеке – еси гной и кал еси! Ему жити по-требно с суками да со свиньями! Оне вонюе зловонною воннут аки душа человек! От грехов воннут поганно, смрадно, яко пес дохлый!.. Анчихрист встал у врат мира, и евонных выблядков тьмы и тьмы окрест! И в небеси и на земли! И всюду!.. Анчихрист на звере багряном, кровавом ярится, сам аки зверь страшен!.. И в руце ея чаша полна мерзости и кала! Враг сатана – отженись от меня!..

Пауза.

Ты – трепаная рогожа! Скверная, нечистая – похоть свою с мужем тешила, в блудодействе пребывала! Я! Я одна – Божий человек есмь! Бог мя любит!.. Одну! Ты мне – поперек жизни! Сгинь! Сгинь!.. Отколь ты явилась?! Трясца тебя ухвати! Я – стратотерпица... Я девка была – меня ссильничали. Отец пьян напился... И у меня в голове помутилось... Но я токмо чище стала... Невеста!..

Пауза.

Ты мне глаза уколола...

Пауза.

Речи! Как, было тебе виденье? Было? Зрела ты аггелов? А Николу-чудотворца? Али саму Пречистую Деву сподобилась?!

КСЕНИЯ. Зрела.

Пауза.

МАРФУША. А мне токмо беси являются. Сатана их на меня наускивает... Они меня на блуд склоняют, на скотское непотребство... Падучая у меня сызмальства. Упаду – забьюсь, и корчит меня, корежит, пена из рта, язык пухнет – задохнуться лязя. Пасть могу и голову расшибить... С собой не владея – опрастывалась – нечистоты из меня все вон источались. Все в страхе на меня глядя – мыслят, что сие бесы во мне корчатся... Я и стала потом мал-по-малу кликушествовать... Овогда, перед тем, как скрутит меня падучая, незадолго... такое блаженство нисходит, благодатная благость... как ветерок горний с райских кущ снидет, душу овеет... И весь страх сгинет! И душа, словно захолонется от радости светлой... Ровно ангел рососою райскою уста освежит!

КСЕНИЯ. Бог – любовь есть. Это отмета его на тебе. Он тебя любит.

МАРФУША. Правда? Правда?!

КСЕНИЯ. Правда.

МАРФУША. Как тебя? Тако же?

КСЕНИЯ. Крепче.

Марфуша со слезами обнимает Ксению.

КЛЕЙМО «СЫТНЫЙ РЫНОК»

Ксения идет мимо рядов.

– Андрей Федорович! Возьми у меня денежку!

КСЕНИЯ. Нет, касатик, ты мне бумажку не суй! Ты мне дай денежку, где царь на коне!

– Вот тебе царь на коне!

КСЕНИЯ. А от тебя, скареда, ничего не возьму! Ты людей околузываешь.

Ксения идет далее.

– У меня, у меня прими, Андрей Федорович!

– И у меня, окажи милость! На помин души!

КСЕНИЯ. Нет, не возьму, ты, мил человек, бедных обижаешь!

Ксения идет далее.

– А возьми у меня, Андрей Федорович, хоть чего-нибудь! Хочешь – сарацинского пшена – хошь мешок бери!

КСЕНИЯ. Бедным отдай.

- А вот китайской травы!
- Содомских яблоков!
- Не побрезговай, возьми крендель!
- А у меня слаще! Моего попробуй!

КСЕНИЯ. Не возьму и у тебя ни скрупула! Жадый ты, как жидовин. Мошну распустил – будто широкой рукой да мне в руку, а сам выгоды с меня хочешь. Тебе убытку ни на чох, а в иголье ушко пролез! Нет, касатик, хлебни шилом патоки!

Ксения идет далее.

- Возьми у меня красного товару! Кубовая шерсть! Без сносу будет!
- Возьми плат драдедамовый!
- Не позволишь ли, Андрей Федорович, подарить тебе тулупчик?

КСЕНИЯ. Подари его тому, кто без него злосчастен, кому он в радость!

- А какую радость я могу тебе сделать?

КСЕНИЯ. Люби ближних своих. Когда доброго человека зрю, я радуюсь паче всего, мне другой радости не нать.

Извозчики зазывают Ксению:

- Андрей Федорович! Садись! Домчу в два огляда!
- Ко мне, ко мне, садись! У меня вон какой шарабан!
- Садись, Андрей Федорович, свезу живым манером куды укажешь! Почто зря мостовую лощить?

КСЕНИЯ. Благодарствуйте! Мне тут недалёко!

Клеймо «**Подкидыш**»

- Что там? Что?
- Убийство, что ли?
- Да пьянь!
- Бабу удавили!
- Дак кто, хто удавил-то?
- Таги!
- Я гляжу, у ей ноготь синий и на лицо земля пала!
- А это беглые, которые с Емелькой Пугачевым совместно разбой чинили да от казни спаслися! Вот они теперь сюды, стал быть, явились, шалят тут! Грабят народишко, разбойничают.
- Будет тебе язык бить!

- Точно как есть говорю! Емельки Пугачева робяты! Беглые.
- Эх! Язык без костей! Извозчик, пьянющий в дым, бабу задавил. Она проходила вон, а тут – он!.. И всех делов!
- Удавили? Кого удавили?
- А она на сносях!
- Да кто? Кто?
- Да задавленная! Баба...
- На сносях?! Матушка Владычица!..
- Пряма на мостовой разрешилась, родила!
- Хто?!
- А сама того... кончилась!
- Царствие Небесное!
- Да что за баба-то?
- А Бог весть!
- Неизвестного роду-племени...
- Простого званья-то видать...
- Да уж... разве что не нищенка какая...
- Я ее, кажись, знаю! Чухонка она. Прачка. В прибытном доме купца Голяткина проживала.
- Дите-то надрывается!
- Что делать-то?
- Что-что! Знамо что – полицию звать.
- А вроде уж кликнули, нет?
- Не знаю я.
- А дите?
- Дите в сиротский дом определяют. Токмо там не заживешься.
- Да, помрет дите, как Божий день ясно.
- Смотри – все как Ксения сказывала!
- Подождите! Не надо полицию звать! Я дите возьму. Я! Спросите, люди скажут, я Марья, вдова унтер-офицера Антонова Павла Егоровича... Нам с мужем Бог детей не дал... Мне Ксения блаженная указала!..
- Чего указала?
- Чудо Господне!
- Что за чудо еще?
- А то и чудо, что приходит ко мне Ксения и молвит: «Вот ты тут сидишь, Прасковья, да чулки штопаешь, а не знаешь, что тебе Бог сына послал! Беги скорее на Смоленское кладбище! Беги, не мешкай!» Я и припустилась скорой ногой. Вот оно и все!
- Дивно!
- Чудо! Истинно!
- Господь ей за ея жизнь, доподлинно праведную, прозорливостью наградил.
- Словом ее и веждаюсь!

На Красную горку, да, тогда кажись... Приходит к нам в дом Ксения. И говорит:

– Эх, красавица! Ты тут кофий варишь, а твой муж жену хоронит на Охте. Бежала бы ты туда, что ли.

Я ей в ответ:

– Как же это может быть? Мой муж, да жену хоронит?

И матушка мне в один голос вторит:

– Как так, Андрей Федорович? У нее не то что мужа, а женихато нет.

Ксения нам отвечает:

– Некогда язык бить. Коли счастья себе и ему желаешь, так ступай, как сказано!

Я ей:

– Да куда – ступай? Куда?

А она, значит, опять свое:

– Или не слыхала, или на ухо туга стала, или по-нашему разуметь перестала от кофию? На Охту! На Охту, касатка! Поторопись! Я тебе худого не пожелаю. Я тебя как родную люблю. Тихая ты, ласковая, нраву кроткого, как моя Ксеньюшка... Царствие ей Небесное! Иди, иди, не спрашивай ни о чем! Бог все ведает!

Я ее послушалась и с матушкой заодно пошла на Охту. Гляжу: хоронят кого-то – люди идут за гробом. Ну и мы с матушкой за ними воспоследовали. Стало быть, хоронили молодую женщину, доктора жену, от неблагополучных родов преставившуюся... Ну, погребенье закончилось, народ расходится стал, а муж покойной стоял так, на могильный холм глядит, да вдруг падает навзничь. Мы с матушкой насилу подхватить и успели!.. Так знакомство наше с Павлом Аркадьевичем неожиданно и случилось... Хотя, как неожиданно, когда Ксения нам его предрекла!.. А спустя год Павел Аркадьевич сделал мне предложение, и я стала его женою. Так и живем по се поры счастливо, слава Богу!

Клеймо «УСПЕНИЕ»

КСЕНИЯ. Что? Пора уже? *(Пауза.)* Я долго ждала тебя. Долго-долго!

СМЕРТЬ. Я ведаю.

КСЕНИЯ. Я так долго ждала... Тогда, давно... до отчаянья звала тебя!

СМЕРТЬ. Я знаю. Отчаянье – грех есмь.

КСЕНИЯ. Я знаю...

СМЕРТЬ. Ты готова?

КСЕНИЯ. Да.

СМЕРТЬ. Хорошо.

Пауза.

КСЕНИЯ. Дивно!

СМЕРТЬ. Чему ты дивишься?

КСЕНИЯ. Я не ведала... что ты – мужского звания...

СМЕРТЬ. Я то, что есть. Как и ты. Ты от своей женской породы отринулась, отвергла ее? Чего для?

КСЕНИЯ. А реки мне теперь... что будет теперь?

СМЕРТЬ. Все узришь, все познаешь.

КСЕНИЯ. Узрю ли я Андрея Федоровича, мужа моего?

СМЕРТЬ. Ты была терпелива всю жизнь свою. Потерпи еще малость самую. И все тебе откроется.

КСЕНИЯ. Ответь мне тогда: почему ты ныне являешься, а не когда я так звала тебя, когда молила?

СМЕРТЬ. Каждому своя чередка. Тогда тебе не срок был.

КСЕНИЯ. И мне всегда было боязно... что я не буду готова, когда ты придешь про меня... Я видала мертвецов. Бывала подле тех, кто дух испускал, чья душа отлетала при мне. За руку держала преставившихся... И кажинный раз это было по-другому. И никогда в те разы я тебя не видала. Тебя токмо тот зрит, кто последний свой вздох испускает?

СМЕРТЬ. И то не все. Немногим дано меня зреть.

КСЕНИЯ. Отчего, поведай мне, вот когда душа из тела источается, отлетает вон – тело человеческое делается ровно мешок с костями – безобразное...

СМЕРТЬ. Чего тут? Плоть без души мешок с костями и есть.

КСЕНИЯ. Да, правда, так...

Пауза.

СМЕРТЬ. Страшно тебе?

КСЕНИЯ. Я много видала, как человек кончается. Мало кто тебя приемлет, как должно – как благодать...

СМЕРТЬ. Противятся, артачатся, упорствуют...

КСЕНИЯ. Люди! Человечки. Страшно им. Я всегда их уговаривала... утешала, что токмо мука их пресекается смертью, а несказанная радость новой жизни обретается!

СМЕРТЬ. Верили тебе?

КСЕНИЯ. Когда как.

СМЕРТЬ. Пуще смерти, страшатся оне муки телесной, которая – смерти предшествует. По слабости своей человеческой – к плотской боли терпения не имеют.

КСЕНИЯ. А иные пуще боятся не этого. А того, чего не ведают, и что разум их вместить не может: что после с душой их станет? Грехов своих страшатся. Иным грехи их – хуже, чем язвы растравленные болят. Трепещут пред Божиим судом – предстать.

СМЕРТЬ. Мало таких. Которые с разумом и совестью. Более тех, что жили тварям подобно, и смерть встречают, дрожа аки твари.

КСЕНИЯ. И они – Божьи твари!

Пауза.

КСЕНИЯ. Ну, что? Я готова.

СМЕРТЬ. Неужто в тебе нет сомнения: что вот, вдруг там за порогом мира сего – несть ничего?! Тьма! Пустота! Смерть – венец всему. И только!

КСЕНИЯ. Нет. Ты меня искушаешь. Зря то.

Пауза.

СМЕРТЬ. Знай! Смерти нет. Сказано: Любовь сильна аки смерть. Так и смерть – любовь есть. Для тебя небытия не будет. Жизньнюю свою в мире сем стяжала ты себе жизнь вечную. Немногим такая благодать даруется – в двух мирах обретаться. Но тебе – дадено. И впредь – всем сирым да убогим, страждущим и просящим – благоволить и сострадательствовать, подсоблять исцелением, предостережением ли...

Пауза.

СМЕРТЬ. Иди! Обниму тебя!

Объятие. Темнота.

Эпилог

...Мать!.. Она мне, значит, на суровой нитке, с крестиком вместе, маленькая... не знаю, как называется... иконка, наверно... образок типа... с ней, с Ксенией Петербургской... – святая там вроде какая-то типа... маленькая такая, серебряная... И, короче, мне, значит, дембель уже подходит... И мать в часть приперлась. Я охренел вообще. Говорю: «Мать! Ты че? Тут тебе курорт, мля?! Сколько бабла – на

дорогу! Я сам через две недели уже дембельнусь!» Ладно, забирает меня на свиданку, идем там в город, жрем че-то... Лимонад, бя... Потом она типа че-то засобиралась так... Резко так! Я говорю: мать, ты че? Она: у меня автобус, что ли, какой-то чартерный-шмартерный... Я, короче, ничё не понял! А она – свалила. Я еще погулял чуть-чуть и назад – в часть. (*Короткая пауза.*) А там... Чехи всех вырезали. Всех... Все валяются – кишки наружу... У кого горло... у кого вообще... Блядь!..

У меня чуть башню не снесло на хер!.. Комиссовали меня. Я домой приезжаю – рассказываю, а мать говорит: ты чё? Я к тебе не приезжала...

Короче, мать мне потом говорит: это, мол, она, ну, эта святая... Она, типа, меня спасла...

Хрен его знает, может и так?.. Главное, что живой, мля! Правильно?! Эй, бабуля! Куда свечку-то ставить?

ТРОПАРЬ

*Нищету Христову возлюбивши
безсмертные трапезы ныне наслаждаешися,
безумием мнимым безумие мира обличивши,
смирением крестным силу Божию восприяла.
Сего ради дар чудодейственной помощи стяжавшая,
Ксении блаженная,
моли Христа Бога
избавитися нам всякого зла покаянием.*

*Клейма – в русской иконописи небольшие композиции с сюжетом из жития того святого, кому посвящена икона, располагающиеся вокруг центрального изображения средника.

"ГОРОД"

ПЬЕСЫ И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

РАССКАЗ

"ГОРОД" №23, 2008 г.

Все врут календари...

А.С. Грибоедов

Николай Ильич – сорокадвухлетний лысеющий и склонный к полноте инженер-технолог сидел у себя дома один в кресле под торшером и перелистывал странички только что купленного отрывного календаря на будущий год, до начала которого оставалось всего три дня.

Календарь был астрологический, и Николай Ильич с удивительным для себя любопытством читал: «Уран – седьмая по астрономическому счету планета, открытая в 1781 году В. Гершелем и первая из так называемых «телескопических планет...»

Прочитав, он перелистнул страницу и вырвал из календаря следующий листок – «7 января. Вторник». Календарь на будущий год, до начала которого оставалось еще три дня, остался без Вторника, 7 января.

Николай Ильич хмыкнул, и мельком проглядев, что было напечатано на обороте, быстро-быстро стал листать календарь дальше. Остановившись, вырвал еще одну страницу. Дата на ней была – «23 февраля. Среда. День защитника Отечества».

Пошелестев страничками, Николай Ильич вырвал из отрывного астрологического календаря Субботу, «8 марта». Подумав, пожевав губу, и опять хмыкнув, Николай Ильич лишил будущий год еще одного дня – «1 апреля. Воскресенье».

Осиротевший на четыре дня календарь он отложил в сторонку и взялся разглядывать числа и дни на вырванных страничках:

7 января. Рождество. Вторник.

23 февраля. День защитника Отечества. Среда.

8 марта. Международный женский день. Суббота.

1 апреля. День юмора. Воскресенье.

Получалось, что все это были праздники, за исключением 1 апреля, который, впрочем, тоже, с некоторой натяжкой, можно было отнести к праздникам, к тому же он попадал на воскресенье.

Николай Ильич не любил праздники.

Он аккуратно вложил листочки обратно в календарь и убрал его в нижний выдвижной ящик книжного шкафа, где уже лежали

несколько отрывных календарей за прошлые годы. Там же, в выдвинутом ящике, лежал старый, распухший от семейных фотографий альбом, в истертых, малиновых, бархатных корках, пачка писем и поздравительных открыток, с неизменным, выведенным корявым почерком: «Здравстуйте, дорогие Коля и Рая...»

Позвонили в дверь и, распрямляя затекшую поясницу, потягиваясь, Николай Ильич поплелся, шаркая тапочками со стоптанными запяточниками, отворять дверь. Пришла его жена – высокая худая женщина с потухшим взглядом и крашеными хной волосами.

Следом явилась и дочь – барышня четырнадцати лет, от которой пахло сигаретным дымом и еще чем-то – незнакомым и неприятным.

Начался вечер.

Предновогодние дни пролетели незаметно, и наступил праздник – привычная, заведенная суета и хлопоты – гости, застолье. Николай Ильич всего этого не любил. Он не знал, куда деть свое длинное, нескладное, склонное к полноте тело, все делал невпопад, мешал всем, попадая все время кому-нибудь под руку.

И чувствовал себя лишним, никому не нужным.

Предаваться безудержному, разудалому веселью ему и самому не удавалось, а тем более веселить других, не умел произносить тосты и рассказывать подходящие к месту застольные истории и анекдоты.

Вдобавок к тому, он не любил выпивать.

От сухого вина, будь оно красное или белое, у него ломило виски, а потом весь череп будто раскалывался на множество маленьких осколков, которые впивались в мозг своими острыми краями; от вина крепленого он чувствовал себя так, словно в голову забивали маленькие острые сапожные гвозди. Потом подступала тошнота, накрывая тяжелыми волнами. От пива голова его становилась чугуном тяжелой, от шампанского тоже болела голова, но по-другому, а еще пучило и неприятно бурчало в животе. От водки его почти сразу начинало поташнивать, словно он съел давнишнюю подпорченную вареную колбасу. В голове все сперва покачивалось, потом кружилось, и он или засыпал, или убегал в туалет, где его рвало над унитазом, и он долго умывался холодной водой.

Ему делалось ужасно скучно за столом, и чтоб занять себя, он много-много ел всего без разбору, от чего, впрочем, тоже потом изрядно страдал.

Слуха и голоса, как и многого другого, что делает человека незаменимым в компании, у Николая Ильича тоже не было никогда. И к тому моменту, когда празднующие созревали для «Эх, мороз, мороз!..», он старался как-нибудь незаметно, тихонько улету-

чится из-за стола, найти себе спокойное, уютное укрытие. Но, если выбраться из-за стола не представлялось возможным, он, конечно, вместе со всеми пел негромко, тонко и фальшиво, испытывая при этом чувство страшной неприязни ко всем этим старательно разевавшим рты людям, – которые в жизни, в основном, были милы и приятны, а сейчас за столом все они – родственники, друзья, знакомые, соседи, сослуживцы, распаренные крепкими напитками, зачем-то так ужасно громко вопили, стараясь переорать друг друга, дурацкие эти песни, а он, Николай Ильич, тоже должен с ними петь, иначе будет нехорошо, неловко и неудобно.

Это было мученье.

Наутро после застолья Николай Ильич, мало пивший, страдал не как все – от похмелья, а от тяжести в животе, в желудке, во всем теле – от обилия всего им вчера съеденного. И это тоже было мучительно неприятно.

Но праздники, хоть их и много в конце-начале календарного года и идут они как-то подряд, все-таки, слава Богу, проходят. Николай Ильич тайне ждал уже начала новой трудовой недели, начала привычного, размеренного ритма жизни, которая шла себе, как часы с маятником, подаренные Николаю Ильичу тещей к какому-то юбилею и висевшие теперь в спальне, и нужно было только не забывать заводить их.

Но 7 января, во вторник, как раз на Рождество, часы с маятником – тещин подарок – взяли и остановились. Видно, что-то испортилось в их механизме и возникшая тишина, лишенная столь привычного, ставшего необходимостью тиканья – угнетала, пугала. Николаю Ильичу некогда было заниматься починкой часов, потому как обременили его совсем другие заботы. У него умерла теща – Настасья Потаповна.

Никогда ничем не болевшая, очень крепкая с виду женщина, покладистого характера и неприметной внешности, шестидесяти девяти лет от роду, к которой Николай Ильич обращался – «мама», но на «вы», скончалась вдруг в одночасье как раз на Рождество, 7 января.

И Николай Ильич как в лихорадке занимался организацией похорон: автобусами, пирогами, венками, музыкантами, столовой, необходимыми бумагами, бабками, читавшими над покойницей и еще многим другим одновременно. За хлопотами было некогда погоревать о теще, с которой, как считал Николай Ильич, ему, в отличие от многих, сильно повезло. Потому что жила она тихо, старалась быть полезной и никому не мешать, любила зятя как родного и никогда не ссорилась с ним даже по пустякам.

На кладбище, как водится, Николай Ильич поцеловал тещу в восковой лоб, кинул комок мерзлой земли, громко загрохотавший по гробовой крышке, утирал несуществующие слезы скомканным носовым платком, надрывно сморкался и тщетно пытался успокоить жену, которая все время безостановочно и истошно рыдала и, в конце концов, дело дошло до обморока.

В день похорон крепко морозило, была злая метель, и все кончилось быстро. С кладбища поехали в заказанную столовую, справлять, как положено, поминки, потом измученные и разбитые вернулись домой, в осиротевшую, какую-то совсем словно чужую квартиру, где соседка уже вымыла полы.

Раиса Васильевна, жена Николая Ильича, трудно переживая смерть матери, сама захворала. От переживаний и от болезни сделалась она очень нервной, все и всё ее раздражало, а раздражение выплескивалось на Николая Ильича, на дочь, которые все делали не так, не по ней. Все становилось в ее устах вечным упреком, любая интонация имела оттенок укоризны. Николай Ильич терпеливо сносил порою очень неприятные попреки больной жены, считая причиной их нездоровье и угнетенную нервную систему. Он вообще был человек терпеливый.

Кроме жены отдельное беспокойство доставляла ему дочь Екатерина, которая все чаще стала возвращаться домой слишком поздно. Все сильнее пахло от нее табаком, а иногда ощущались и алкогольные ароматы, а еще какой-то стойкий, но трудноопределимый, откровенно мужской запах. Николай Ильич только морщился и молчал, ничего не говорил дочери, предоставляя жене излить на нее все накопившееся за день раздражение.

Дочь с каждым разом все резче, все грубее отвечала на попреки и ругань матери, бывало, что обе они по часу орали друг на друга, а Николай Ильич не знал, куда ему деваться, и что делать. Ему хотелось убежать из дому. Он закрывал ладонями уши и просил про себя, чтобы случилось что-нибудь такое, от чего эти крики, визг и вопли хоть на мгновение смолкли.

Несколько раз дочь не являлась ночевать совсем. По этому поводу с Раисой Васильевной случались нервные приступы. Она кричала, что они воспитали шлюху, плевала Николаю Ильичу в лицо, называя его тюфяком, пустым местом, бабой и прочими обидными словами, дико хохотала, рвала на себе волосы и одежду. Приходилось вызывать скорую.

Появившись поутру дочь не считала нужным оправдываться и вообще что-либо говорить, и молчком запиралась у себя в комнате. Жена Николая Ильича спала после уколов и, если просыпалась и заставляла дочь, не успевшую опять уйти, — все начиналось заново. Дочь уходила, хлопнув дверью, и опять не возвращалась ночевать.

Однажды дочь не являлась домой две ночи подряд, а на третий день Николая Ильича вызвали в милицию для опознания трупа. Было 23 февраля. Среда. Рано утром ее тело было найдено в снежном сугробе на обочине трассы М-5 Москва-Екатеринбург, в двух километрах от поста ГАИ, на выезде из города, и по предположению следственных органов было выброшено на ходу из проходящей машины. Смерть наступила вследствие проникающего ножевого ранения в область сердца. Никаких свидетелей не объявилось. При вскрытии была установлена двухмесячная беременность потерпевшей.

Было заведено уголовное дело, но ни Николай Ильич, ни маленький востроносый следователь с глубокими залысинами на висках и бесцветными глазками, который все время стряхивал с воротника своего пиджака крокодильчиков, не верили, что когда-нибудь хоть кого-то найдут.

В морге Николай Ильич едва взглянул на лицо мертвой дочери и не узнал ее, и ему сделалось совсем худо. Ему сунули в нос вату с нашатырем, он подписал какие-то бумажки и с трудом пошелся домой.

Была оттепель. Почти по-весеннему пригревало солнце, с крыш капало, громко гомонили птицы, но слезы в глазах мешали ему видеть все вокруг себя.

Известие о смерти дочери Раиса Васильевна встретила равнодушно. Сказала только почти со злорадством что-то вроде: я знала, что эта б... этим кончит, и тут же осыпала Николая Ильича новыми непотребными оскорблениями.

И опять начались похоронные мытарства.

Раиса Васильевна не проронила ни единой слезинки, и сидела в изголовье гроба вся в черном, глядя куда-то в угол пустым взглядом. От болезни у нее сделалось одутловатое лицо, вокруг глаз образовались черные круги, кожа стала иссохшей и желтой.

Николай Ильич был рад уже тому, что жена не бьется, не кричит, не ругается на него похабными словами. Он тоже как-то разом сдал, постарел, сморщился, очень резко проступили глубокие морщины вокруг рта, он сильно похудел, левый глаз непрерывно дергался, руки все время дрожали.

На кладбище Николай Ильич горько плакал, ладонями растирал слезы по лицу. Ему мучительно было жалко дочь, которую он сильно и нежно любил, и вдруг почему-то вспомнил теперь, как купал ее маленькую в большом оцинкованном корыте.

Когда кидал горсть земли, он поскользнулся на осклизлом краю могилы и едва не упал вниз на гроб. Кладбищенский рабочий чудом успел удержать его за полу пальто.

Еще он случайно услышал обрывки бормотания какой-то незнакомой и неприятной старухи в допотопном пальто с лысым меховым воротником, обращенные к женщине с хищным, как у птицы лицом: «...добром не кончится... еще покойник будет... вот поглядите...»

Николай Ильич не дослушал, потому что с Раисой Васильевной случился опять приступ: встав на коленки, она руками стала забрасывать в могилу землю, выкрикивая при этом поношения в адрес мертвой дочери, Николая Ильича и всех, кто попался ей на глаза. Она плевалась, хохотала, каталась по истоптанному грязному снегу, и опять рвала на себе одежду и волосы. Врач вызванной неотложки сказал, что нужно госпитализировать. Ее отвезли в больницу на улицу Нагорную прямо с кладбища.

Потом в больнице Николаю Ильичу сообщили: у его жены нервное истощение, сильнейший стресс, депрессивный психоз, и ее необходимо тщательно обследовать, понаблюдать в условиях стационара, и тому подобное, что обыкновенно и говорят в таких случаях.

Николай Ильич остался совсем один в своей трехкомнатной приватизированной квартире. Он пугался пустоты и тишины; выспался, что так и не избавился от детской боязни темноты, и ночами спал при включенном свете. Тишина, неуютность, вызванная отсутствием рядом близких людей, вообще нарушение всего привычного строя жизни угнетали Николая Ильича. Ему было тоскливо и скучно.

Он пробовал, как и раньше, удобно устроившись в кресле, включив торшер, смотреть вечерами телевизор, но все, что показывали ему в фильмах и передачах или раздражало и расстраивало его, или пугало, внушало ужас перед такой страшной, бесприютной и беспощадной жизнью. С экрана словно выплескивали на Николая Ильича, как ледяную воду, все самое тяжелое, самое отвратительное, и липкий страх заползал за шиворот, вздыбливая волоски на спине и руках. Николай Ильич чувствовал, как струйки холодного пота стекают из подмышек по туловищу. Он перестал включать телевизор.

Он пробовал читать, вспомнив, как когда-то он запоем проглатывал хорошие книги. Так однажды он наугад вынул из шкафа с застекленными дверцами книжку и также наугад открыл ее.

Он начал читать, но строчки все время прыгали у него перед глазами, буквы перекатывались по листу, как ртутные шарики, он никак не мог сосредоточиться, сфокусировать свой взгляд, который заволакивало каким-то туманом, и ему не удавалось прочесть ни строки.

Пролистав несколько страниц, он отыскал заглавие. Рассказ назывался «Смерть Ивана Ильича».

В больнице его перестали пускать к жене, так как в связи с эпидемией гриппа в отделении объявили карантин, и посетителям разрешено было только оставлять передачи.

Как-то, когда он по привычке доставал из почтового ящика газеты, которые Николай Ильич тоже не читал, а складывал стопкой на журнальный стол, из газет вывалился, упал к его ногам конверт. Знакомым корявым почерком родственников жены, уехавших когда-то в теплые края, был выведен адрес.

Войдя в квартиру, не раздевшись, Николай Ильич поспешно разорвал конверт и принялся читать письмо прямо в коридоре.

«Здравствуйте, дорогие наши Коля и Рая!

Как-то вы там живете, наши милые, любимые? Все ли у вас благополучно? А у нас вот совсем беда. Совсем нам тут не стало никакого житья, потому как все наши русские отсюда поехали и остаемся здесь пока одни мы да еще двое старичков, которые через два дома от нас живут. Им совсем податься в России некуда все детки у их уже перемерли. Да и нам чего делать никак не придумаем. Жить нам тут больше мочи нет и хоть нас пока еще не режут не убивают а все только пугают но видать что делать нам тут нечего. И все которые наши были знакомые нерусские хоть и не обижают нас а все равно советуют чтоб мы значит лучше ехали домой на родину свою. Вот стало быть и хотим мы тоже все тут бросить потому что продать ничего нельзя никто не купит потому что знают что все равно мы отсюда смотаем удочки да в Россию перебраться к вам дорогие вы наши поближе. Приютите ли нас на первое время пока мы как-нибудь не обустроимся...»

У Николая Ильича заболели глаза от корявого прыгающего почерка и от того, что пальцы его, сжимавшие листок, мелко дрожали с листком вместе. Он бросил читать. Ему стало совсем скучно и тоскливо.

Он сложил письмо обратно в конверт и открыл нижний выдвижной ящик книжного шкафа, опустил письмо и закрыл ящик. Потом он снова открыл ящик и вытащил оттуда альбом с фотографиями в малиновых истертых бархатных корках и принялся разглядывать семейные снимки, сделанные в разные годы.

С фотографий на него смотрели дочь, жена, теща, он сам, родственники, друзья, знакомые, совсем какие-то посторонние люди, которых Николай Ильич не знал или не помнил. Фотографии были перемешаны, их можно было тасовать, как колоду карт, раскладывать, как пасьянс. В основном альбом состоял из любительс-

ких фотографий, со сбитым фокусом и плохой выдержкой. Имелось еще несколько цветных фотографий, сделанных в фотоателье. На них с неподвижными, застывшими лицами, чуть склонившие друг к другу головы, были запечатлены он с женой – совсем молодые; он, жена, дочь детсадовского возраста. Та же композиция с дочерью-первоклассницей в парадном белоснежном фартуке и громадными бантами и еще несколько подобных карточек. На уголке снимков красовалась золотая тисненая надпись: «Фотоателье «Заря», – и указывался год. Кроме того, полно было маленьких фотографий всех членов семьи, снятых для различных документов с белым обрезом по краю под печать. Были, наконец, снимки, сделанные курортными фотографами, а еще – их с женой свадебные фото.

Ему стало мучительно жалко самого себя, и он заплакал тихо и горько. Плакал Николай Ильич долго, плакал с наслаждением, но облегчения от слез не почувствовал.

Когда запикивал он обратно в ящик объемистый альбом, на глаза попался отрывной календарь на текущий год. Зачем-то он взял его в руки, и из календаря вывалились несколько вырванных листиков.

Николай Ильич держал их в руках, смотрел на числа, читал время восхода и заката солнца, долготу дня, переворачивал, читал написанное на обратной стороне – рецепт мордовской кухни, астрологический прогноз на год для рожденных под знаком Козы по восточному гороскопу, еще какую-то ерунду, и снова разглядывал числа. Он вспомнил тот день за три дня до начала Нового года, когда сам вырвал эти листочки из отрывного календаря...

В голове что-то вспыхнуло, словно в крошечной темноте чиркнули спичкой, огонек на мгновение озарил неясное пространство вокруг, и, видимо, сырая, спичка тут же погасла, а темнота стала еще гуще. Потом в голове Николая Ильича что-то громко, как тугий тумблер, щелкнуло, и как яркий электрический свет снизошло озарение, он с пронзительной ясностью понял, что знает, когда умрет его жена. Он понял, что это случится завтра. Потому что завтра 8 марта. В руках он держал листок, на котором стояла эта дата «8 марта. Суббота». Долгота дня завтра, согласно календарю – 11.11, восход солнца – 7.05, заход – 18.16.

7 января скоростно скончалась теща. Серый листочек газетной бумаги с цифрой семь, со словами «Январь» и «Вторник», лежал теперь перед ним. 23 февраля погибла дочь. И этот вырванный из календаря листок был здесь же, на столе, перед Николаем Ильичом, в кругу желтого света от лампы.

В руках Николай Ильич держал день смерти своей жены. День, который еще не наступил.

Но оставался еще один вырванный из злополучного календаря лист. На нем жирной красной типографской краской была отпечатана дата «1 апреля. Воскресенье». Как и все другие вырванные листки, он означал только одно – точную дату смерти. Его, Николая Ильича, смерти.

Николай Ильич крепко зажмурился, желая спрятаться от этого ужаса. Красные, синие, зеленые пятна расплылись в сумраке сомкнутых век.

Какая может быть связь между бумажками, с цифрами на них, и его, Николая Ильича, жизнью? Это глупость, ерунда, чушь...

Но странная уверенность, что в дрожащих руках у него роковые даты неизбежной смерти, которая вот, совсем близко, кажется, дышит ему в затылок ледяным, нездешним холодом, охватила его.

Мелко дрожа всем телом, он открыл глаза и резко оглянулся. В приотворенную форточку задувал холодный, совсем еще зимний ветер. За окном, не смотря на календарный март, мела метель. Он подошел к окну, закрыл форточку, уткнулся лбом в прохладное стекло и принялся глядеть в темноту за окном, ничего не различая.

Он постарался отогнать нелепые мысли о смерти, так явно, так вещественно обозначенной жирными цифрами, отпечатанными типографской краской на серых листках, вырванных из отрывного календаря его рукой. Но попытки думать о том, что жена не умрет вовсе, что теперь, сейчас она жива, а, значит, может быть, совсем еще ничего не произойдет, ничего не будет, ничего не случится, что все это какое-то чудовищное совпадение – были тщетны.

Что-то внутри, в паху, в желудке, в груди – тупо ныло, мешало отвлечься от пронзительной, застрявшей как заноза под ногтем, мысли: завтра, 8 марта, жена неизбежно, обязательно умрет. Он был уверен, он просто знал. Знал и все.

Николай Ильич не спал. Он сидел, глядя на листки перед собой, всю бесконечно долгую ночь. На него нашло какое-то оцепенение: он совсем ничего не чувствовал, мысли раскрошились и осыпались. И невидимая, неведомая тяжесть навалилась и давила сверху.

Только перед рассветом Николай Ильич забылся сном совсем ненадолго.

Когда он очнулся, лампа горела, часы стояли, показывая четверть четвертого, листки валялись на полу.

Тут же зазвонил телефон. Николай Ильич вздрогнул, бросился к аппарату, зацепил ногой шнур, выдернул штепсель. Он выругался, вставил штепсель обратно в розетку и целую минуту ждал: не позвонят ли опять.

Но телефон словно умер. И Николай Ильич стал судорожно крутить пластмассовый диск, плохо попадая трясущимися пальцами в отверстия.

Николай Ильич набрал номер больницы. На другом конце провода после томительных гудков молодой женский голос произнес с протяжными интонациями: «Але-о! Второе отделение. Слушаю...»

Николаю Ильичу сообщили, что его жена скончалась сегодня, приблизительно минут пятнадцать четвертого утра. Причиной назвали оторвавшийся тромб, закупоривший сосуд, ведущий к мозгу.

Николай Ильич открыл один глаз, потом другой. Он чувствовал боль в спине и затылке оттого, что ему было жестко и неудобно лежать. Он чуть приподнял голову и увидел свои руки, сложенные на груди. Между пальцами – бумажный образок Николая-угодника, купленный когда-то тещей в ларечке у церкви.

Николай Ильич лежал на столе. На разложенном как для праздника столе-книжке в большой проходной комнате своей приватизированной квартиры. Его длинное тело едва помещалось на разложенном столе-книжке. На нем был его темно-синий выходной костюм, шею давил галстук, ноги обуты в новые, купленные перед Новым годом туфли. В руках иконка. Больше всего удивило, что лодыжки оказались связаны бечевкой. Он с трудом сел, глядя на знакомые вещи в комнате: журнальный столик с кипой газет на нем, кресло, торшер, сервант, книжный шкаф с выдвинутым нижним ящиком. Рядом на полу валялся альбом с рассыпанными фотографиями, письма, какие-то еще листки. Николай Ильич повертел в руках образок с бородатым тезкой-чудотворцем и, не зная, куда его определить, засунул во внутренний карман пиджака. Он попытался развязать бечеву на ногах, но затянул узел. Тогда он сильно дернул и порвал непрочную веревку. Ноги и все тело затекли.

Сколько времени он лежал так? Наверное, долго. Он не понимал, что с ним. В зеркальной глубине серванта, за фаянсовыми чашками чехословацкого сервиза и хрустальными рюмками в виде сапожков, отразилось незнакомое лицо, сильно заросшее седой щетиной.

Николай Ильич сполз со стола и встал на одеревеневшие, негнущиеся ноги. Новые туфли жали. Он чувствовал: он запомнил что-то очень важное, что могло все объяснить; силился вспомнить, и никак не мог. Он прошелся по комнате, остановился возле выдвинутого нижнего ящика книжного шкафа, наклонился, стал подбирать фотографии, запихивать их в ящик. Потом туда же он запихнул письма. Оставались еще листки, оказавшиеся листочками отрывного календаря на текущий год.

И опять что-то знакомо щелкнуло внутри головы Николая Ильича, и он вспомнил...

Внезапно он вспомнил, что у него умерла теща. Потом дочь. Потом жена. И, главное, самое важное, он, Николай Ильич, тоже должен был умереть.

Смутно припомнилось: узнав о смерти жены, он впал в какое-то беспамятство. Что-то с ним случилось, произошло в голове... Да, ему было страшно. Он боялся смерти. Она мерещилась ему огромным отвратительным уродливым чудищем, липким и холодным, которое неизбежно, неотвратимо придет, явится и...

(Он почувствовал, как тело покрывается гусиной кожей, огромными мурашками: невозможно представить, что будет после этого «и»...)

Да, смерть казалась неизбежной и неотвратимой... неотвратимой и неизбежной, потому что цифра с точной датой ее прихода была оттиснута на тонкой газетной бумаге отрывного календаря на текущий год. Как и другие цифры на других листках, вырванных им из астрологического календаря...

Да, чувствуя себя загнанным в капкан зверем, приговоренным к смерти преступником, ожидающим только часа казни, он сначала впал в неистовство: с проклятиями метался по квартире, опрокидывая мебель. Потом его охватило дикое, животное отчаяние, он выл и стонал, обращаясь неведомо к кому, могущественному, способному его спасти и излечить...

Ответом было глухое, безмолвное дыхание. Потом его обуяла жажда деятельности; он судорожно и торопливо воссоздавал нарушенный порядок, восстановил на своих местах перевернутую мебель, взялся мыть полы, окна, зеркала, люстру, чистить все, что попало под руку, но ничего не мог закончить. Утомившись, он, наконец, впал в апатию, разом все сделалось ему безразлично, бесконечно скучно. Ему стало все равно: умрет он или нет. И вяло хотелось, чтоб то, что должно случиться, случилось скорее.

Со дня смерти жены он не выходил из дому, ел то, что находил в холодильнике, а потом жевал какие-то крупы, запивая их водой, потом почти совсем перестал есть. Он все время лежал в спальне на софе, отвернувшись к стене, почти уткнувшись лицом в ворс ковра, неподвижно, с открытыми глазами. Думать он не мог, вместо мыслей была какая-то волглая вата. Единственное, что он еще делал сознательно – каждый день отрывал новый листок в астрологическом календаре на текущий год. День «1 апреля» приближался.

Иногда на него находило какое-то странное просветление. Так, однажды он поднялся с софы, поплелся в ванную, умылся теплой водой, хотел побриться, но передумал, облачился в выходной темносиний костюм, надел новые, купленные перед Новым годом туфли, разложил посреди комнаты стол-книжку, взял с серванта маленькую иконку св. Николая-угодника, купленную некогда тещей, ставшей с годами набожной. Лег на стол, сложив на груди руки с образком, как покойник. Закрыв глаза. И стал ждать.

До первого апреля оставалось три дня.

А теперь он очнулся. Словно вынырнул из глубокого омута беспомощности и забывтья. Словно пришел в себя после тяжелой, изнурительной болезни, отнявшей все силы. Он был жив. Жив. Значит, ничего не случилось? Осунувшееся лицо, заросшее седой щетиной, кривилось неуверенной улыбкой выздоравливающего из зеркальной глубины серванта.

Какая-то мысль заставила его вздрогнуть. Он суетливо оглянулся в поисках телефона, увидел аппарат, схватил трубку. Трубка мертво молчала. Несколько секунд он ничего не мог сообразить, пока не понял, что штепсель телефонного шнура выдернут из розетки. Он судорожно воткнул штепсель в розетку. Трубка ожила и жалостно загудела. Дрожащими пальцами Николай Ильич с трудом набрал номер.

Женский, но какой-то неживой голос монотонно пробормотал ему в ухо: «Сегодня, 1 апреля, ожидается переменная облачность...»

Трубка выпала из трясущейся руки Николая Ильича. Было слышно, как голос продолжал бубнить: «...температура ночью +4, +5 градусов...»

В спальне вдруг загромыхал гром, – это забили часы, и оттуда вышла умершая 7 января теща Николая Ильича. Она улыбалась Николаю Ильичу маленьким безгубым ртом.

– Проснулся, Коля?! Ну и слава Тебе, Господи! Часы-то опять ходят, Коля, – продолжая улыбаться, сообщила она, – слышь?!

Часы, остановившиеся в день смерти тещи, и вправду шли и били громовым боем.

– Мама?.. – пробормотал Николай Ильич. – Мама, это вы?..

Оглушительно зазвонил телефон, из-за спины бабушки выскочила и устремила к телефонному аппарату дочь Николая Ильича, барышня пятнадцати лет, убитая ударом ножа под сердце и выброшенная на грязный снег на обочине трассы М-5 Москва-Екатеринбург в двух километрах от поста ГАИ. Она шумно задыхалась в телефонную трубку, произнося негромко, таясь, одни междометия.

Николай Ильич смотрел на дочь, которую он похоронил, которую целовал в восковой, незнакомый лоб в гробу на кладбище, и не мог позвать, окликнуть – «Катя!», потому что слова застряли в гортани, сбившись в комок, а к глазам подступили слезы.

– Мама! – раздался на кухне знакомый голос жены Николая Ильича, скончавшейся в больнице от закупорившего сосуд тромба. И следом появилась сама Раиса Васильевна, спокойная, довольная происходящим на кухне, веселая, в незнакомом, похожем на больничный, халате. Под глазами у нее не было черных кругов, и лицо было здоровое, румяное.

– Рая, Коленька очнулся! – воскликнула Настасья Потаповна. – Слава тебе, Господи!

Жена подошла к Николаю Ильичу и провела рукою по его волосам. Он почувствовал знакомый запах ее кожи, ее терпких духов, а еще какой-то больничный, лекарственный, тревожный запах.

– Вот и хорошо, – сказала жена.

Николай Ильич стоял как истукан, боясь шелохнуться, чтобы не спугнуть видение. И даже когда промелькнувшая, легкая, как ветер, дочь Катя на ходу слегка коснулась губами его небритой щеки, сморщилась, сказала: «Фу, колючий какой!», исчезла за дверьми в прихожую, и оттуда уже крикнула: «Я ушла, пока!», Николай Ильич продолжал стоять неподвижно, будто врос в пол.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Раиса Васильевна. – Не плохо тебе?

«Все хорошо», – хотел ответить жене Николай Ильич, но вместо этого он вдруг сказал: «Рая, разве ты живая?».

– А вы, мама... вы... вы, разве, тоже не померли? – спросил Николай Ильич, разворачиваясь всем своим склонным к полноте телом к теще. – А Катька? – голос у Николая Ильича сорвался на петушиный крик, но он продолжал захлебываясь словами и слезами. – Катьку... убили, ножом зарезали! Я ее похоронил! Она умерла! Вы все – умерли!

– Коля!.. – тихо и строго начала жена.

Но Николай Ильич отмахнулся, сквозь слезы, которых остановить не мог и не хотел, вскрикнул, словно его больно ударили.

– И я? Да?! Я – тоже?.. Я умер? Да? Ответьте мне! Да?!

– Господи Иисусе, святые угодники!.. – залепетала с присвиством теща.

– Что с тобой, Коленька? – уже не строго, а ласково сказала Раиса Васильевна. – Ты еще болен, Коля. Успокойся, пожалуйста... Тебе нужно лечь.

– Ты мертвая, Рая! Мертвая! Вы все – мертвые!

Николай Ильич заметался по комнате под охи и восклицания жены и тещи, выскочил в коридор, ввалился в ванную, захлопнул дверь и защелкнул шпингалет.

В ванной он открыл воду. Упругая струя с шумом ударила в эмалированное дно чугунной ванной. (Николай Ильич упорно сопротивлялся, никак не хотел менять старую чугунную ванную на новую, более легкую, но смирился с тем, что обновили эмаль.)

Он подставил руки под холодную струю, зачерпнув, намочил лицо, с удовольствием почувствовал свежесть и прохладу. Ему показалось мало, и он, скрючившись, сунул всю голову под кран.

Холод ударил в висок, вода затекала за воротник, маленькие колкие шарики-капли скатывались по шее вниз, струйки потекли по спине между лопаток, затекли в подмышки, от этого кожа покрылась сыпью мурашек. Николай Ильич поворачивал голову под струей, подставляя то затылок, то стараясь подставить лоб...

Он протянул руку за полотенцем, наощупь нашел его на пластмассовом крючке, приклеенном к стене, сдернул. Сидя на краю ванной, Николай Ильич вытирал озябшую голову, жидкие свои волосы, серые, выцветшие, как вся его жизнь. От холодной воды было ему зябко, даже зубы стучали слегка. Он завернул кран и прислушался.

За дверь в ванную – в комнатах приватизированной квартиры – было тихо.

«Нету там никого, – подумал Николай Ильич. – Они – мертвые. Мертвые!.. А я?». И тут Николай Ильич увидел себя в зеркале, висевшем над раковиной, увидел совсем близко – перекошенное ужасом, отекавшее, серо-желтое, болезненное лицо, мешки под глазами, торчащую ключьями седую щетину на дряблых щеках и подбородке, которая, вспомнилось ему вдруг, продолжает расти у мертвецов. Он мучительно вглядывался в свое отражение, в тусклые, тоже выцветшие глаза, в сетку морщин вокруг глаз, в морщины на лбу и вокруг рта, словно пытаясь увидеть в них или угадать по каким-то признакам: жив он или нет. Смотрел – и не мог понять.

Он силился что-то почувствовать, но никаких ощущений не было. Ни привычных болей в спине, в суставах, ни мигрени, которая часто так возникала последнее время, то ли от давления, то ли просто от всего – ничего не было, даже сердце, казалось ему, не билось.

«Значит, умер», – Николай Ильич констатировал этот факт с удивительным равнодушием. Ему только было неприятно видеть себя мертвым. Он взял стеклянный стакан, стоявший на пластмассовой полке под зеркалом, в котором раньше хранился зубной протез его тещи, и с силой швырнул стакан прямо в свое лицо.

Зеркало зычно треснуло, расколов лицо Николая Ильича. Несколько осколков – длинных и изогнутых, как янычарские ятаганы, вывалились, раскалываясь в раковине, просыпались более мелкими блестящими кусками на колени Николая Ильича, в лужу на полу у его ног.

Николай Ильич протянул руку и отщелкнул бесполезный шпингалет. Никого не было больше в квартире, он знал это наверняка.

«И что теперь?.. Как?.. Куда теперь?» – в нем булькала, как остывающий кисель, невнятная потребность в деятельности. Словно по инерции в теле его еще сохранялось какое-то количество неистраченной энергии, от которой необходимо было избавиться.

Он встал, ощущая странность тяжести мертвого своего тела, склонного к полноте, и в то же мгновение ноги его заскользили в луже с зеркальными осколками. Николай Ильич потерял равновесие, коряво взмахнул руками, хватая пальцами пустоту, рухнул, разможжив висок о чугунный край ванной, на котором только что размещался его щуплый зад. Красная тонкая змейка поползла по белой эмалированной поверхности ванной, за ней еще одна, и еще.

Он ничего не почувствовал, просто мгновенно погрузился в темноту – навсегда.

Николай Ильич – сорокадвухлетний лысеющий и склонный к полноте инженер-технолог умер в воскресенье, 1 апреля.

Приватизированная трехкомнатная квартира Николая Ильича (бульвар Ленина, 24), за неимением наследников первой очереди, отошла родственникам жены, беженцам.

КРОВАВЫЯ БАРЫНИ ДАРЬИ САЛТЫКОВОЙ,
МОСКОВСКОЙ СТОЛБОВОЙ ДВОРЯНКИ,
ПРАВДОПОДОБНОЕ
И ЕЛИКО ВОЗМОЖНО
ДОСТОВЕРНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

ДЕЙСТВУЮТ:

ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА САЛТЫКОВА — МОСКОВСКАЯ СТОЛБОВАЯ ДВОРЯНКА,
ВДОВА РОТМИСТРА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ.

ПРОХОР — НАДЗИРАТЕЛЬ В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЕ ШАРАНТОН.
ДОНАСЬЕН-АЛЬФОНС-ФРАНСУА МАРКИЗ ДЕ САД.

АНИСИМ — КАРАУЛЬНЫЙ СОЛДАТ ПРИ КАЗЕМАТЕ ИВАНОВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО
МОНАСТЫРЯ.

ИВАН — КАРАУЛЬНЫЙ СОЛДАТ ПРИ КАЗЕМАТЕ ИВАНОВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ,
24 ЛЕТ.

МАРФА — МОНАХИНЯ ИВАНОВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ.

НИКОЛАЙ ТЮТЧЕВ — СЕКУНД-МАЙОР.

ЕКАТЕРИНА II

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ

ПОТЕМКИН

АННА — КРЕПОСТНАЯ ДАРЬИ САЛТЫКОВОЙ.

ЕРМОЛАЙ — КРЕПОСТНОЙ ДАРЬИ САЛТЫКОВОЙ.

САВЕЛИЙ — КРЕПОСТНОЙ ДАРЬИ САЛТЫКОВОЙ.

АКСЮТКА — КРЕПОСТНАЯ ДАРЬИ САЛТЫКОВОЙ, ОТРОКОВИЦА.

КСЕНИЯ — БЛАЖЕННАЯ.

КРЕПОСТНЫЕ МУЖИКИ, ЛЮДИ.

Посвящается А. В.

Автор благодарит:
Наталью Санникову и Сергея Корнилова,
Елену Шевченко и Ганса-Йоганна Бидерманна,
а также Фёклу Толстую и Елену Невежину.

1801 г.

У зарешеченного и завешенного занавеской малого оконца
пристроя Ивановского девичьего монастыря люди толкаются,
заглядывают за занавеску.

- Смотри! Вон какая!
- Страх!
- Не задерживай!
- Другим тоже поглядеть охота!
- Успеешь!
- Чудно!
- Смотри – на чеи!
- Аки зверь дикой.
- Она зверь и есть!
- И волосья у нее, как сказывали!
- А она живая там? Может, сдохла уж? Лежит – не шелохнется!
- Живая! Дышит, гля!
- Давай, проходи! Залюбовались, вишь!
- Не тычься в спину мне, мордан!
- У тебя что ли зубы лишние есть?
- Погодьте! Смотри! Шевелится!
- Села!
- А она не того – не взъярится? Не кинется?
- Не обоссись тока!
- А чего – ей моча в голову стукнет! Бог весть чего у ней там
в голове деется!
- Она ж на чеи! Не достанет досель.

- А – сорвется коли?
 – Да нет! Куда!

Затемнение.

*1814 г., Шарантон. Психиатрическая лечебница.
 Де Сад скрючившись сидит в деревянном кресле на колесах.
 Лязганье замков. Входит Прохор.*

ПРОХОР. Обед.

Де Сад не отвечает.

ПРОХОР. Обедать, говорю, извольте.

Де Сад не отвечает.

ПРОХОР. Не желаете?

Пауза. Молчание.

ПРОХОР. Не порядок это, monsieur. Надобно питать свою плоть пищею, дабы жизненные соки из оной не источались!

Де Сад не отвечает.

ПРОХОР. Извольте принять пищу, monsieur. А то вы, сударь, совсем тощей сделались. Сейчас не пост. Можно и оскоромиться... Всякому действию свой срок. Сказано: время кидать камни и время оные собирать. Теперь вот время обеденному делу приспело. Следовательно, пора питание употреблять...

Де Сад не отвечает.

ПРОХОР. Что ж вы молчите, monsieur? Или вы решили плоть свою голодом истязать?.. Зачем вы хотите огорчить доброго monsieur Кульмье?

Пауза.

ПРОХОР. Или вы удумали себя голодом до смерти уморить?

Де Сад не отвечает.

ПРОХОР. Так я такого допустить не могу. Так monsieur Руайе-Коллар велит мне вас силком вскармливать!.. Разве это годится?

Пауза. Молчание.

ПРОХОР. Зря вы, monsieur, представлению устраиваете... Не хорошо, сударь... Видал я представления ваши, видал, да... По-что ж вы умом убогих кривляться, да шута горохового корчить понуждали? Одно непотребство да паскудство! Правильно, что monsieur Коллар предел им установил...

Пауза.

ПРОХОР. Ладно. Коли так. Раз упорствуете, будь по-вашему...

Проход придвигает к себе кресло де Сада. Ловко и спорно, распушенными рукавами больничного одеяния, связывает его, так что тот не может двигаться в своем кресле – сидит, как му-мия. Де Сад мычит, пытаясь сопротивляться – но все тщетно.

ПРОХОР. Как дитё малое, право слово... Придется вас как дитятю кормить. (*Зачерпывает из тарелки ложкою жидкость, под-носит ко рту де Сада.*) Откройте, monsieur, ротик. Ну! За маму?..

Затемнение.

1771 г., Москва. Потайная подземельная камера, устроен-ная при Ивановском девичьем монастыре.

Входит старый караульный солдат, освещая перед собою жалким огарком, от которого едва видно сырые каменные сте-ны. В руках у надзирателя миска.

АНИСИМ. Эй! Спишь что ли?

Никто не отвечается.

АНИСИМ. Жрать на! Эй!

Никто не отвечается.

АНИСИМ. С кем говорят?!. Спишь?

Пауза.

АНИСИМ. Чего молчишь? Спишь? Эй!.. Ты не померла?

В углу шевелится, словно куль тряпья.

АНИСИМ. Разбудил, что ли? Вставай и то. Брашно принес. Пожри вот.

Дарья садится на своей лавке. Сидит молча, неподвижно глядя на стену.

АНИСИМ. Чего ты? Жрать, говорю, на!.. Сыта, что ли?

ДАРЬЯ. Я тебе не сука безродная из собачьей лоханки помой жрать! Я дворянка столбовая! Я лейб-гвардии ромистрова вдова!.. Я!.. *(Задохнулась, закашлялась.)*

АНИСИМ. «Я», «я»! Прах ты и глен. Тулово, кишочками набитое. И ничего боле. Душа-то у тебя есть ли? Ешь, давай.

Дарья бросается на Анисима. Но цепь ее, звеня, натягивается, ограничивая ее движенья. Она обессилено валится на пол, трудно дышит.

АНИСИМ *(скорее удивленно, чем испуганно)*. Ишь ты! Кидается еще! Как волкодлак ровно! Лютая! Смиренья нисколь несть.

Долгая пауза.

АНИСИМ. Унялась, нет?

Дарья не отвечает.

АНИСИМ. Поешь, может?

Дарья не отвечает.

АНИСИМ. Сыта, стало быть...

Пауза.

АНИСИМ. Что так сидеть?.. Может... это... Я свечку задуою... И мы это... Как давеча? *(Задувает огарок.)*

В темноте громыханье цепей, дикий вой Дарьи.

ДАРЬЯ. Свету! Свету! Шихирник паскудный!

Жалкий свет вновь возникает в руках солдата.

АНИСИМ. Чего ты?! Я ж хотел... это... Ты ж вроде того... нравилось тебе...

ДАРЬЯ. У тебя поганое семя, старик. Негодящее семя. Гнилое, мертвое. Ты мне без пользы.

Короткая пауза.

АНИСИМ (беззлобно). Вот – сука! Курва волосатая!

Бормоча ругательства, Анисим выходит, унося с собою жалкий свет.

В темноте отворотный звук чавканья – жадного, звериного.

1814 г., Шарантон. Психиатрическая лечебница.

ПРОХОР (кормит с ложечки де Сада). ...рекрутировали в компанию 1799 года, когда фельдмаршал граф Суворов Лександр Василич послан был в помощь австриякам в италийскую землю... а послая чрез Альпы благополучно и скоро весьма перейдя со всем русским воинством, тем чудеса воинского искусства явив, оказался потом во цесарской стране, где меня ранило в голову крепко...

Де Сад сопротивляется. Не раскрывает рта. Но стальные пальцы Прохора сжимают его челюсть, крепко, насильно растворяя рот. Прохор льет туда жидкость из ложки.

ПРОХОР. Ай не хорошо! Не порядок... Себе же хуже ладите... Так вот, значит... Сочли меня напрочь скончавшимся, а когда потом пришел я в себя, на попечении одного местного пейзаина оставили. Он и дочь его выходили меня, но, излечив увечья телесные, был я, однако, лишен языка, то есть говорить вовсе не мог. К тому же случались у меня временами приступы корчи...

Де Сад пытается мотать головой, чтобы помешать насильственному вскармливанию. Жидкость с ложки проливается мимо рта на лицо, на усы и бороду де Сада.

ПРОХОР. Ах, как не хорошо, сударь! Что ж вы, право, артачитесь?.. Себе же во вред все! Весь суп – мимо рта! Нешто вам суп луковый так не по нутру?..

Прохор сжимает его челюсть так, что тот не может и шелохнуться.

ПРОХОР. Так вот... тогда благодетели мои, почитая меня не в своем разуме, отвезли меня в один гошпиталь, а оттуда в другой, покуда не оказался я Божиим промыслом тут в Шарантоне. Дела мои вскорости пошли на лад, на поправку, и я стал говорить и даже вполне ясно...

Де Сад сдался. Покорно сглатывает подносимую Прохором ложку за ложкой.

ПРОХОР. А от раны моей я сделался будто бы скопец, лишенный мужеского естества своего... Свободный от пут похоти – греховных помыслов и желаний!.. Меня оставили тут, в Шарантоне... (*Кормит.*) Вот хорошо, monsieur!.. И вот я служу здесь в надзирателях... Добрый monsieur Кульмье говорит, что нужно молиться и уповать на Господа Бога и Богородицу-деву и тогда, мол, помоществованием их когда-нибудь обрету я вновь способность совокупляться с женщиной и возвратиться все позывы плотские... А я думаю, что мне оно и не надо... уже...

Затемнение.

Подземельный каземат. Дарья и старая монахиня Ивановского девичьего монастыря – Марфа.

ДАРЬЯ. Я девкой была – любила в мужеское платье обрядиться да на кулачки выйти!.. Вот, когда стоишь супротив других... Видишь глаза... И за ними что – все насквозь видать... А там – едино все – страх!.. И самой и страшно, и сладко так... Не знаю, как пересказать... И на тройке еще любила – зимой – по Москве! Летишь – будто дух из тебя вон!..

Пауза.

МАРФА. А давай-ко мы Четьи-Минеи почитаем? Али Псалтырь?

ДАРЬЯ. Давай, ту, что прошлый раз читала.

МАРФА. Эту? Ну ладно... *(Раскрывает книгу в толстых темных корках свиной кожи, листает страницы с церковнославянской вязью, читает.)* «Бе же некая жена во граде том богата и красна именем Проклиания имаше сына единого двенадесяти четырех лет именем Сосипатр, красна зело. Проклиания же действием бесовским уязвися на похотение сына своего и глаголе ему: чадо Сосипатре имяем мы много имения и пием и веселимся. И да не будет ти чужа жена и аз бо несть стара, но юна и красна и буду ти в жены место, ты ми в мужа место и буду воздержатися от всех мужей...»

ДАРЬЯ. Что умолкла?

МАРФА. Зря мы это взялись... Давай, лучше Четьи-Минеи!

ДАРЬЯ. А эту что?

МАРФА. Больно срамно... Грех! Мать чадо свое на блуд склоняет. Паскудно...

ДАРЬЯ. Что с того? Книга церковная?

МАРФА. Так, да ведь...

ДАРЬЯ *(перебивает)*. Значит, в том греха нет. Читай дале.

МАРФА. «Юноша же смыслен гнушашися такого беззакония, избеже от нея...»

Затемнение.

Иван входит, внося свет и миску с едой. Опасливо ставит. Дарья сидит на своей лавке, смотрит на него, не сводя глаз.

ИВАН. Что? Что глазищами порскаешь? Как упырь! Точно!

ДАРЬЯ. Страшно?

ИВАН. Я не из пугливых.

ДАРЬЯ. Боишься меня.

ИВАН. И не таких видывал!..

Дарья резким звериным движением метнулась к Ивану. Загрохотала цепь. От неожиданности Иван испуганно отпрянул, споткнулся, нелепо сел на пол. Дарья раздражается громким диким хохотом.

ИВАН. Тьфу! Сука бешеная!

Дарья хохочет.

ИВАН. Умолкни, курва! Стерва!

Дарья хохочет.

ИВАН. А правду бают, что ты людей жрала?

ДАРЬЯ (*шипит*). И тебя сожру! И косточки твои сахарные обсосу! (*Сосет свои пальцы.*)

ИВАН. Господи, спаси и помилуй! (*Крестится.*)

ДАРЬЯ. Портки не обмочи! (*Смеется.*)

ИВАН. Зверь ты!

Затемнение.

1760 г. Окрестности подмосковного имения Дарьи Салтыковой – «Теплый Стан».

Несколько мужиков держат крепко молодого офицера в форме секунд-майора – Николая Тютчева.

ДАРЬЯ. Ну-ко, ну-ко, покажите мне этого молодчика!..

Подходит к Николаю, беззастенчиво, как кобылу на ярмарке, разглядывает его, ощупывает.

ДАРЬЯ. И кто, тебе, голубчик, позволение сделал на чужих пажитях хозяйничать?..

НИКОЛАЙ. Велите своим холопам... чтоб пустили меня! Не то!..

ДАРЬЯ. А не то – что?!.. (*Ухмыляется.*)

НИКОЛАЙ. Я офицер!.. Я!..

ДАРЬЯ. Так что с того?.. Я сама ротмистрова вдова! Я на своей земле – хозяйка!.. А ты, выходит, тать?!.. Моих уток побил!.. Моя воля теперь – что с тобой делать!..

НИКОЛАЙ. Я дворянин!..

ДАРЬЯ. Дворянин? Ну, так я велю тебя моим гайдукам отодрать славно, с уважением!.. Дворянин!

НИКОЛАЙ. Вы не смеете!.. Я на службе! Я от межевой комиссии!.. Топографическую съемку веду!.. Вы будете отвечать за свое самоуправство! Эта земля спорная!..

ДАРЬЯ (*нахмурилась*). Это... кто оспаривать посмел?!

НИКОЛАЙ. Соседи!

ДАРЬЯ (*ярясь*). Кто?!.. Что ты тут плетешь?!.. Сукин ты сын?!.. (*Хлещет Николая по щекам.*) Какие соседи еще?! (*Пощечины становятся все увесистей.*) Какие – соседи?! (*Дарья уже просто бьет Николая по лицу.*)

Николай вдруг вырывается из рук ослабивших хватку мужиков, испуганных охватившей их барыню яростью, сторожащих – как бы не попасть самим под горячую руку.

Николай с размаху бьет Дарью в ответ по скуле.

Охнув, Дарья садится на землю. Трясет головой, трет щеку.

Мужики замерли в оцепенении на мгновенье. Потом дружно набросились, скрутили Николая.

ДАРЬЯ. Пустите его!.. (Поднимается на ноги, весело смотрит на Николая.) Соседи, стало быть?! (Усмехается.) Ну так что, служивый человек, давай, побеседуем с тобой... Как можно с этой напастью сладить?

Затемнение.

Каземат. Дарья и Марфа.

ДАРЬЯ. Хватит! Не хочу слушать!

МАРФА. А чего тебе тогда?

ДАРЬЯ. Лучше скажи – как там, на белом свете?..

МАРФА. Что как? Я окромя монастырских стен ничего не вижу...

ДАРЬЯ. Ну, чай, все равно сказывают что-нибудь... про то, что в мире-то деется?

Небольшая пауза.

МАРФА. Ну... В Санхт-Петербурхе, сказывают, юродивая Христа ради объявилась. Запоматовала, как звать... Вдовая, муж ее покойный, говорят, вроде, из военных был. И по его смерти раздала она все именье свое бедным, да сиротам, да убогим, а сама, слышь, в одежду мужа своего обрядилась. И говорит: не зовите, мол, меня, как от роду меня окрестили, а зовите – именем мужа моего, ибо не он опочил, а аз преставилась. И стала дале на улице жить и каждую ночь во поле за городом ночевать в любую непогодь, в стужу, али в жару – все в одной той одежке мужней ходит. А милостынку, что ей дают – всю тож бедникам безвытным раздает... Вон как! А как ее звали – запоматовала я...

ДАРЬЯ. Дура она. Или умом слаба.

МАРФА. Гордыни в тебе много! А гордыня – грех!

ДАРЬЯ. Меня Бог такой сделал. С него и спрос.

Затемнение.

Подземельный каземат.

Подоткнув юбку, так, что ноги довольно оголены, выставив кверху зад, Дарья моет пол. Входит Иван.

ИВАН. Эй! Ты чего это?

ДАРЬЯ. А тебя глаз нет? (*Продолжая мыть, утыкается задом Ивану в чресла. Он отскакивает.*) Что глядишь? Нравится тебе? Смотри не сомлей.

ИВАН. Срамно глядеть. Стыда в тебе нет.

ДАРЬЯ. Нету. Правда. Какой такой стыд?

Пауза.

ДАРЬЯ. У тебя, поди, и девки не было? А, вьюнош? (*Гладит себя, оголяя грудь.*) Хошь я тебя ублажу, соколик? Я умею!.. Потрафлю тебе! Иди ко мне... Тебе сладко со мной будет! (*Задирает юбку, демонстративно оголяя ляжки.*) Я жаркая! Потрогай, какая! Проверь! Тело у меня мягкое! Иди ко мне, не бойся! Я с тобой добрая буду, солдатик!.. Гляди, меня из меня уж и сок потек!.. Иди ко мне! Я много премудростей знаю... Ты у меня стонать будешь, будто режут тебя на кусочки, выть будешь, будто щипцами раскаленными твою плоть терзают, будешь извиваться, как на сковородке! Такую я тебе усладу доставлю!..

Иван остолбенел. Не двигается. Стоит, как истукан, выпучив глаза.

ДАРЬЯ. Что, не шевелится у тебя в портках? Не шелохнет-ся? Или у тебя там прыщ?..

Затемнение.

Комнатка надсмотрщиков.

АНИСИМ. А слыхал, что еще про нее бают?

ИВАН. Что ж. Язык-то, чай, без костей.

АНИСИМ. Говорили, она, мол, человечину ела...

ИВАН. Нешто вправду?!

АНИСИМ. Да, в людоедстве уличали. И женский пол она того для большею частью изводила, что, де, женская плоть, не в пример мужеской, мягче и нежней, а, стало быть, для вкушения приятней.

ИВАН. Да ну?!

АНИСИМ. Особливо предпочитала женскую грудь, да еще и у кормящих бабенок, которую велела изжаривать...

ИВАН. Господи Иисусе!

АНИСИМ. И порола нещадно, тож, для того, чтоб мясо от кости отбить, поживой еще, чтоб оно нежней сделалось...

ИВАН. Нешто такое бывает?

АНИСИМ. На белом свете, милок, чего только не бывает.

ИВАН. Вот ведь! Привел мне Господь, тута оказаться... Сподобил этакую чудищу повидать!

Пауза.

АНИСИМ. А как она пороху с паклей людишкам своим под дом-то полюбовника своего положить наказала?

ИВАН. Пороху?

АНИСИМ. Да! Холопы ейные в артиллерийской лавке закупили... У ней вся полиция московская купленная. Полюбовник ее ей измену учинил – на другой обженился. Дивного тут нету ничего. Ты б на этакой бебенции женился?

ИВАН. Так что она-то?

АНИСИМ. То-то! Она осерчала шибко, людишек измордовала, а кого, может и до смерти уходила. Но все одно спокую ей никакого не было. Вот она и решилась любовника с молодой женой – извести совсем. И велела холопьям своим пороху с паклей и еще там чего-то под ихний дом подложить, да запал сделать, да поджечь.

ИВАН. Порохом? Мудрено что-то. Зачем просто с четырех концов дом не подпалить, да и все?

АНИСИМ. Так пока займется, пока разгорится, затушить успеть можно! А тут – одним махом – бу-бух!..

Пауза.

ИВАН. Ну?

АНИСИМ. Вот и гну!.. Православные тогда еще Бога боялись – положить подложили, а боле ничего...

Пауза.

АНИСИМ. Да... Убоялись людишки такое злое дело сотворить. За то были биты нещадно. И заново посланы. И вдругорядь – тоже страх Божий одолел, пуще лютой барыни... Так вот Божиим промыслом полюбовник ея с супружницей спаслся и злой смерти избегли. Так вот сказывают.

Затемнение.

1762 г. Санкт-Петербург. Васильевский остров.

Женщина в ношеной красной юбке и заношенном военного кроя мундире – блаженная Ксения, неотрывно следует за двумя мужчинами в крестьянской одежде – Ермолаем и Савелием.

ЕРМОЛАЙ. Гляди! Чего она увязалась?..

САВЕЛИЙ. Пойдем, давай, что она тебе?..

ЕРМОЛАЙ. А чего надо ей? (*Резко останавливается, разворачивается; Ксени.*) Чего надо? Что прилепилась за нами как банный лист?!

КСЕНИЯ. И вам здравствовать, добрые люди!

САВЕЛИЙ. Здравствуй!

КСЕНИЯ. Откудава путь держите?

ЕРМОЛАЙ. Отсель не видать!

КСЕНИЯ. Беглые?

ЕРМОЛАЙ. Зачем спрашиваешь? Ты сама – кто?! Чего тебе?..

САВЕЛИЙ (*Ермолаю*). Погоди... (*Ксени.*) Меня Савелий кличут Мартынов, мы с Москвы пришьлые... Со мной – Ермолай Ильин...

ЕРМОЛАЙ. Можя еще чего ей расскажешь? А она нас выдаст!..

САВЕЛИЙ. Не выдаст.

ЕРМОЛАЙ. Откуда знаешь-то?

САВЕЛИЙ. Вижу.

КСЕНИЯ. Видно, плохо вам жилось, раз убегли...

Короткая пауза.

ЕРМОЛАЙ. Да куда лучше! Не жизнь, а масленица просто!..

САВЕЛИЙ. Не слыхала ты про Салтыкову Дарью Николаевну?! Барыня наша... дворянка столбовая.

КСЕНИЯ. Нет, не слыхала.

САВЕЛИЙ. Услышишь еще... Бог все ведает!..

ЕРМОЛАЙ. Больно какая добрая, да ласковая наша барыня!..

САВЕЛИЙ. У него (*кивает на Ермолая*) трех жен извела! Одну за одной!..

ЕРМОЛАЙ. Лампею своей рукой поленом била по голове по те поры, пока мозги не потекли!.. А Дуняшу?.. Арапником уходила – до черноты – два дни баба промучилась, кровью мочилась, а на третий в ночь – Богу душу отдала... Потом вдругоряд меня жениться заставила – на Стешке... Да и ее вскорости в пруд загнала – в студень!.. В ледящей воде по самое горло часов двух боле продержала... А посла – кипятком ей в лицо из ковша!..

САВЕЛИЙ. А мою Глашеньку... (*Зарыдал в голос.*)

Пауза.

ЕРМОЛАЙ. Вишь, какая барыня у нас милостивая...

КСЕНИЯ. Она зверя хуже...

САВЕЛИЙ (*сквозь слез*). Изверг!.. Мочи нету... (*Плачет.*) Убежали мы... (*Плачет.*) Ничего!.. Бог все видит! (*Плачет.*) Глашенька моя!..

ЕРМОЛАЙ. На Москве у ней – все купленные! Сколько уж доносили про нее... Все ее покрывают – вся полиция купленная!.. (*Савелию.*) Будет уж нюнить!.. Хватит! (*Ксени.*) Другие, которые бежали, кого не в Сибирь, тех ей же ворочали...

САВЕЛИЙ. На муку да погибель...

ЕРМОЛАЙ. В Москве правды нет... Не сыщешь... Управы на нее нету!..

САВЕЛИЙ (*еще всхлиывая*). Вот кабы нам Государыне императрице... письменное рукоприкладство передать...

КСЕНИЯ. Давай мне, я сделаю.

САВЕЛИЙ. Ты?

Пауза.

КСЕНИЯ. Давай, давай...

ЕРМОЛАЙ. Да как? Ты?!. Как?!

КСЕНИЯ. Божиим промыслом.

САВЕЛИЙ. Отдай ей, Ермолай... Она Божья душа...

Ермолай отдает Ксени рукоприкладство.

Шарантон. Психиатрическая лечебница.

Де Сад сидит в своем кресле на колесах неподвижно, как кукла.

ПРОХОР. Она была суровая женщина, строгая. У ней не баловались. И в том слабость ея. Не могла укороту дать своей строгости. Это у ей до святости доходило. Не возможно ей было небрежения стерпеть. Вот хоть простая вещь – мытье полов... Так она страдала, сердешная, когда полы дурно мыты. Все у нея внутри переворачивалось, когда видела, что не должным образом полы выскоблены. На нея чисто тьма египетская нисходила, подобно как умопомраченье с ею делалось. Прямо в иступленье какое входила... Потому как праведный гнев противу мирского несовершенства, противу вселенского хаосу ею руководствовал. И тут уж – что под руку подвертывалось, тем она, во гневе своем неукротимом, виноватых и жалует. Как сказано: сама себя раба бьет, коль нечисто жнет. Потому – всем сердцем своим жадала она, чтоб во всем и везде был Порядок... Порядок – был для нея Божиим установлением, нарушать койй – великий грех есть! Грех! Коли полы дурно вымыты, в том покусительство на Божее мироустроение ей мнилось. Все ведь в юдоли нашей одно из другого проистекает. А даже, если только блазнилось ей, что белье плохо отстирано, полы грязны – сие не суть! Наказание допрежь проступка, сиречь прегрешения – вот суть есть – смысл сокровенный, дабы греха уберечь, не попустить чтоб... Сор по углам, полы нечисты – для вселенского миропорядку, может стать, великая пагуба есть, на все следствия в долнем мире велики влиятельна. И перво-наперво на чистоту души. Грязь, нечистота внешняя – на полу ли, на белье – она ведь на внутреннее устроение, на душу допрежь всего действие оказывает.

Затемнение.

Каземат.

В темноте негромкое движенье, ритмично звякает цепь, вскрики и вздохи.

ДАРЬЯ. Нравится тебе?! Нравится?!

ИВАН (*хрипло*). Да...

ДАРЬЯ. Ты сильный? Да? Еще, еще!!!

ИВАН. Да!

ДАРЬЯ. Ударь меня! Ты сильный! Храбрый ты! Да? Аникавоин! Делай со мной, что хочешь! Что пожелаешь! Я вся в твоей власти! Я раба твоя! Мучай меня! Бей меня! Наказывай! Казни! Гляди, какая я слабая пред тобой! Безропотная! Карай! Тирань! Губи меня!.. Знаешь как это сладко?.. Сладко тебе?! Вот так! (*Берет его руки, кладет себе на шею.*) Сильные руки у тебя!

Души меня!.. Словно мед, словно патока!.. Души! (*Хрипло.*) Красивые руки! Ты сильный! Красивый! Властитель мой! Властелин! Я раба, холопка твоя!..

Иван отстраняется от нее.

ДАРЬЯ. Чего? Чего ты, дурак? Испужался?!

ИВАН (*тяжело дышит*). Ты!.. ты... полоумная... ты...

ДАРЬЯ. Испортил все, остолоп! Дурень! Пенек с глазами! Олух царя небесного! Пошел прочь, скот! Пошел!

Затемнение.

Ивановский монастырь. Каморка караульных.

АНИСИМ. У ней, слышь, холопов, как у турецкого царя жен – полный курятник. Всех мужиков из вотчинных деревенек своих, всех, слышь, перепробовала! Не скажу скольких числом, врать не стану, но, знать, много! Ненасытное у ей лоно!

ИВАН. Силен ты бруснуть!

АНИСИМ. А что я – люди сказывают! Говорят – болезнь такая. Мол, мондавошки у бабы в чреслах заводятся, и такой тогда у ней свербеж, что спасу нет никакого, и так ее раззудит, такая тогда на нее похоть нападает! Только в елде одно ей спасенье! Только, слышь, от ебли мандавошки разбегаются и кусать-щекотать прекращают.

ИВАН. Дурак ты, Анисим! Ей-богу! Борода выросла, а ума не вынесла!

АНИСИМ. А еще, говорят, у которых баб в манде зубы вырастают...

ИВАН. Тьфу! Дурак – одно слово.

АНИСИМ (*ехидно*). А что, может, у ней тож так?

ИВАН. Так ты проверь.

АНИСИМ. Сам иди, проверяй!.. Или проверял уже?

ИВАН. Проверял.

АНИСИМ. Ну?!

Пауза.

ИВАН. Хватить боталом попусту молотить. Надо пойти, глянуть... Тихо что-то...

АНИСИМ. Так иди! Что? Погляди!..

ИВАН. Ладно. (*Выходит.*)

*Анисим плюет ему вслед.
Затемнение.*

*Шарантон. Психиатрическая лечебница.
Де Сад сидит в своем кресле на колесах.*

ПРОХОР (*продолжает говорить*). ... при Ивановском девичьем монастыре жили, в Москве... А я малец был совсем... А при оном же монастыре в специальном пристрое, вроде как тюрьма была устроена, узилище иным словом... И в той темнице обреталась некая узница... Весьма удивительная была острожница... Редкой породы!.. Сорок с лишним лет на чеши просидела... Что? Не интересно, сударь?.. А имя ея – Дарья, прозвание – Салтычиха...

Каземат.

ДАРЬЯ. Подожди! Свечку зажги!

ИВАН. На что?

ДАРЬЯ. Видеть тебя хочу!

ИВАН. Не видала что ли?

ДАРЬЯ. Зажги, говорят! Перечить он мне будет! (*Бьет его. Возня в темноте.*)

ИВАН. Чего дерешься-то? Зажгу шас...

Иван зажигает свечной огарок. Жалкий свет выхватывает пятна нагой плоти.

Дарья сидит на низкой тюремной лежанке. Нательная рубаха ее спущена, почти обнажая обвислую грудь, полные ноги. Волосы ее распущены, спутаны, закрывают пол-лица. Она покусывает губы и они красны, как рябиновый сок. Иван в одной рубахе, без порток. Рубаха едва прикрывает его ягодицы с соблазнительными ямочками, от которых Дарья не может отвести блестящих, будто бы влажных глаз.

ДАРЬЯ. погоди! Стой!

ИВАН. Чего?

ДАРЬЯ. Стой так! Сыми все!

ИВАН. Чего?

ДАРЬЯ. Рубаху скинь, дурак!

ИВАН. На что?.. Зачем еще?..

ДАРЬЯ. Глядеть на тебя хочу. На голого.

ИВАН. Чего это?.. Чай, я не картинка...

ДАРЬЯ. Снимай живым манером! Скотина такая!

ИВАН. Не буду я... Выдумала...

ДАРЬЯ (*грозно*). Молчать, тварь!! Снимай!!!

Иван, оглушенный и, словно замороженный, подчиняется. Стоит перед нею нагой, прикрывая срам сложенными ладошками.

Пауза.

ДАРЬЯ. Хорош! Статный. Сажень косяя... Крепкий. Ничего... И зубы у тебя не гнилые. И семя не гнилое? У тебя дюжее семя, аника-воин?... Жалко, волоса на тебе хилые... (*Смеется.*)

ИВАН. Я задую...

ДАРЬЯ (*резко*). Не смей!

Иван замер. Дарья вдруг раздражается раскатистым утробным смехом.

ИВАН. Чего?..

ДАРЬЯ. Какой он у тебя скукоженный!.. Сморчок! И – синый весь!.. (*Смеется.*)

ИВАН. Срамно говоришь... Задую, а?..

ДАРЬЯ. Всем ерой – только не елдой! (*Смеется.*)

ИВАН. Тьфу ты! Шмара! Язык у тебя поганый!..

ДАРЬЯ (*перестала смеяться*). Чего тебе мой язык не нравится? А когда я языком своим поганым тебе мошонку щекочу – тебе нравится? Когда сморчок твой языком...

ИВАН (*перебивает*). Замолчи ты!..

ДАРЬЯ. Поди, сюда, поганец!.. Я тебя проучу!

Иван мнется.

ДАРЬЯ. Иди, сказано! Страшно, что ли?

ИВАН (*нерешительно приближается*). Не страшно...

ДАРЬЯ. А чего тогда маланишься, как девка? Иди! (*Хватает его за член, привлекает к себе. Иван вскрикивает.*)

Убогий свет едва освещает их.

ДАРЬЯ. Так нравится тебе? А?! Нравится?! (*Мастурбирует.*) Отвечай, гниденьш!

ИВАН (*сипло*). Да...

Дарья склоняется к его чреслам. Иван в блаженстве стонет. Вдруг взвыл. Дарья хохочет утробно, скалится.

ИВАН. Ты что?! Дура!!! Больно!

Дарья скалится.

ИВАН. Очумела?!

ДАРЬЯ. Заплачь еще! Ерой!

ИВАН. Полоумная!

ДАРЬЯ. Съем тебя! Сожру! Всего! (*Смеется.*)

ИВАН. Я те зубья все вышибу, курва! Будешь так еще!..

ДАРЬЯ. Ай, ерой! Ой, страшно мне! (*Серьезно.*) А ты ударь!
Давай! Ударь меня! Ну?! Ударь меня!!!

ИВАН. Совсем что ли ополоумела тут?

ДАРЬЯ. Бей меня! Калечь! Тирань меня!

ИВАН. Сука бешеная!

ДАРЬЯ. Иди ко мне! Ети меня! Давай! Я хочу! (*Откидывается, раздвигает ноги, призывает.*) Ети! Давай же, ну!.. (*Стонет, сладострастно извивается.*) Иди!

Иван делает шаг к ней.

ДАРЬЯ. Я хочу тебя съесть!

Иван замирает.

ДАРЬЯ (*садится, повелительно*). На колени, холоп! На колени перед своей барыней!

Иван, будто напрочь утратив всякую волю, рухнул на колени.

ДАРЬЯ. Ползи сюда на коленках, аки гады ползуща... скользкие, мерзкие... Ползи!.. Давай, ублажи меня своим сморчком... Нет, наперед ты меня своим сладеньким язычком порадуешь!.. (*Хватает его за волоса, оттягивает голову с силой сперва назад, потом опускает сего голову между ног своих, широко разведенных*). Давай сучий огрызок, послужи барыне своей!..

Дарья извивается, бьется, будто в падучей.

Иван взбирается на нее, она закидывает свои ноги ему на плечи.

ДАРЬЯ. Что тыкаешься огрызком своим, как мелкий кобелек на дебелой суке? Все мимо да мимо! (*Зло смеется.*)

Несколько раз судорожно дернувшись, Иван замирает.

Пауза.

ДАРЬЯ (в ярости). Что?! Все?! (Сталкивает с себя обмякшее тело.) Два раза ткнулся и все?! Поганец слабосильный! Баба!!!

Огарок свечи, догорев, гаснет. В темноте площадная брань Дарьи.

НИКОЛАЙ. Ну, все! Все! Полно!

ДАРЬЯ (не пускает). Не уходи, Коленька!

НИКОЛАЙ. Будет, говорю!.. Уходила меня... совсем...

ДАРЬЯ. погоди, побудь еще со мной!

НИКОЛАЙ. Пусти же! Ну!

ДАРЬЯ. Коленька! Постой! Рядом побудь со мной еще чуток!

НИКОЛАЙ. Пусти, говорят!

ДАРЬЯ. Не пущу! Никуда от себя не пущу! Коленька! Обними меня еще разок. Просто – обними! И все!..

НИКОЛАЙ. Хватит! Все! Пусти! (Выскальзывает из объятий.)

Николай встает, натягивает стеганый атласный халат, подходит к окну.

ДАРЬЯ. Коленька! Родной мой!.. Иди ко мне сюда! Иди!

Николай садится на оттоманку.

ДАРЬЯ. Хорошо тебе со мной?

Николай берет со столика длинный чубук, закуривает.

ДАРЬЯ. Отвечай мне, Коленька! Аль язык за щеку завалился?

НИКОЛАЙ. Что ты все одно?.. Как в пытошной!..

ДАРЬЯ. Ответь, Коленька, ответь, родной: хорошо тебе со мной? Сладко? Ответь – что тебе?!

НИКОЛАЙ. Да зачем спрашивать?! До седьмого поту меня уходила! Куда уж слаше?

ДАРЬЯ (растерянно и жалко улыбается). Глупая я... Не разумею: когда ты взаправду говоришь, а когда в шутку...

Маленькая пауза.

ДАРЬЯ. Ну, иди ко мне сюда!

НИКОЛАЙ. Ненасытная!

ДАРЬЯ. Так, правда! Я голодная будто! Насытиться не могу! Тобой – насытиться!

НИКОЛАЙ. Прорва – одно слово!

ДАРЬЯ. Иди ко мне!..

НИКОЛАЙ. Не могу я больше! Ты меня всего выдоила!.. Куда еще?!

ДАРЬЯ. Просто рядом побудь! Ну, иди, родной! Приласкай меня... Чуток еще!

НИКОЛАЙ. Я, что – железный тебе? Дай передыху...

ДАРЬЯ. Ну, Коленька, дружок! Просто приголубь меня!.. Обними – и все!

НИКОЛАЙ (*зовет.*) Эй, Аксютка! Подай квасу что ли... Или анисовой выпить?

ДАРЬЯ (*с нежностью*). Уморился, родной?

НИКОЛАЙ (*отвернувшись, морщится*). Аксютка – анисовой носи!.. Мигом!

ДАРЬЯ. Любишь ли ты меня, Коленька?

Николай не отвечает. Встает, нервно двигается по комнате, выпуская дым кольцами.

НИКОЛАЙ (*бормочет*). Не слыхала она что ль?.. (*Зовет.*) Аксютка, етишь тебя!

ДАРЬЯ (*садится на постели*). Что ж ты мне ответить не хочешь?

Входит Аксютка, отроковица лет тринадцати. В руках у нее ковшик с квасом.

НИКОЛАЙ (*берет ковшик*). А анисовой, я просил?..

АКСЮТКА. Не слыхала, барин...

НИКОЛАЙ (*пьет из ковша*). Ладно... Принеси мне, Аксютка, водки. Анисовой. (*Потрепал девочку по щеке.*) Живым манером! (*Шутливо грозит пальцем.*)

Аксютка проворно выбегает.

ДАРЬЯ. Коленька?..

Пауза. Николай кольцами пускает дым.

ДАРЬЯ. Коля!..

НИКОЛАЙ (*рассеянно*). А?.. Чего еще?..

Возвращается Аксютка с хрустальной тонконогой рюмкой, графинцем водки и закусками на серебряном подносе.

НИКОЛАЙ. Во-от! (Берет рюмку, наливает водку.) Теперь молодец, милая!.. (Выпивает и закусывает с удовольствием.) Вот! (Довольно улыбается Аксютке, та тоже скалится в ответ.) Умница! (Гладит девушку по щеке.)

Короткая пауза.

ДАРЬЯ. Ах ты, сучье вымя! (Вскакивает полуголая с постели.) Прибью сучку! (Подскокив, хлещет что есть сил Аксютку по лицу.)

НИКОЛАЙ. Ты что?! Белены объелась?! (Пытается загородить собой девочку.) Взбесилась? Ополумела что ли?

ДАРЬЯ. Убью сучку! Тварь поганая! Скотина! Дрянь!

Замахивается на Аксютку, Николай ловит руки Дарьи, держит.

НИКОЛАЙ (Аксютке). Прочь!

Аксютка выскакивает.

ДАРЬЯ. Паскудница! Сучка!

НИКОЛАЙ. Да ты что?! Опомнись?! Спятила совсем?!

ДАРЬЯ. Пусти! Пусти, скот! Хам! Холоп! Блядий сын! Пусти! Что – эту сучку захотел? Кобель поганый! Грязную холопку?! На нее встает твой огрызок, а меня не хочешь?!

НИКОЛАЙ. Ты с ума спрыгнула?! Дура!

ДАРЬЯ. На свеженькое потянуло?! Молоденького мясца захотелось?!.. Вон – слюна чуть не капает!

НИКОЛАЙ. Вот – дура баба! Совсем весь ум в блядство ушел! Она – дите совсем!

ДАРЬЯ. Этой погани не жить! Я ее, сучку, ужо!.. Кипятком харю выжгу!.. Уши щипцами припеку!.. (Захлебываясь.) До кости плетьми!.. Батожьем забью!..

НИКОЛАЙ. Замолчи! Тварь ты такая! Что орешь?

Затемнение.

1762 г. Санкт-Петербург. Зимний дворец.

Екатерина взволновано читает «письменное рукоприкладство». Входит Григорий Орлов.

ЕКАТЕРИНА. Grischa, hast du dies Papier gesehen?¹

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ (*небрежно просматривает*). Нет, не видал...

ЕКАТЕРИНА. Dieses Weib... dieses Ungeheuer! Hat mit eigener Hand ihre Leute umgebracht... ! Ein Vieh ist sie!²

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ. Ну так что ж?..

ЕКАТЕРИНА. Sie... sie hat Frauen zu Tode gerp̄gelt!... Mit einem Holzscheid! Ihnen das Gesicht verbrannt!.. . Dieses Monstrum!³

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ. Пустое это, Катя...

ЕКАТЕРИНА. Ich kann einfach nicht glauben, dass so etwas in unserem aufgekl̄drtен Zeitalter m̄glich ist!..⁴

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ. Что ж ты хочешь?! Тут – Россия!

ЕКАТЕРИНА. Das ist, das ist keine Frau! Pfui Teufel! So eine Satansbrut!⁵

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ. Да что тебе сдалась эта баба?

ЕКАТЕРИНА. Diese... ScheuЯlichkeiten darf man nicht... ungestraft... lassen...⁶

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ. Ну так вели – башку ей – чик! – с плеч! Али вздернуть ея!..

ЕКАТЕРИНА. Ja, v̄llig einverstanden!⁷ Нет-нет! Нельзя! Ich h̄dtte den ganzen russischen Adel gegen mich!⁸ Она в родстве со все-все – Saltykovy, Tolstye, Tjuиevy, Naryцkiny⁹... Und mit anderen vornehmen russischen Geschlechtern ist sie auch... Jetzt ist nicht die Zeit, schlafende Hunde zu wecken!¹⁰

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ. Да ладно!.. Плевать!..

ЕКАТЕРИНА. Und Europa... dort schaut man sowieso schon auf uns wie auf Wilde!.. hingerichtet werden darf sie keinesfalls¹¹...

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ. Катя! А кто тебе эту бумажку всучил? Скажи?

¹ Гриша, ты видел эту бумагу? (*Нем.*)

² Эта женщина... Она – чудовище! Она собственными руками убивала своих людей!.. Животное! (*Нем.*)

³ Она... была до смерти женщин!.. Поленом!.. Жгла им лицо!.. Она монстр! (*Нем.*)

⁴ Я не могу поверить, что такое возможно в наше пресвященное время!.. (*Нем.*)

⁵ Она – не женщина! Черт бы ее побрал! Сатанинское отродье! (*Нем.*)

⁶ Эти... злодеяния нельзя оставлять так... безнаказанно... (*Нем.*)

⁷ Да, да! (*Нем.*)

⁸ Все русское дворянство стало бы против меня! (*Нем.*)

⁹ Салтыковы, Толстые, Тютчевы, Нарышкины... (*Нем.*)

¹⁰ И другие знатные русские роды... Сейчас нельзя дразнить гусей! (*Нем.*)

¹¹ И Европа... там так смотрят на нас, как на дикарей!.. ее нельзя казнить... (*Нем.*)

Пауза

ЕКАТЕРИНА. Was wird nur Voltaire dazu sagen?¹²

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ. Кто?

ЕКАТЕРИНА. Латно, я буду думать, что делать с эта... Bestie!¹³

Затемнение.

В церкви.

ДАРЬЯ. Ну, что, батюшка, давай-ка скоренько! У меня делов еще полно!

о. ВАСИЛИЙ. Так это ж, матушка, Дарья Николавна, это дело Божье...

ДАРЬЯ. Ладно, будешь мне, что ли, псалмы петь, притчи складывать?.. Делай дело свое! Слушай! Грешна! Да! Прибила третьего дня девку... кипятком обварила... суку такую!.. Ну щипцами уши ей прижгла, подлой!.. Поделом ей, блядине паскудной!.. Не будет в другоряд... Да!.. Чуть не запамятовала! Надо там отписать, как полагается... что еще одна тварь поганая своей смертью издохла!.. Со старостой составь бумагу... как те разы... И схоронить ее скоренько чтоб...

Пауза.

ДАРЬЯ. Чего ты, отец мой, будто застыл?

о. ВАСИЛИЙ (*тихо*). Не могу боле!.. А я не могу... Грех!.. Грех!

ДАРЬЯ. Ты про какой грех тут толкуешь, боров толстобрылый?

о. ВАСИЛИЙ. Грех на себя не возьму! Мочи нет!.. Что хошь со мной твори! Мне все дитё то, что мертвой матери на грудь поклали...

ДАРЬЯ (*хватает о. Василия за бороду*). Вот ты как теперь стал сказывать?!.. Али тож кнута захотел? Я на рясу твою не погляжу – велю задрать, заголить жопу твою благочинную, да кнута по ней!.. Шкуру спущу с тебя, подлеца, да рассолом велю поливать, чтобы выл, как сука!..

о. ВАСИЛИЙ. Господь с тобой!..

ДАРЬЯ. Благословляй!

¹² Что скажет Вольтер?.. (*Нем.*)

¹³ Чудовище! (*Нем.*)

о. ВАСИЛИЙ (*шепчет скороговоркой*). ...отпускаю грехи твоя... (*Крестит Дарью дрожащей рукой.*) ...во имя Отца и Сына и Святого Духа... И ныне и присно и во веки веков...

ДАРЬЯ. Ну, аминь, что ли?!

о. ВАСИЛИЙ (*тихо*). Аминь!

ДАРЬЯ. Ну, вот и слава Тебе, Господи!..

Затемнение.

Каземат. Дарья и Иван.

ДАРЬЯ. Я стояла там на ешафоте, на Красной площади в чепях, аки собака, ко столбу привлеченная... И на груди моей – доска с буквами. Я грамоту не разумею, но знаю, что там писано: «Мучительница и душегубица». А кругом ешафота – народу тьма, никогда столь не видала, вся Москва видно... И все глядят на меня, едят меня своими глазищами будто... А я... чую их страх... Чую ненависть их... Могли бы – разорвали б меня в клочки... Все оне – скопом – будто един зверь многоглавый – лютый и дикий, злой, бешеный, скалится желтыми зубами, смрадную пастью... Ненависть и страх их... будто волнами на меня накатывают... то одна волна, то другая... И меня как качает на тех волнах... И мне только одно мстилось: сила в меня вливается – от страха их и от ненависти лютой, токмо дюжее, токмо злее делалась....

Иван слушает, открыв рот.

Шарантон. Психиатрическая лечебница.

ПРОХОР. Ну, говорят, горяча была, скоро на руку. Могла поленом огорошить, а не то – арапником отходит. Волосья, сказывают, любила драть или еще головой – об стену. Завивальными щипцами, на огне раскаленными уши припекала... (*Помолчав.*) Так разве она одна такова? Холопья жизнь во власти господина его пребывает. Дворяне рабов своих могут по своей воле казнить и миловать. Девки дворовые, грудных дитятей имеющие, господских борзых да лягавых сук молоком своим вскармливали, а их дети с голоду пухли и мерли. А сколько случаев, когда крепостных забавы для собаками загравливали...

Губы де Сада беззвучно шевелятся.

ПРОХОР. Я много думал, monsieur!.. Что – боль есть? От-чего люди на дыбе, или вон на крюку за ребро подвешенные, или, по-вашему – в сапоге гишпанском – в нестерпимых для плот му-ках – дух живой в себе сохраняют? Нечто плоть у них из другого чего сотворена – не как у иных всех человеков?! Нет же! Как у всех все – жилы, мясо, кости, ливер во черевах... Тут дело все, как я умишком своим, пораскинув, смекаю, в боли, monsieur! В Боли, monsieur! Потому как боль, monsieur, оно вроде как зелено вино... или как те порошки да снадобья дурманные, что буйным у нас в лечебнице дают, а те будто дети – смеются, радуются, и тихими да кроткими враз делаются... Так же боль, когда она через край – тоже как дурман, monsieur!..

Затемнение.

Каземат. Дарья и Иван сидят на лежаке, рядом, тесно.

ИВАН (*хрипло*). Ты со мной такое творишь... Я будто в чаду... Будто душу из меня вынимают... Как ты так делаешь?... Кто ты есть?

Пауза.

ИВАН. Может, ты правда – черт? Ведьма?.. Даже боль с тобой – сладость! Такое со мной творится... ни себя, ничего не чую, не помню... будто я не здесь вовсе... не в каземате этом, а где-то еще...

ДАРЬЯ. Где?

ИВАН. Не знаю... И сказать словами не могу... Вроде как... везде... В раю!.. Ты меня терзаешь, а мне от того еще лучше – сладко! И радость такая... Не могу обсказать что!..

Пауза.

ИВАН. А у тебя? Так же?

Дарья не отвечает.

ИВАН. Что ты молчишь? Скажи! Как с тобой... когда мы... как у меня?... Так ли тоже?

ДАРЬЯ. Так.

ИВАН. Не врешь?

ДАРЬЯ. Нет... Я тоже – словами не могу... (*Вдруг плачет.*)

ИВАН. Ты что?

ДАРЬЯ. Уходи...

ИВАН. Чего с тобой?

ДАРЬЯ. Уйди! Слышишь?

ИВАН. Да что за дур на тебя напал?

ДАРЬЯ (*взвываясь*). Пошел вон! Пошел, сказала! Прочь, скотина! Вон! Во-он!

ИВАН. Дура бешеная! (*Уходит.*)

*Дарья валится на топчан свой, плачет.
Затемнение.*

Каземат.

ДАРЬЯ. Иди, иди сюда.

Иван подходит.

ДАРЬЯ. Молохольный! Тебе в инвалидную роту надо! Убогий. Бабу етить и то не можешь? Недоумок!

ИВАН. Замолкни, сука сраная! Блядища поганая!

Дарья хохочет, Иван бьет ее наотмашь. Дарья вскрикивает.

Коротка пауза.

ДАРЬЯ. А еще? Еще!

Он бьет.

ДАРЬЯ. Еще, гниденьш! Давай! Да!

Иван бьет еще.

ДАРЬЯ. Да! Так! Хорошо! Нравится тебе?! (*Привлекает его к себе, хватая за волосы, оттягивает, ласково.*) Отвечай, сученок!

ИВАН (*голос его срывается*). Да!

ДАРЬЯ. Гляди-ка! А твоя кочерыжка шевелится никак? Готов, ерой?! Давай! Чего встал?!

ИВАН. Сука!

ДАРЬЯ. Бей меня! Давай! Мучай меня! Ети меня!

Дарья толкает Ивана, садится на него верхом.

ДАРЬЯ. Вот! Вот так! Жеребец! Теперь я тебя буду етить!
(Цепью обвивает его шею, придушивает.) Молодца, солдатик!

Иван хрипит.

ДАРЬЯ. Хорошо? Нравится? Сладко тебе? Что трепыхаешься, как вошь на гребешке?

Иван хрипит.

ДАРЬЯ. Знаю, что сладко, знаю, как сладко!..

ИВАН (*хрипит*). Пусти-и! Су-у-ука-а-а!

Дарья извивается, подвывает и взвизгивает...

Тело Ивана дергается, как в агонии, он хрипит, руки его пытаются схватить Дарью...

Ее движения становятся еще более хаотичными, выкрики – не то рыдания, не то хохот – громче, отрывистей...

Несколько раз судорожно, как в конвульсии дернувшись, Иван обмякает, как тряпичная кукла...

Низко, истошно взвывая, Дарья замирает, валится, как куль, затихает ненадолго...

Небольшая пауза.

ДАРЬЯ (*тяжело дышит*). Молодец... солдатик... Раззадорился?..

Иван не отвечает. Он не шевелится.

ДАРЬЯ. Что притих? Уморился? Укатали сивку... Эй? Чего это ты?.. (*Вглядывается в лицо Солдату.*) Сдох?.. (*Зло.*) Поддох, пес!!! Тварь! Взял и – сдох! А еще солдат... Убогий! Чуть ткни – и в труху! Придушила чуть!.. Раньше народишко крепче был... Немчура да жидовины народ испоганили совсем... Это все Катька – блядь коронованная! (*Помолчал.*) Что с тобой теперь делать?.. Дурак! А если я не забрюхатела теперь?.. (*С остервенением пинает безжизненное тело солдата*). Скотина! Тварь! Гнида! (*Стучит в дверь.*) Отворяй! Забирайте эту падаль отсюда!

Затемнение.

*Шарантон. Психиатрическая лечебница.
Нудно жужжит муха. Прохор пытается поймать муху.*

ПРОХОР. Знаю я, monsieur, эту историю... Когда вы сме-ху для из окошка Бастилии сквозь решеток кричать взялись, что деспоты да сатрапы тиранят, да губительство чинят!.. А на другой день толпа разъярившаяся бросилась – ворвалась... Да вас-то уже в другое место отправили от греха, а окромя вас в той Бастилии еще два с половиной инвалида в узниках и состояло!.. Зато потом только и слышать было – про взятие Бастилии... (*Ловит муху; торжествующе вскрикивает петушком.*) Les aristocrates à la lanterne!¹⁴

Де Сад вздрагивает.

ПРОХОР (*держит муху в сжатом кулаке*). А мы видно такая нация рабская... Любим мы, когда бьют нас и тиранят. Чем более над нами измываются да глумятся-изгаляются... нам, видно, слаще! (*Слушает, как муха жужжит в кулаке.*) Мы пред властью в священном трепете пребываем и ждем, и жадем, чтоб секли нас до кровавой рвоты, и прижигали, как скотину тавром. Мы и бунтуем – пьяно, кроваво, чтоб потом били батожем, да бичами – кожу до мяса снимали, ноздри рвали да язык вырезали.

Пауза.

ПРОХОР (*обрывает мухе крыло, смотрит*). А нам в том услада и блаженство! Вон Стенька Разин или Лжедмитрии, иль Емелька Пугачев – воры и тати, и лиходеи, варнаки душегубные – а нам таких вожей и надо! Чтобы промеж двух страхов – перед злодеем, проходимцем самозванным и пред государевой властью – как в истоме сладостной, в предвкушенье казни и мученичества пребывать! (*Обрывает мухе второе крыло.*) Мы рабы были – рабы и есть! И долгонько еще нам рабами быть!.. Да, долго еще в росейской державе так будет... Может, и до скончанья веков... (*Помолчав.*) Редко кто из рабского звания сумеет выскочить! Она вот – не захотела рабой пребывать. Свободы взалкала! И обрела!.. (*Сажает муху на рукав себе, смотрит с любопыт-*

¹⁴ Аристократов на фонарь! (*франц.*)

ством, как бескрылая муха ползает по рукаву.) Снискала за то гонение и темницу, но и в узилище она свободней многих была, кто в душе своей раб есть... (Резким шлепком прихлопывает муху.)

Прохор, поплевав на рукав, пытается стереть с него мокрое пятно от мухи. Де Сад с ужасом смотрит на Прохора.

Затемнение.

Шарантон.

Де Сад один.

Де САД. Encore!.. Seigneur!.. C'est encore lui! Attila, ce scythe terrible, ce monstre! Ils l'ont envoyé auprès de moi pour... Ils veulent ma mort!.. Un vrai complot!.. Ce diable de Collard est malin comme un serpent, perfide et malin!.. C'est leur agent! Il veut me conduire à la folie!.. Il a trouvé un moyen terrible et sûr pour arriver à ses fins - il m'adjoint ce barbare russe qui me fait souffrir... Il m'épuise en déversant sur moi ses flots éternels de mots dont je ne comprends rien! Pourquoi est-il si volubile?.. De quoi parle-t-il, lui, ce sauvage? Il ne peut pas imaginer qui est Donatien Alphonse François de Sade!.. Sacrebleu! Quel étrange caprice du destin l'amène ici depuis un pays froid et lointain! Mon père, mon vaurien de père étais ambassadeur en Russie - il nous a parlé de leurs moeurs horribles, de leurs usages asiatiques et de leurs coutumes effrayantes. Ils portent tous des habits européens depuis les boyards courtisans jusqu'aux vilains, leurs esclaves! Comme c'est le cas des Africains d'Amérique!.. Cet habit européen cache mal leurs sauvagerie! Sacrebleu! Ce scythe dont le nom n'arrive pas à sortir de ma bouche - Pro-pro-kor, il me fait souffrir, il torture ma chair, il me fait manger ce potage dégueulasse que l'on fait manger à tout le monde ici. Sacré nom! Jusque là j'arrivais à éviter cette nourriture affreuse en pourrissant mes geôliers... Mais celui-ci, cet ours est intraitable - il ne parle que quelques mots de français et donc il est incapable de comprendre la parole plus ou moins agencée. Il mérite de plein droit d'être enfermé dans l'asile de Charenton! Ce sont eux... qui m'ont fait tout cela! Ils ont interdit de jouer mes pièces! Sacrebleu! Un vrai complot! «La Russie est un colosse aux pieds d'argile» - Oh ce vieux podagre grincheux et pingre, Voltaire! Imbécile!.. Les Russes, les compatriotes de mon bourreau sont entrés à Paris! Les Russes et les Anglais de malheur ont envoyé ce courtaud de Bonaparte finir ses jours sur une île oubliée par le Dieu! Il serait beaucoup plus subtile, plus finaud de mettre ce parvenu

de mangeur de macaronis dans l'asile de Charenton!.. Il détestait mes livres qu'il faisait brûler!.. Et maintenant des types mongoloïdes faisant partie de l'armée du tzar – des habitants de steps portant des piques et des bonnets de mouton possèdent les catins parisiennes sans descendre de leurs chevaux! Ils possèdent Paris!.. Merde! A la bonheur! Qu'ils rentrent sous terre, tous! Au trou du cul! Mon cul!¹⁵ (Плачет.)

¹⁵ Опять!.. О, Боже!.. Этот ужасный скиф! Атилла! Монстр! Они специально подослали его ко мне, чтобы... Они хотят моей смерти!.. О! Это заговор!.. Этот чертов Коллар... изворотлив, как змей... коварен и изворотлив!.. Он подослан ими... и хочет действительно свести меня с ума!.. Он нашел ужасный, изощренный способ довести меня до умопомешательства – приставил ко мне этого русского варвара, который терзает меня... Он изводит меня своими речами – бесконечными водопадами слов, которых я не понимаю... Зачем он так много говорит?.. О чем говорит со мной этот дикарь?! Он представления не имеет о том, кто я – Донасьен-Альфонс-Франсуа де Сад!.. Черт возьми!.. Что за странная прихоть судьбы занесла его сюда из далекой суровой холодной страны... Мой беспутный отец... был посланником в России... он рассказывал про их ужасные нравы... про их азиатские манеры и жуткие обычаи... Европейское платье на боярах-придворных и на их рабах... да, рабах! – подобно африканцам в Америке!.. европейское платье скверно скрывает их дикость... К чертям!.. Этот скиф... имя которого отказывается произносить мой язык – Про... Про... кор... Про-кор... Он мучает меня, истязает и плоть мою, заставляет меня есть эту жуткую баланду, которой кормят здесь всех... Проклятье! Мне до сих пор удавалось избегать этой ужасной пищи, подкупая надсмотрщиков... Но этого медведя невозможно подкупить... он знает лишь несколько французских слов! Он не в силах понять сколько-нибудь сложной словесной конструкции... Он сам достоин быть полноправным пациентом Шарантона!.. О! Это все они!.. Они!.. Они запретили мои спектакли!.. О, дьявол!.. Заговор!.. «Россия – колосс на глиняных ногах»... Старый скряга, брызга и подагрик Вольтер... Недоумок!.. Русские... соплеменники моего мучителя – вошли в Париж! Русские и чертовы англосаксы отправили недомерка Буонопарте на какой-то богом забытый остров... Было бы куда пикантнее... куда забавнее и остроумней... определить сюда выскочку-макаронника – в Шарантон!.. Он ненавидел меня и сжигал мои книги!.. А теперь монголоиды из войска русского царя – дикие плосколицы степняки с пиками, и казаки в овечьих шапках, не слезая с лошадей, имеют парижских шлюх... Имеют Париж!.. И к черту! И пусть! Пусть все провалится к дьяволу! В задницу! В задницу!.. (Франц.)

1776 г. Санкт-Петербург. Зимний дворец.

ЕКАТЕРИНА. Noch etwas?¹⁶

ПОТЕМКИН. Из Москвы. Из Ивановского девичьего монастыря, матушка...

Короткая пауза.

ЕКАТЕРИНА. Habe ich nicht schon mit dem türkischen Krieg und dem Rduber Pugaiev genug zu schaffen?! Was ist bloЯ los?¹⁷. Не тяни когата... как там говорят?... за?... an den Eiern?¹⁸

ПОТЕМКИН. Помещенная в оном монастыре в подземельном каземате московская столбовая дворянка Салтыкова Дарья...

ЕКАТЕРИНА. Dieses schdndliche Weib!¹⁹

ПОТЕМКИН. Эта фурия чепью, коей прикована, задушила охранника, солдата Ивана Крапивина, 24 годов от роду.

ЕКАТЕРИНА. Mein Gott! Ein stinkender Unflat...²⁰ ein Ungeheuer ist sie!²¹ Как могло так произойти?

ПОТЕМКИН. Сие чудище склонила молодого солдатика к непотребному с нею сожительству...

ЕКАТЕРИНА. So eine hdssliche schamlose Hure!²² Ей надо был выгнать ноздря, клеймить лпа и сослать далеко-далеко, в Нерчинск, как ей холоп!

ПОТЕМКИН. Да она ведь страшна, аки черт. Сущяя ведьма! Баба Яга просто! И удастся мужиков прельщать! Ладно, крепостные ее, с коими она сожительствовала не таясь. Их она к соитию с собою принуждала... А тут?..

ЕКАТЕРИНА. Не велика мудрость einen Soldaten²³ соблазнить.

ПОТЕМКИН. Так ей уж, почитай, пятьдесят годов! Да при том, считай, сколь годов, как она в узилище пребывает!

Пауза.

¹⁶ Что еще? (Нем.)

¹⁷ Мало мне османской войны и этого разбойника Пугачева?! Что там?... (Нем.)

¹⁸ за яйцо? (Нем.)

¹⁹ Эта мерзкая баба! (Нем.)

²⁰ Мой Бог! Мразь воноющая! (Нем.)

²¹ Она – монстр!.. (Нем.)

²² Поганая бесстыжая шлюха! (Нем.)

²³ солдата (Нем.)

ЕКАТЕРИНА. Verflucht!²⁴ Так и мне, mein lieber Freund²⁵, пять-десять лет. Я, значит, стара?! Der Teufel soll dich holen!²⁶

Пауза.
Затемнение.

Каземат. Дарья одна. Стоит на коленях.

ДАРЬЯ (*глухим, низким шепотом*). Богородице-дево! Услышь мя! Помоги мя! Спаси, сохрани и помилуй мя! Помози мя и избавь мя от злой несправедливости холуйскими наветами содеянной! Пресеки вся мученья моя и мытарства! Злокозние противу меня возведенное погаными нечестивцами умали! Мучителям моим и катам беззаконным учини кару крепкую и лютую, предай мукам моих паче злее! Богородице-дево! Мать Пречистая! Сподоби зачати во утробе дитё!.. Пред Господом Иисусом Христом за меня, за душу мою многогрешную заступися и грехам моим отпущенье умоли! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь!

Истово крестится, многократно с силой бьется головою о каменный пол.

Кровь течет по лицу ее, стекая с разбитого лба.

Дарья и Николай лежат на постели.

ДАРЬЯ. Батюшка брал меня на ярмарку... Я видала, как там, на площади, девку секли... Малая была, а запомнила. Разложили ее на лавке голую – тело белое, аки снег, белое-белое... сдобное тело... И кат – мужичшка – сам тьфу! – худосочный, ну жилистый, правда, давай ее кнутом охаживать... И такие красные полосы на белом ее теле, кровавые послы каждого удара... Красное на белом... Кровь... Она выла... Жутко выла. Мне, помню, стало страшно... у меня слезы пошли, помню... Не знаю, сколь годов мне было? Не боле четырех, верно... Мне она послы долго мстилась еще... и голос ее... Ты, Коля, спишь ли?..

Пауза.

²⁴ Проклятье! (*Нем.*)

²⁵ друг мой (*Нем.*)

²⁶ Чёрт бы тебя побрал! (*Нем.*)

ДАРЬЯ. Ой, Коленька!.. Это все со мной сделалось... когда Глебушка мой помер... А допреж того звезда в небеси явилась! Помнишь?!.. Страшная!.. Говорили все – конец свету пришел... Об том и в Евангелии сказано!.. Ты спишь, нет? Коленька?.. Ну, спи, спи, родной!

Николай лежит, отвернувшись. Глаза его открыты. Дождавшись довольно громкого храпа Дарьи, Николай поднимается, в потемках ищет свои вещи, одевается.

НИКОЛАЙ. Храпит, ровно мужик...

Анисим входит тихо в темноту узиллица.

ДАРЬЯ. Кто тут?

АНИСИМ. Я.

ДАРЬЯ. Кто? Кто – ты?

АНИСИМ. Я, я кому же еще быть.

Пауза.

ДАРЬЯ. Я тебя убила. Утюгом тебя чугунным, горячим... в висок тебе! Из тебя дух – вон! Тут же!.. Ты – мертвая есть.

АНИСИМ. Чего бормочешь – не пойму?! Кто мертвый? Ты?

Пауза.

ДАРЬЯ. Чего ты тут? Чего тебе надо? Зачем ты?..

АНИСИМ. Совсем из ума выпрыгнула что ли?

Пауза.

ДАРЬЯ. Стращать меня явилась?.. Так?! Не страшно! Пужай – не пужай!.. Я тебя не боюсь! Мне страх не ведом! Ты меня бойся!

Пауза.

АНИСИМ. Ты с кем говоришь-то? Со мной? Нет?

Пауза.

АНИСИМ. Не в себе что ли? Ты меня слышишь, нет?

ДАРЬЯ. Что тебе... надо?..

АНИСИМ. Что-что... Эх!.. Грехи, грехи наши!.. Видно, Господь меня испытует, такое мне дает...

ДАРЬЯ. К чему ты?..

АНИСИМ. К тому, что видно испытание мне такое дадено – с тобой вот вошкаться. За грехи мои! Епитимья такая! На старости лет...

ДАРЬЯ. Зачем ты мне это?.. Разжалобить норовишь?

АНИСИМ. Будто сквозь меня глядит...

ДАРЬЯ. Тьфу на тебя! (*Крестится.*) Сгинь! Сгинь, пропади! Бесовское наваждение! Нету тебя! Ты мертвая! Нету!

АНИСИМ. Ум за разум зашел?.. Невесть что несет! Кто мертвый-то? Кого – нету-то?

Пауза.

ДАРЬЯ. Кошки!.. Это кошки орут!.. Гон у них!

АНИСИМ. Чего? Опомнись! Слышь?! В голове тебя тёмно.

ДАРЬЯ. Кошки!.. Тьфу! Сгинь! Несть страху во мне! Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Свет гаснет, вдруг, будто кто-то задул свечу. Темнота.

ДАРЬЯ. Ну что?.. Соделали?

МУЖИК. Нет, барыня... Никак... не смоглось! Страшно сделалось! Убоялись...

ДАРЬЯ. Как?!.. (*Сдерживая гнев.*) И почто так?!..

МУЖИК. Мы, конечно, паклю да порох, да тряпье и прочае с четырех-то углов под избу заткнули... А посла... как дур нашел... Страх напал!..

ДАРЬЯ. Подлецы!.. (*Хватает из рук одного мужика арпаник, хлещет мужиков.*) Твари! Скоты!

Мужики валяются на колени.

– Пощади, барыня!

– Страх обуял!

– Греха убоялись!

– Нешто можно живых людей в огне жечь?!.

– Помилосердствуй!

ДАРЬЯ. Молчать! Скоты! Скоты! Скоты! (*Бьет.*)

Затемнение.

Темнота. В темноте – звуки. Будто выжимают мокрую тряпицу; мокрый шлепок об пол; шарканье по полу. Будто кто-то в кромешной темени моет каменный пол.

ДАРЬЯ. Кто тут?

АННА. Я.

ДАРЬЯ. Кто? Кто – ты?

АННА. Раба твоя. Анной кличут. Петрова Анфима жена.

Пауза.

ДАРЬЯ. Покажись!.. Свет засвети!

Возникает слабый слепой свет. Анна в белой рубаше, подол поддернут, заткнут, оголяя ноги, некоторое время стоит молчком с мокрой тряпицей в руках. Бросает тряпку на пол, наклоняется, моет пол.

ДАРЬЯ. Ты... Чего ты тут?

АННА (замирает, не разгибаясь). Мою.

ДАРЬЯ. Вижу.

Анна продолжает возить мокрой тряпицей по каменному полу.

ДАРЬЯ. Стой!

Анна замирает.

ДАРЬЯ. Кто ты?

АННА. Я ж сказывала. Анна я. Петрова Анфима жена. Али не признаешь меня, барыня?

Короткая пауза. Дарья впилась взглядом в Анну.

ДАРЬЯ. Нет... Того быть не может!.. Ты – мертвая. Я тебя убила. Утюгом тебя чугунным, горячим... в висок тебе! Из тебя дух – вон! Тут же!.. Ты – мертвая есть.

АННА. Твоя правда, барыня. (Поворачивается к свету другой стороной лица – обезображенной ударом тяжелого чугунного раскаленного утюга – черной, обугленной, окровавленной.) Я мертвая.

Пауза.

ДАРЬЯ. Чего ты тут? Чего тебе надо? Зачем ты?..

АННА. Ты давеча серчала, что я плохо мыла. За то меня утюгом в висок и приложила. Так я исправить. По новой замыть. А то крови много было. От меня крови много... И кругом – кровь – везде...

Пауза.

ДАРЬЯ. Стращать меня явилась?.. Так?! Не страшно! Пужай – не пужай!.. Я тебя не боюсь! Мне страх не ведом! Ты меня бойся!

Анна молча моет пол.

ДАРЬЯ. Хватит! Стой! Вон пошла! Прибью не то!

АННА (*остановилась, распрямилась*). Нет, барыня! Не можно меня два раза убить! Раз убиенного нельзя вдругорядь убить.

Пауза.

АННА. А ты, барыня, никак в тягости?.. Брюхата?

ДАРЬЯ. Что тебе... надо?..

АННА. Меня когда в деревеньку повезли хоронить, с глаз долой, ты велела дитя мое, кровиночку мою, грудного еще сыночку моего, Васеньку – мне на мертвую грудь положить.

ДАРЬЯ. К чему ты?..

АННА. А ведь зима стояла, мороз был. А его, Васеньку, в одной рубашонке на меня и поклали. Пока ехали Васятка мой, окоченел, замерз совсем, мертвеньким со мною и приехал.

ДАРЬЯ. Зачем ты мне это?.. Зачала Лазаря... Разжалобить поровишь?

АННА. Я в другой раз с ним приду. С Васенькой. Научу его благодарить тебя, благодетельницу нашу.

ДАРЬЯ. Тьфу на тебя! (*Крестится.*) Сгинь! Сгинь, пропади! Бесовское наваждение! Нету тебя! Ты мертвая! Нету!

АННА. Нас с Васей и отпевать не стали. И схоронили, как собак каких, без христианского обряда, не по Божески. Нам тепер покою нету... Слышишь?! Васятка плачет!

Откуда-то приглушенный и, впрямь, будто детский пронзительный плач.

ДАРЬЯ. Кошки!.. Это кошки орут!.. Гон у них!

АННА. Кого родишь?! Чудищу? Чтоб он тебе за лютую погибель нашу отмщенье сделал! Чтоб тебе утробу разорвало!

ДАРЬЯ. Кошки!.. Тьфу! Сгинь! Несть страху во мне! Тьфу!
Тьфу! Тьфу!

Анна задувает свечу. Темнота.

Шарантон. Психиатрическая лечебница.

ПРОХОР. Она любила мужа своего покойного, скоропостижно преставившегося. До отчаяния любила. А он, видно, на ней по родительскому сговору женат был. И от страсти нежной к супруге своей не трепетал и вожделением к ней вовсе не источался. И хотя должным образом родила она своему мужу двоих сыновей, обоюдной любви меж них не водилось. Хотя и может вполне быть, что таковая обоюдная любовь – химера суть – одно мечтанье и пустой сон. И только в одних ваших французских романах оно и есть... Но возвратясь к предмету нашему, скажу так, что она своего супруга любила крепко, как в венчальном обете говорится – до смерти... Он же будучи натурою своевольной и горячего нрава, опричь супружеских зарок, охоч был до утех любовных и, как говорится, ни одной мимо себя особы женского званья не упускал: будь то дворовая их же девка или барышня соседская по именьям их, или даже вдова почтенная погибшего товарища по воинскому его поприщу. Да, кстати, и непотребными девицами, блядьми не брезговал... Она же с христианским подлинно смирением все эти мужнины выверты сносила и попреками его не терзала. Но, видно, копилось у ней в душе – как сажа в трубе – чернота непроглядная, злая темень. Сосал червь сердце ее... От любви к мужу она терпела и мирилась. А тут, как на грех, он возьми – да помри в одночасье – от апоплексического удара, как доктор сказывал. Для нее весь свет не мил сделался – небо с овчинку, сквозь слез свету не видать. Она от горя вся помертвела, будто сама померла. Хотела руки на себя наложить, но уберег Господь. И от муки такой сердце в ней сужилось, очерствело, сделалось как камень, а душа в ней сникла, зачахла, будто замерзла и в темноту погрузилась, в сон беспробудный. Одним словом говоря – ожесточилась она внутри себя... Однако ж поскольку во вдовый наряд пришлось ей обрядится двадцати шести годов от роду, то есть не совсем старухой еще, натура, женское естество своего требовали... Она и от мужа-то ласки не много видела... Она и на богомолье езживала – в Киев, и в Лавру, и в Оптину пустынь, и по другим многим святым местам. Но успокоения ни душевного, ни плотского не обрела...

*Анисим входит, внося как всегда миски с едой.
Дарья сидит на полу, лижет языком известку на стене, там,
где та оштукатурена.*

АНИСИМ. Ты чего, эй?! Совсем ополоумела, баба? (*Ухмыляется.*) Я уж думал – дале некуда из ума выпрыгивать, а вон – стенку лижет! (*Небрежно швыряет миски на стол.*)

Дарья не отвечает. Лижет стену.

АНИСИМ. Жрать на.

ДАРЬЯ. Сам жри это говно!.. Теперь все! Кончено теперь! Теперь по-другому пойдет!

АНИСИМ. Чего бурчишь?

ДАРЬЯ (*резко, громко*). Все! Теперь иначе все станет! По-другому! Все, все переменится! Сам эти помои жрать будешь!!!

Короткая пауза.

АНИСИМ. С чего это вдруг – перемениться?.. Чего захотела!.. С какой-такой радости?

ДАРЬЯ. Я – в тяжести. Дитё у меня будет!

Пауза.

ДАРЬЯ. Ясно тебе, тварь?! Меня теперь – помилуют! Все переменится! А там, глядишь, и выйду я отсюда на Божий свет! Все теперь! Все! Понятно теперь, скотина ты!

АНИСИМ (*потрясенно*). Да...

ДАРЬЯ. Рожу выблядка! Помилуют!

АНИСИМ (*почти в восхищении*). Вот вражий дух! Чего измыслила!..

Дарья лижет стену. Отколупывает ногтями куски штукатурки, ест с хрустом.

АНИСИМ. Баба – хуже черта! Сатана просто...

Пауза.

АНИСИМ. А коли того... ежели не будет тебе помилованья?

ДАРЬЯ (*ухмыляется*). Будет!.. У нас царица – добрая! Хотела меня казнить – голову мне отчекрыжить! Ан нет! Даже в Си-

бирь не сослала, даже и клейма на лбу не выжгла! Добрая государыня! Убоялась! А теперь, когда выблядка вырожу – совсем мне послаблене выйдет! (*Лижет стену.*)

АНИСИМ. Тьфу! Сукино отродье!

ДАРЬЯ. Плюй не плюй – один хуй! (*Смеется.*) Вон там в углу дерьмо мое – вынеси! Воняет!

Краткая пауза.

ДАРЬЯ. Теперь все переменится! И у нас с тобой, старый хрен, тож все иначе пойдет!

Анисим понуро выходит, громыхая ведром с нечистотами.

Дарья перестала лизать стену. Встает, потягивается. Замирает, закрыв глаза, словно прислушивается к себе, к тому, что теперь в ней. Скалится в улыбке.

Каземат.

ДАРЬЯ. А ты кто еще?.. Чего тут тебе?.. (*Пристально всматривается.*) Кто ты?.. Вроде... знакома мне твоя рожа... Хрисанф?!. Ты ж помер? Что ты тут?.. Чего тебе? Зачем пришел? Кто тебе велел? Ты – мертвый. Я тебя убила. Я помню, как ты скулил, как сука... (*Резко.*) Что, мало тебе?! Опять хочешь?! Так, давай! Во мне страху несть! Хоть все, все явитесь! Не страшусь вас. Вы мертвые! Мертвецы! А я живая еще! Живая! Хрисанф! Ты валялся на дворе, в грязном снегу и выл! Истошно так выл и скулил, и стонал еще... Что, жалеешь теперь, тля, что отказался от тела моего?.. Что егить меня побрезговал?! Пададь!..

Дарья сидит, широко расставив распухшие ноги. Руки ее сложены на довольно большом животе. Глаза закрыты.

Вдруг словно судорога передергивает все ее тело. Она корчит, стонет.

ДАРЬЯ. Сученок! Ублюдок! Что нейметса тебе, тварь ты такая! Больно мне! Больно! Что ты там творишь, гнидениш! Чем тебе там плохо?!.. (*Затихает.*) Там, небось, хорошо... Тепло, темно, сытно... Покойно... (*Корчи ее возобновляются.*) Прочто ж ты терзаешь меня, аки кат какой?! Хватит, уймись, подонок! Выблядок! Режешь меня изнутри! Огнем нестерпимым жжешь, как в адее! За что?! За что?! (*Протяжно, по-звериному воет.*)

На ее вой является Анисим.

АНИСИМ. Что ты обрат тут творишь?!

Дарья корчится, сползши на пол.

АНИСИМ. Господи, воля твоя! (*Крестится.*) Чего с тобой? Падучая что ль?!

ДАРЬЯ (*хрипит с неистовством*). Что, пришел порадовать-ся?! Поглядеть, как корежит меня, как корчит?! Смотри, скот, радуйся! Нравится?! (*Воеет, выпучив глаза.*)

АНИСИМ. Какая тут радость! Любую живую тварь жалко. Даже такую, вот, как ты – и то!..

ДАРЬЯ. Жалостный такой?!

АНИСИМ. Человек человека жалеть должен. Кабы так-то было всегда да везде, глядишь, и жисть по-другому как-то делалась... По правильному, по разуму...

Дарья воеет, корчится.

АНИСИМ. Эх тебя корежит!

ДАРЬЯ. Пусть Марфа придет!

АНИСИМ. Совсем что ли худо?

Скатывает платок в жгут, берет его в зубы.

ДАРЬЯ (*не разжимая зубов*). Боюсь... кончусь... тут...

АНИСИМ. Жалости подобно на тебя глядеть! И все одно – гляжу и дивлюсь – какая силища в тебе! Звериная просто сила!..

ДАРЬЯ. Дохтура покличь!

АНИСИМ. И когтями и зубами за живот свой цепляешься! Всем глотку готова перегрызть!

ДАРЬЯ. Перегрызу... Тебе!..

АНИСИМ. И ведь дарует тебе Бог!.. Вот от Ивана забрюхатела... Царствие ему небесное! (*Крестится.*) Молокосос ведь совсем... польстился на тебя... Эх! Упокой, Господи, душу его грешную! (*Крестится.*) Понесла ведь! А ведь сколько тебе годов?! Не молодуха, чай! Как кошка, просто...

ДАРЬЯ (*с трудом, сквозь зубы*). Замолкни, дурак! Позови Марфу!

АНИСИМ. Забрюхатела!.. Да! Дивны дела твои, Господи! Неисповедимы пути – воистину! Кто от тебя народится?

Дарья стонет, потом затихает. Неподвижна.

АНИСИМ. Стало быть, есть в том Его промысел, ни нам никому не ведомый... Кто из утробы твоей выйдет? А? Человек ли? Божье создание? Али чудище обло?.. Изверг рода человеческого?! Изувер, что тебя в злодеяньях переусердствует!..

Пауза.

Дарья неподвижна.

АНИСИМ. Нешто сдохла? То-то было б справедливое дело... Чтоб то, что в утробе твоей, тебя изничтожило... Господи Боже, яви чудо свое! Прибери от греха!

Дарья садится.

ДАРЬЯ. Тебе в попы надо было...

Пауза.

ДАРЬЯ. Не дождешься, пес!.. Не хотел мне помощь сделать? Хотел, чтоб я тут в корчах кончилась?.. Хуй тебе! Живая я! И долго буду жить! Я еще твою смерть увижу, шихирник!.. С тебя голову сымут, а я еще в глаза плюну!

АНИСИМ (*мелко крестится*). Спасисохрани помилуй! Господи, Царица Небесная! (*Поспешно ретируется.*)

Дарья сидит посреди застенка на табуретке.

ДАРЬЯ. Господи Христосе! Царица Небесная! Помогите... Давай, что ли, сученок... Давай, вылезай, гаденьш! О-о-ой! (*Воет.*)

Является Анисим.

АНИСИМ. Чего опять?

ДАРЬЯ. Покличь кого-нибудь! Рожаю я!

АНИСИМ. Святыи Боже! Угодники святыи!

ДАРЬЯ. Хватит кудахтать! Марфу покличь! Одна не сдюжу...

Анисим суетливо топчется, выходит, оставив дверь нарапашку.

ДАРЬЯ (*глядя на открытую дверь*). Вишь ты... балахна... Выйти можно, а не могу... Из меня выходит! (*Стонет.*) Чтоб вас заклало!

Возвращается Анисим и Марфа.

ДАРЬЯ (*Марфе*). Не могу!.. Он меня рвет ровно!..

МАРФА. Ничего. Сладишь.

ДАРЬЯ. Он меня убьет, сученок! Сдохну-у-у!

МАРФА. Кричи. Не жалея глотки. С криком – легчей.

Дарья кричит в голос.

МАРФА (*Анисиму*). Воды давай, кипятку! Тряпицы надо чистые.

АНИСИМ. Где ж я это?..

МАРФА. Същи где-нигде.

АНИСИМ. Где?! Чай тут не повивальня!

МАРФА. Не стой пеньком!

ДАРЬЯ. Су-уки-и-и! Ой, не могу... Не навизу-у-у!..

ДАРЬЯ. Где он? Где?! Говори, паскуда! Где ребенок мой?!

АНИСИМ. Нету! (*Улыбается.*)

ДАРЬЯ (*истово*). Где он?!!

АНИСИМ. Все... Помер. Упокой, Господи!

ДАРЬЯ. Что?!.. Нет! Не верю тебе, базага!

АНИСИМ. Правильно! Не верь. Потому как удавили твоего выродка! Шейка – цыплячья – чуть нажал. Он и не пискнул...

ДАРЬЯ. Врешь, скот!

АНИСИМ. Да! Выблядка твоего поганого – утопили в сральне, как щенка... В говнах! Бултых! – и нет, как и не было!

ДАРЬЯ. Нет!

АНИСИМ. Под доску положили, а я на нее сел – только косточки молочные – хрясь! – хрустнули, сладко так, тебе бы, ой, понравилось... Собака ты... А ты что думала? Послабление тебе выйдет, коли ублюдка выродила? Хуй тебе! Нету тебе послабления! Нету спасенья тебе!.. Нету! Не было никакого дитя! Нету! Не было!!! Никто не ведает! Никто не прознает! Никто! Хуй тебе! (*Смеется похрюкивая..*)

Дарья бьет его. Он воет.

АНИСИМ. Нету-у-у его! И не было-о-о!

Дарья вдруг дико хохочет. Падет, лежит неподвижно. Затемнение.

Ивановский девичий монастырь. В монастырском дворе толпятся люди.

- А страшная она?
- Ужас как!
- Волосатая – лица не видать. Из ноздрей волосья точат и на щеках! И в ушах тож волоса! И волосья у ней толстые жесткие, ровно железо!
- Размужичье – одно слово!
- И борода, слышь, сказывают, у нее как у мужика все одно!
- Бородуля, значит!
- А можа она и не человек совсем?
- А кто?
- Черт!
- Блудница вавилонская в евоном обличье явленная! Вот кто!
- Ты, брат, ври, да меру почувствуй!
- Человек, как ты да я. Две руки, две ноги...
- Душегубица она и кровопивица. Разве человеку такое способно творить?
- Зверь, зверь.
- Черная у ней душа. Богоотступная! Варначья!
- Я вот слышал – она как взбеленится, так что под руку попадет-ся, тем и зачет отгаживать холопьев своих – поленом ли, арапником, кнутом! И по те поры мучительствовала, покуда дух вон не выбьет.
- Сама?
- Своей рукой!
- И я тако же слышал.
- А еще устанет, коли, уморится – катам своим накажет и те вместо нее мытарили плетьюми, до смерти убивали.
- Так она с имя в открытую блудодействовала! Никого не срамилась!
- Грехи наши! Прости Господи!
- На блуд склоняла, а которые в отказ – тех уморит.
- А гутарят она и человечину ела.
- Нешто правда?
- За что купил, за то и продаю.
- Страсть-то какая!
- Брешут поди!
- Об чем лай?
- Люди зазря брехать не будут!
- Это что так?
- Она вон девок да баб боле загубила. Отчего так? Чего для баб да девок? Плетками до смерти забивала?

- Сатана про то ведает.
- А я скажу почто так.
- Ну и почто?
- Потому у женского званья мясо слаще! А тако ж от битья долгого плоть мягчеет, нежней делается, мясо от кости само отстает...
- Язык у тебя без костей – точно!
- Я – что? Люди сказывают.
- Люди – ядят в блюде!
- А чай ополоумела она на чеши весь век сидеть?
- Как сука цепная.
- Нет, как медведь на ярманке!
- А и ходют вот, на нее глядят, любопытствуют...
- Токмо денег за погляд брать никому на ум не пришло!..

Затемнение.

Де Сад недвижим на своем кресле.

ПРОХОР. Мальцом... я видел ее... Подкрадывался и заглядывал в зарешеченное оконце. Было страшно, и страх будто пульсировал внизу живота... мурашки – по хребтине, и помочиться хотелось... Никогда не думал ране, что страх есть? Откуда возникает он и что причина его... Это надо полагать, как и боль – токмо не в натуральном виде – физическом, а так сказать, в духовных сферах – страх, боли подобно, может удовольствие доставлять... немалое наслажденье. Не думали про то, сударь?..

Де Сад не реагирует.

ПРОХОР. И вот упиваяся собственным страхом, заглядывал я во тьму, забранную толстыми ржавыми решетчатыми прутьями. И сама тьма была страшнее кошмаров. И любое колыханье этой темени вызывало еще больший прилив хладного едящего страха! Я-то ведь знал, что там в глубине где-то есть это страшное чудище, об котором столько говорено было вокруг. И мне чудилось ли, иль в самом деле позвякивала ее чепь... Было – прильну к окошку и всматриваюсь в шевеленье темного воздуха и гадаю – в каком углу та Баба-Яга притаилась... (*Пауза.*) И вдруг, прямо за прутьями супротив лица моего, явилось – уродливое, страшное, искаженное... Вынырнув из тьмы, будто из нее и сотканное – цвета земли или каменных стен серых – ее лицо, лицо мертвеца, заживо погребенного... Морщинистое, скукоженное, в коросте лицо, голый почти череп в струпьях, видный сквозь слипшиеся жидкие бесцветные

волосья... И глаза – мнилось тогда огромные, белесые, выцветшие и какие-то... дикие... Глаза нелюдя, зверя, чудища... А еще помню – пасть ее – беззубую, но все одно страшную и отверстую... И рука ее скользнула меж прутьев быстро-быстро, как мольня, и длинные, загнутые когти ее – тож будто звериные оцарапали лицо мне! Кабы не ловкость природы моей сызмальства как-то обозначенная, кабы не отпрянул я в испуге смертельном – когти ее впились бы в кожу мне, а может, и в глаз достигли бы... Но Бог уберег, я токмо головой мотнул и когти лишь царапнули щеку до крови... А она зарычала, завывала, истово так и истощно, как вурдалак, ненасытно, утробно, отчаянно – в бессилии, не достигнув цели своей... Когда ж опамятовался я где-то далеко от монастырского двора, от пристроя монастырского в коем пребывало чудовище, я почуял сперва мокрый холод на внутренности ляжек своих, а потом и запах мочи достиг меня, потому – обмочился я со страху... Долго потом не заживали царапины на лице моем, покрылись струпьями, под которыми мокло и точился гной. И боле никогда не подходил я к тому окошку. И никогда уж более ее не видел.

Пауза.

ПРОХОР. И только перед самой кончиной, на смертном одре своем, когда меня уж завтра в рекруты забривали, батюшка, нареченный отец мой, открыл мне – кто есть мать моя! Моя мать и была... тое самое чудовище, что сидело в пристрое монастырском...

Краткая пауза.

ПРОХОР. Мать моя и была... кровопивица и душегубица, «людоедка», изверг рода человеческого! (*Трясет де Сада за плечи.*) Слышишь ли, сударь?! Мать моя – кровавая барыня Салтычиха! (*Де Сада как тряпичная кукла трепыхается в его руках.*) Мать моя – тот зверь в человеческом облике, на который как в циркус ходили полубопытствовать! Вот кто мать моя, сударь! (*Трясет де Сада.*) Моя мать – московская столбовая дворянка Дарья Салтыкова...

Прохор рыдает. Он с силою отбрасывает от себя де Сада.

Мертвое тело де Сада безжизненно сваливается на пол вместе с креслом, колесо коего крутится, крутится, крутится...

FIN.

Перевод на французский – **Сергея Корнилова.**

Перевод на немецкий – **Ганса-Йоганна Бидерманна и Елены Шевченко.**

ГЕРОНТОФОБИЯ И ДР.
ПЬЕСА

Жене Беркович

Пьеса написана специально для фестиваля «Любимовка-2010».
Автор благодарит Елену Ковальскую.

Предупреждение!

В пьесе содержатся сцены насилия, жестокости и ненормативная лексика.

Запрещено для чтения и просмотра детям и подросткам, а также не рекомендуется людям со слабой, неуравновешенной и несформировавшейся психикой.

«ПУТИНСКАЯ ТАБЛЕТКА»

Н и Елена Ивановна входят в комнату.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Проходи, проходи, что тут-то, проходи, проходи...

Н. Вы – Скворцова Елена Ивановна?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Вот и хорошо, вот и проходи, что тут стоять, проходи, доча, хорошо...

Н. Я патронажная сестра. Я лекарства вам принесла.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А?.. Что?.. Вот и хорошо! Проходи, доча, что тут-то...

Н. Вы – Скворцова? Елена Ивановна?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А? Я, я – Скворцова, да... Хорошо... Да...

Н. Я патронажная сестра... Принесла вам лекарства! Бесплатные! Понимаете?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А? Лекарства?.. Хорошо... Я Скворцова, да...

Пауза.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Это Путин, что ли? Путин?..

Н. Что – Путин?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Ну... лекарства-то прислал? От него – от Путина – лекарства-то?

Н (*не сразу*). От Путина, да...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Путин – молодец!.. Вспомнили о стариках...

Н. Давление будем мерить?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Путин молодец! Заботится... Хороший... Я люблю его в телевизоре глядеть...

Н. Давление, спрашиваю, будем?..

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Да, доча, есть у меня давление, есть... Годы-то какие уже... Конечно!

Н. Тогда, давайте, померяем давление.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Можно, да... Давление есть...

Н. У вас кошки, что ли?.. Воняет так?..

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А? Что?.. Ты, доча, громче говори!..

Н (*громче*). Я говорю – кошки у вас, что ли?.. Пахнет. Запах.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А! Так – да! Кошечки, да... Все твари живые, все веселей мне...

Н. Ложитесь на диван тогда...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Я их сюда не пускаю... Они в другой комнате живут...

Небольшая пауза.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА (*задумчиво*). Я вот сижу, в окошко смотрю, смотрю все... Не знаю... Думаю, все думаю... Как все происходит так? Зачем так?.. Думаю все... И ничего не понимаю совсем... Совсем ничего... Я вот Богу стану молиться, задумаюсь так... и забываю, что молиться начала... А тебя, доча, тоже, значит, Путин прислал?..

Н. Путин, Путин... Ложитесь... (*Достает из сумки тонометр.*) А у вас, вообще, что ли родственников никого нет?.. Ложитесь!..

Помогает Елене Ивановне лечь на продавленный и ободраный кошками диван.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А? Что, доча, говоришь?.. Громче говори?.. Кошки – в других комнатах у меня!.. Я их сюда не пускаю... Они чистые у меня... Любят меня...

Н. Рукав закатайте! А родные есть у вас кто? (*Помогает Елене Ивановне закатать рукав, надевает ей на руку манжет тонометра, накачивает манжет.*)

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А?.. Родных нету... Сестра – совсем спятила... Все перемерли уже... А мне Бог все никак покою не даст... Ты, доча, верующая, нет? Щас все – верующие сделались... И Путин, вон! Все!.. Ой, туго чего-то!..

Н. Все в порядке... Все уже! (*Выпускает воздух из манжета тонометра.*)

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. И что? Чего там давление у меня?..

Н. Сто восемьдесят на сто...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. И что это значит? Плохо?..

Н. Таблетку вот выпьете – будет лучше.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Путинскую? Путинскую таблетку? Которую, что ль, он прислал?.. Она от давления?

Н. Путинская, да. От давления. (*Дает Елене Ивановне таблетку.*)

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Я люблю его по телевизору глядеть... Путина-то... Его часто показывают...

Н. Запить дать?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Да.. Запить... На кухне там... вода там... стоит в банке двухлитровой... отстоянная... я отстоянную пью...

Н идет на кухню.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. В банке – в двухлитровой на столе там... Нашла?

ГОЛОС N (*из кухни*). Налить во что?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Там, доча, погляди – в шкафчике... чашки там... чистые там... Нашла?

Н возвращается с чашкой воды.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Нашла?.. Вот и хорошо... (*Безуспешно пытается разорвать упаковку с таблетками.*)

Н. (*подает Елене Ивановне воду*). Давайте я!.. (*Забирает у Елены Ивановны упаковку, вскрывает, кладет ей на ладонь красную капсулу.*) Пейте!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А как название-то?.. Как таблеточка называется?

Н. А вам не все равно?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Красивая... красненькая... Как, доча, говоришь называется?..

Н. «Эвтаназол»...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Нерусская?.. Импортная?

Н. Наша, наша... Пейте!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А мне, доча, хуже-то от ней не делается, нет?..

N (*негромко*). Куда – хуже?..

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А? Что говоришь?.. Не будет мне плохо от нее?

N. Как же хуже будет, если ее Путин прислал? А? Это же путинская таблетка! Программа такая... государственная... помощь больным, старперам...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Кому?..

N. Пожилым людям, пенсионерам, ветеранам ВОВ, инвалидам... Бесплатное вот лекарство... Существенно улучшает качество жизни в пожилом возрасте...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А... Ну да, ну да... (*Медлит.*)

N. А вы говорите – хуже! Пейте уже! Мне еще дальше идти надо! Ну? И что вы думаете? Пейте, говорю...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А может, я потом... Попозже чуток выпью ее... А то что-то... не знаю...

N. Ну что вы выдумываете? Я специально и хожу к вам – чтобы проконтролировать!.. Неужели не понятно?..

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Не знаю я... Что-то... страшно мне...

N. Что? С какого перепуга – страшно вам?.. Пейте!.. Не тяните резину... Мне, правда, еще кучу народу обойти сегодня!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Да я выпью... Выпью... Посля... погоды малость... выпью... Ты, доча, иди... я выпью... хорошо...

N. Никуда я не пойду, пока не выпьете!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Да я потом, доча...

N. Когда – потом? Когда – потом?.. Пейте что ли!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Да что ж ты сердиться?.. Я выпью, выпью... Вспомнили о стариках... Путин вспомнил... Я голосовала за него, за Путина-то...

N. Вот и пейте теперь!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Выпью, доча... Выпью...

Пауза.

N. Ну?!

Елена Ивановна зачем-то крестится, что-то бормочет, кладет таблетку на язык, пьет воду из чашки.

N. Проглотили?

Елена Ивановна мотает головой утвердительно.

Н. Вот и хорошо! Сейчас... Скоро – лучше вам будет! Никакого давления... Вообще... Точно проглотили?..

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Проглотила, доча, проглотила...

Н. О-кей! Сейчас почувствуете.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Я чувствую вроде... чувствую я...

Н. Что?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Не знай, как сказать... Легче мне вроде... делается... Я, прям, чувствую... Спасибо тебе, доча...

Н. Это – Путину!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. И Путину спасибо...

Елена Ивановна лежит, закрыв глаза, совсем неподвижно. Н склоняется к ней.

Из другой комнаты вдруг выходит пожилая женщина...

Зтм.

«Пиздуй отсюда по холодку!»

Подъезд. На лестничной площадке темно. Н на ощупь находит, нажимает кнопку звонка. Звонка нет. Н стучит в дверь.

ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ. Чего?!

Н. А света чего нет? Не платите, что ли? Отключили?

ГОЛОС. Хули надо?

Н. Я из собеса.

ГОЛОС. Ага. А я Алла Пугачева! Пиздеть – не мешки ворочать!

Н. Я, правда, из собеса...

ГОЛОС. Не пизди, сука! Чё те надо?!

Н. Я таблетки принесла. Бесплатные.

ГОЛОС. Да пошла ты! Лучше б выпить принесла, коза, бля...

Н. Вы – Медведева Вера Павловна? Я принесла вам бесплатные лекарства! Вы слышали, что я сказала? Откройте!

ГОЛОС. Ага! Щас! Разбежалась, спотыкаюсь! Я тебе дура набитая, да?! Я тебе открою – а ты меня ёбнешь чем-нибудь, да? Хуй тебе! Поняла?

Пауза.

Н. Вера Павловна? Медведева? Да?

ГОЛОС. Так я тебе, блядина, и сказала! Пиздуй отсюда по холодку!

Н (*негромко*). Я вернусь еще... Я тебе эти таблетки засуну...

ГОЛОС. Чё-чё? Чё ты там шепчешь, сучка ты такая? Пиздуй – сказано! Шепчет она еще чё-то...

Н стоит перед дверью.

Зтм.

«ЭХОЛАЛИЯ»

Из комнаты вдруг выходит пожилая женщина. Н удивленно смотрит на Елизавету Ивановну.

Н. Упс!.. А... Вы тоже? Вы тут живете?..

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...живете...

Н. Елена Ивановна...

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...Ивановна...

Н. ...сказала, что нет никого, что она одна...

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...одна...

Короткая пауза. Н роется в папке с бумагами, извлеченной из сумки.

Н. Вы... Елизавета Ивановна Скворцова?

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...Скворцова...

Н (*смотрит на труп Елены Ивановны*). Вы с Еленой Ивановной – сестры?

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...сестры...

Н. Родные?

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...родные...

Короткая пауза.

Н. Я принесла вам бесплатные лекарства...

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...лекарства...

Н. Лекарства, да... (*Усмехается*). Таблетки от Путина...

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...Путина...

Елизавета Ивановна повторяет за Н. последнее слово – без выражения, как сомнамбула, глаза ее – бледно-серые, выцветшие.

Н. Вы меня понимаете?

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...понимаете...

Н. Елена Ивановна приняла уже таблетку...

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...таблетку...

Н. Теперь отдыхает...

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...отдыхает...

Короткая пауза.

Н. Вы так и будете за мной повторять?

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...повторять...

Н. Черт!

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*не сразу*). ...черт...

Н. Я еще раз повторяю... Я патронажная сестра из поликлиники... Принесла вам таблетки бесплатные «путинские»... Специальная программа для пенсионеров и инвалидов... реабилитационная...

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*с трудом*). ...ре... би... та... цонная...

Краткая пауза.

Н. Ясно...

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...ясно...

Н. Короче! Таблетку пить будем?

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...будем...

Н. Будем?!

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...будем...

Н. О-кей!

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*с трудом*). Ок... ок... ий...

Н (*достаёт таблетки, демонстрирует*). Вот! Красненькая!

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...красненькая...

Н. Вы понимаете, что я говорю?

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...говорю...

Н (*протягивает таблетку*). Пейте!

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...пейте...

Н. Блядь!

Короткая пауза.

Н. Блядь!

Молчание.

Н. Вот как? Ну надо же!.. Значит, не все еще проёбано?..

Молчание.

Н. Ну, что? Будете путинские таблетки пить?!

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...пить...
 N. Вот! Пейте! Хватит уже!..
 ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...уже...

Короткая пауза.

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*вдруг*). Павлова Зойка с Клавкой косописдой пили-пили, пили-пили – самогонку пили, которую Клавка ж и гонит, и они пили-пили, пили-пили... до того допились, что Зойка Клавке пальцы пооткусывала – все эти, каких называют-то? ну суставы первые – фаланги, что ль? или как? а одной семьдесят восемь, что ли? или семьдесят девять? а другой восемьдесят три, да и как она это смогла, у ней, вроде, и зубы все наперечет – семьдесят восемь годков – не шутка!..

N молча наливает в чашку воды, протягивает одной рукой чашку, другой на ладони таблетки.

Елизавета Ивановна молча, безропотно берет таблетки, глотает, запивает водой из чашки.

N. Вот и славненько.
 ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...ненько...
 N. Вам надо лечь, полежать. Лучше на левом боку...
 ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. ...боку...

Елизавета Ивановна присаживается на скрипучий ветхий стульчик. Она вздыхает глубоко, глаза у нее закатываются, и она, вместе со стулом, падает на пол.

Зтм.

«ГЕРА»-1

Подъезд. N перед дверью.

ДЕТСКИЙ ГОЛОС (*из-за двери*). Кто там?
 N. Я из поликлиники... Взрослые есть кто-нибудь?
 ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Нету никого.
 N. А Маргарита Арсеньевна где?
 ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Ее нету.
 N. Это квартира Фомичевых?

Нет ответа.

Н. Маргарита Арсеньевна тут живет?

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Да.

Н. А где она?

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Ушла.

Н. Куда?.. Надолго?!

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Не знаю.

Н. Черт!.. Эй, послушай!.. Тебя как зовут? Может, ты меня пропустишь, и я ее подожду тогда. Я из поликлиники. Мне Маргарита Арсеньевна очень нужна!

Пауза. За дверью молчание.

Н. Эй! Ты слышишь меня? Алло?

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Гера.

Н. Что?

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Меня зовут – Гера.

Н. Гера? Хорошо, Гера! Откроешь мне?

ГЕРА. Мне нельзя.

Н. Что – нельзя?

ГЕРА. Ничего нельзя.

Н. Чего – ничего?!

ГЕРА. С незнакомыми нельзя разговаривать. Открывать нельзя.

Н. Я же из поликлиники! Я медсестра!

НЕРА. Ну и пусть. Все равно – нельзя.

Н. Гера! Послушай! Мне – можно! Я же из поликлиники! Я лекарства принесла Маргарите... Арсеньевне!.. Она... Это бабушка твоя?

ГЕРА. Кто?

Н. Маргарита Арсеньевна!

ГЕРА. Не-а...

Н. Нет? А кто?

Пауза.

Н. Гера! Мне очень нужна Маргарита... Арсеньевна!

ГЕРА. Ее нету.

Н. Я поняла уже! Она же скоро вернется? Я подожду ее. Открой мне.

ГЕРА. Мне нельзя.

Н. Да можно! Мне – можно! Я медсестра! Открывай, давай! А то я на тебя нажалуюсь – родителям. И тебе попадет от них! Где родители у тебя?

ГЕРА. На работе.

Н. Ну вот! И Маргарите Арсеньевне нажалуюсь! Она бабушка твоя? Открывай!

ГЕРА. Нет.

Н. Что – нет?

ГЕРА. Не бабушка. Говорил же...

Н. А кто?

ГЕРА. Никто.

Н. Ясно. Открывай уже! Слышишь?!

Пауза.

Н. Ты уснул там, алло?

ГЕРА. Щас...

Щелкают многочисленные замки. Дверь открывается. Н проходит в квартиру.

Зтм.

«А где Таня?»

В квартире. Афанасий Матвеевич сидит на большом, старом, основательно обшарпанном кожаном диване. Он в тиджаке, на который прицеплены орденские колодки.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. ...не понял я? Откуда? Из МЧС, что ли?

Н. Я вам еще раз объясняю, что я из структурного подразделения государственного пенсионного фонда, которое занимается всесторонней помощью таким, как вы – пенсионерам, пожилым, ветеранам ВОВ... Вы ветеран?

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Ну. Ветеран, да. А чего надо-то?

Н. Ну так вот! Вам полагаются... бесплатные лекарства. И наша организация при пенсионном фонде, находится под непосредственным патронажем, как министра финансов, так и министра здравоохранения и занимается прямой доставкой этого лекарства непосредственно...

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Не пойму я ничего! Что ты тараторишь там? Балаболка! Толком скажи! Ты из ветеранского Комитета?

Н (*тихо*). Ебанько...

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Приходили уже!

Н. Что?

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Приходили из Комитета, говорю! Поздравляли уже!

Н. Поздравляли? С чем?

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. С юбилеем! Я им говорю – у меня в том месяце был, а они все равно! Тоже чего-то тараторили, тараторили все время...

Короткая пауза.

Н. Вы как себя чувствуете?

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Чего?

Н (*громко*). У вас аппарат слуховой работает?

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Я не глухой! Не ори!

Н. Простите!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Все слышу! И вижу тоже. Была катаракта, да. Все как песок в глазах! Плохо видать было. Так операцию сделали – в Самаре – в военном госпитале – и все – опять стал как новый!

Н. Хорошо. А я принесла вам лекарства!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Чего?

Н (*демонстрирует упаковку таблеток*). Вот. Лекарство! Видите?!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Пилюли, что ли, какие? И чего?

Н. Это вам лекарство!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. И чего ты ими мне в нос тычешь?!

Н. Это вам! Бесплатно совершенно!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Чего? На хрена мне эти пилюли твои?

Н (*заглядывает в бумажку*). Афанасий... Матвеевич...

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Ну, да я. Девяносто лет уж как Афанасий Матвеевич!

Н. Эти таблетки – лекарства – изготовлены с применением нанотехнологий по специально разработанной формуле и они существенно улучшают качество жизни в пожилом возрасте!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Чего тарыхтишь – ничего не пойму!

Н. Я говорю, государство о вас заботу проявляет! А вы!..

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Государство?!.. А где оно было, это государство, когда Таня помирала моя одна тут?.. Не надо мне подачек государственных! Иди-ка с пилюлями своими знаешь куда?..

Н. Догадываюсь.

Пауза. Афанасий Матвеевич вдруг заваливается на бок на своем диване.

Н. Эй!.. Дед, ты чего? Алё? *(Безрезультатно тормозит Афанасия Матвеевича.)* Эй! Дед?! Ау?! Слышишь меня?.. Ты крикнул, что ли?! Эй?!!

Пауза. N щупает пульс.

Н. Упс!.. Реально, что ли, откинулся?.. Не пойму, блин!.. *(Достает зеркальце подносит ко рту Афанасия Матвеевича.)* Не дышит?.. Все, что ли?..

Афанасий Матвеевич шумно вдыхает. N вздрагивает от неожиданности, отстраняется. Афанасий Матвеевич оглушительно прокашливается. Кряхтит. С трудом садится.

Н. Упс! Ожил опять... Воскрес! *(Достает сигарету, закуривает; Афанасию Матвеевичу.)* С возвращением!

Пауза. Афанасий Матвеевич смотрит на N недоуменно и растерянно.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Ты кто?!

Н. Упс!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. А где Таня?

Пауза.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Ты как тут? Кто тебе открыл? Ты кто?

Н. Здравсьте!.. Вы же мне и отпирали...

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. А Таня где?

Н. Я не знаю никакой Тани... Блин! Мне что?.. По новой все?..

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Таню позови! Нехорошо мне...

Н. Блин!.. Я из поликлиники. Патронажная сестра...

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. А Таня?.. Где?

Н. Какая Таня еще?

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Позови Таню!

Н. Давайте таблетку примем?

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Ты кто?

Н. Медсестра!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Ты... Нет... Ты уходи! Ты смерть моя! Я не хочу! Я хочу тут пока... Зачем ты?.. Уходи!.. Смерть!.. Я потом... Уходи-и-и-и!

Н. Эй! Вы что?!.. Успокойтесь уже!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Уходи-и-и-и, сука!

Н. Ты чего?!.. Охренел совсем?!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ (*зовет*). Таня-а-а-а!

Афанасий Матвеевич опять валится на бок на своем диване.

Зтм.

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ, УНЕСЕННАЯ ВЕТРОМ»

В квартире. Старая мебель, некогда шикарная, но сильно обветшавшая, как и большая пыльная хрустальная люстра, множество картин и фотографий на стенах, словом, вся обстановка – несет на себе печать былой прекрасной жизни, которая, увы, прошла навсегда...

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА (*продолжает говорить, быстро-быстро*). ...да, да, вы правы, можно заблудиться, этот дом построен по проекту Щусева, вам говорит что-нибудь эта фамилия?.. Впрочем, это не важно, здесь очень милые квартирки, как видите, их давали тогда партийным работникам высшего ранга, а мой отец был в ЦК, и я родилась уже здесь... вы будете снимать интерьеры?.. мы с вами коллеги, да, только у меня все это было так давно-давно, я пришла на те-ле-видение в самом начале, в момент его создания... когда там все только начиналось!.. и тогда там работали замечательные прекрасные люди! выдающиеся личности – высокие профессионалы, таких нет теперь, увы, слово интеллигенция нынче дискредитировано...

Н. Вы – Екатерина Федоровна?.. Сколокосова?

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА. Меня всегда, всегда все узнают, да, это понятно, это издержки публичной профессии, вы понимаете меня, милочка?.. столько людей смотрят на тебя каждый день, изо дня в день, и они начинают считать тебя, ну не знаю, близким человеком, почти родственником, членом семьи... мне приходили мешки, да-да, буквально мешки писем из разных уголков Советского Союза, и в них было так много любви... были очень смешные письма, да, часто предлагали мне руку и сердце... но, как я понимаю, это предварительное ин-тер-вью? и вы потом приедете со съемоч-

ной группой, со всеми этими световиками с их софитами, звукооператорами с микрофонами, операторами с камерами, о, вы знаете, дорогая моя, как я боялась камеры вначале, мне казалось, что это глазок – дуло, из которого меня сейчас расстреляют!.. и, вы знаете, был один очень забавный случай, да, на «Голубом огоньке»... я не помню, начинался шестьдесят пятый, кажется?... да-да, видимо, потому что Юрочка... мы сидели как раз за его столиком... он был в самом зените славы, да – такой красавец, такой милый, такой славный, такой чудесный, а улыбка эта его?!.. это было действительно об-во-ро-жительно! так наивно, просто, мило, искренне!.. он был очень простой!.. мог сморозить какую-нибудь глупость форменную... но он так улыбался, что никто даже не замечал, представляете?!.. какие у него были детские чистые глаза, и его все так любили и вообще все были просто помешаны на космосе, бредили космосом, космическими путешествиями, фантастическими мирами (*напевает*) «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы...», все зачитывались Беляевым... о чем я говорила, дорогая?... ах, Юрочка Гагарин!.. и он взял меня за коленку под столом... он был очарован, он был просто влюблен, мы гуляли с ним по павильону...

Н. Извините, Екатерина Федоровна...

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА (*перебивает*). Да, да! я понимаю, понимаю, наверное, это не совсем та история, не стоит рассказывать про Юру, так?... эта тема немножко табу?... я понимаю... и я могу рассказать о чем-то другом совершенно!.. о ком-то другом... вы, может быть, не поверите мне, дорогая моя, считаете, что я выжила из ума, но они все, все-все были в меня безумно, безумно влюблены!.. даже этот мужлан, колхозник, кукурузник!.. я терпеть его не могла этого лысого хрыча!.. извините, за мой французский, как говорится!.. неинтеллигентен, необразован!.. пейзаин!.. не уверена – прочитал ли он в своей жизни хоть пару книг!.. даже говорить о нем не хочу!.. то ли дело Фидель!.. о!.. вот это был мужчина!.. такой обаятельный!.. такой темпераментный!.. (*напевает*) «Слышишь чеканный шаг? Это идут барбудос!.. Куба – любовь моя!..» знаете, какие вещи он шептал мне на ухо?! не-пе-ре-во-димые!.. на грани, можно сказать... очень, очень пикантные!.. но делал это так обаятельно, так обворожительно!.. от него всегда приятно пахло ромом и сигарами!.. и мы пили с ним кубинский ром... какой же это был год?... не помню!.. ах, милочка, никогда не запоминала числа, даты – вообще цифры! не важно!.. но помнится, что Хрущева (*морщится*), как все-таки фамилия соответствует содержанию, кажется, уже не было, был уже Брежнев, ах Леонид Ильич! да! он был веселый и добрый, знаете ли!.. очень славный,

всегда шутил, улыбался... было в нем что-то такое – мужественное тоже... И очень, очень к женскому полу был привержен, скажу я вам, голубушка... так о чем я хотела сказать?!

Н. Екатерина Федоровна! Вам нужно принять лекарство!

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА. Не понимаю?.. вы хотите, чтобы я говорила про лекарства?.. что вы имеете ввиду?.. это для какой-то медицинской программы?.. меня приглашали как-то в передачу «Здоровье», не так давно – ну, может быть, лет десять тому, и там говорили про наркотики... но, милая, в мое время не было никаких наркотиков, их не существовало, а если и были, то никто не догадывался об этом... это было другое время, другая Москва, другая страна!.. совсем-совсем другая!.. другие люди! «Это была цивилизация, унесенная ветром!..» – помните?!. великолепная Вивьен Ли... я была с ней знакома, знаете?.. и не только с ней!.. с Марией Калласс, с Софи Лорен, с Бриджит, со многими, многими, знаете ли... Марчелло хотел снимать меня в «Городе женщин» или где-то еще... он так и вился вокруг меня и бесконечно говорил мне комплименты...

Н. Вы меня вообще слышите?

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА. Да, да, дорогая, конечно! а! я говорила про Московский кинофестиваль, да?.. что я хотела?.. а! я говорила про те-ле-видение?.. я была еще вполне юна, но у меня уже был опыт!.. я уже поработала с Левитаном на радио... Левитан, по-моему, вообще не замечал женщин... однолюб, любил жену, а она его бросила... или что-то вроде того... не помню!.. и я пришла на те-ле-ви-дение... мы были первыми! пионеры те-ле-вещания! о, это было совсем, совсем другое те-ле-видение! все-все было иначе!.. не этот кошмарный ужас, который теперь!.. я, дорогая, сейчас вообще не могу смотреть те-ле-визор! это дикость какая-то – что там творится!.. хоть те же новогодние «Голубые огоньки» взять!.. теперь это... это... я не знаю даже что такое!.. вы, дорогая моя, наверное, совсем не помните!.. сколько вам лет?.. вы, милочка, не можете ничего этого помнить!.. а там тогда были такие столики, столики – на «Голубом огоньке»... и за ними сидели известные люди – артисты, композиторы, поэты, видные ученые, космонавты!.. и с ними же вместе сидели всякие передовики производства, рабочие, колхозники, ну и так далее – простые люди, народ!.. вы этого уже ничего не видели, не знаете... и мы, ведущие, подходили к этим столикам, и как бы невзначай разговаривали с этими простыми людьми, задавали им разные вопросы – всяким там заслуженным чабанам, дояркам, сталеварам, шахтерам... что я хотела?..

Н. Это все очень интересно что вы говорите! Я вас с детства помню – по детским передачам, что вы вели!..

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА (*радостно перебивает*). Правда?! вы помните, дорогая?! мне кажется, это было так давно, в другой жизни!.. я, честно говоря, эти все детские передачи не очень любила!.. а точнее, по секрету вам, милая – терпеть не могла... с детьми так трудно всегда было... приходилось делать огромное количество дублей... они такие... неусидчивые, неорганизованные!.. быстро так утомляются и уже ничего не могут делать... непрофессиональные!.. одним словом говоря – мучительный кошмар!..

Н. Екатерина Федоровна!..

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА. Да-да! и кстати, один был врач – психиатр!.. работал в институте имени Сербского, кажется!.. известнейший – звезда мирового масштаба – все время ездил на какие-то конференции за границу – в Париж, в Нью-Йорк, в Буэнос-Айрес – везде, всюду!.. помню, делали какую-то передачу с ним, и он так влюбился в меня!.. такой смешной!.. он был уже... скажем так... далеко не юный мальчик, но так трогательно, так красиво ухаживал за мной!.. а у него была семья, кажется, дочь, чуть ли не моего возраста, или сын?.. не помню... а что я хотела сказать?!

Н берет Екатерину Федоровну за голову, держит, насильно загибает таблетки ей в рот, берет со стола чашку, насильно поит.

Екатерина Федоровна не может ничего сказать от шока, хлопает глазами и хватается ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Н. Вот и все. Ничего страшного, правда?

Екатерина Федоровна хрипит, пытается встать, падает лицом на стол, опрокидывая чашки на нем, замирает.

Н проверяет пульс на шее Екатерины Федоровны.

Зтм.

«Я – плохая. А кто – хороший?»

Квартира. В инвалидной коляске сидит Костя. На его лице благодущная и кроткая улыбка дауна.

Н. Привет!

КОСТЯ. Здра-авствуйте-е!

Н. Ты – кто?!

КОСТЯ. Я Ко-остя.

Костя говорит, немного растягивая гласные в словах, при этом у него немного подергивается голова – от тика, впрочем, почти незаметного.

Н. Привет, Костя!

КОСТЯ. При-ивет!

Н. Очень приятно.

КОСТЯ. А ты-ы?

Н. Что – я?

КОСТЯ. Как теб-я-я зову-ут?

Н. Упс!.. Меня зовут... медсестра из больницы.

КОСТЯ. Не-еа!

Н. Что – нет?

КОСТЯ. Теб-я-я не так зову-ут.

Н. А как?

КОСТЯ. Скажи!

Н. Зачем?

КОСТЯ. Скажи!

Н. Это неважно, понимаешь?.. Ты один тут? Есть еще кто-нибудь дома?

КОСТЯ. Ска-ажи!

Н. Что?

КОСТЯ Ка-ак зову-ут? Ска-ажи!

Н. Упс!

КОСТЯ. Ска-ажи!

Н. Слушай, давай, лучше я дам тебе вкусную таблетку? Хочешь?

КОСТЯ. Не-а! Скажи!

Н. Почему? Очень хорошая таблетка!

КОСТЯ. Не-ет!

Н. Да что такое-то?!

КОСТЯ. Скажи!

Н. Далось дураку, что рот на боку!

Пауза.

КОСТЯ. Скажискажискажи!

Н. Ладно! А ты таблетку сожрешь тогда, хорошо?

КОСТЯ. Хо-орошо!

Н. Меня зовут Вера.

КОСТЯ. Не-а.

Н. В смысле? Что значит не-а? Не поняла.

КОСТЯ. Те-ебя не так зовут!

Н. Откуда ты знаешь?..

КОСТЯ. Зна-аю...

Н. Ладно... А как, знаешь?

КОСТЯ. Сама-а ска-ажи!

Пауза.

Н. Лена. Меня зовут Лена.

КОСТЯ (*улыбается утвердительно качает головой*). Пра-
ави-ильно-о!

Н. Ты знал?

КОСТЯ (*отрицательно мотает головой*). Не-а. Не зна-ал.

Пауза.

Н. Будешь таблетку теперь?

КОСТЯ. Не-а.

Н. Почему?! Ты обещал!

КОСТЯ. Не хочу-у! (*Улыбается.*)

Н (*не сразу*). Тогда... придется тебе силком ее впихивать! Что
ты лыбишься?!

КОСТЯ. Ты хорошая?

Н. Чего?

КОСТЯ. Ты хорошая?

Н. Это вопрос? Ты спрашиваешь?

КОСТЯ (*улыбается утвердительно качает головой*). Да-а.
Ска-ажи.

Короткая пауза.

КОСТЯ. Ска-ажи!

Н. Нет. Я нехорошая.

КОСТЯ. Поче-ему?

Н. Потому что... я плохая! Потому что я не могу быть хоро-
шей! Нельзя быть хорошей, когда... Я не могу быть... Что это
вообще значит?! Кто хороший? Кто?!

Пауза.

Н. Будешь таблетку?

КОСТЯ (*отрицательно мотает головой*). Не-а.

*Н надевает на голову Косте черный пластиковый мешок.
Зтм.*

«ГЕРА»-2

Н проходит в квартиру. Перед ней – в коридоре – мальчик лет десяти.

Н. Давно бы так!.. Гера!.. Где родители-то?

ГЕРА. Я ж говорил – на работе они.

Н. А куда эта Маргарита... как там ее... ускакала?

ГЕРА. Не знаю я.

Н. Ясно!.. Она не бабка тебе, значит?

ГЕРА. Нет. Говорил же!

Н. А кто?

ГЕРА. Никто.

Н. Ясно. Типа квартиру снимаете у нее?

Гера не отвечает. Пауза.

Н. Ясно... Скоро эта кошелка старая явится, интересно?

ГЕРА. Не знаю.

Н. Понятно, что не знаешь...

Пауза.

Н. Хочешь конфету?

ГЕРА. Нет.

Н. Что так? Тебе не разрешают у незнакомых конфеты брать?

ГЕРА. Что я – маленький, что ли?

Н. Сколько тебе лет?

ГЕРА. Одиннадцать. Будет. Через пять месяцев.

Н. Дрочишь уже?

ГЕРА. Чё?

Н. Копчё! Не понял, что ли? Дрочишь? Встает у тебя уже?

Продолжительная пауза.

Н. Чего молчишь-то?

Пауза.

Н. Дрочишь, наверно, со страшной силой!..

Пауза.

Н. Когда она уже притащится? Блядь!..

ГЕРА. Нельзя матные слова говорить.

Н. Да? А то боженька язык отхерачит?

ГЕРА. Нельзя.

Н. А что можно? Ты знаешь? Тебе в школе говорят, да? Что такое хорошо и что такое плохо? Ты знаешь?! Можешь мне рассказать? А?.. Ну, расскажи тогда?

Пауза.

Н. Ты тормоз?.. Или медленный газ? Ты нормальный вообще? Или с задержками? Олигофрен?

ГЕРА. Нормальный.

Н. Я не помню... когда я такая как ты была: что со мной происходило? Как это было?.. Чего я хотела? Вот ты чего хочешь сейчас?

ГЕРА. Чтоб ты ушла.

Н. Почему?..

ГЕРА. Ты мне не нравишься.

Н. Да? Почему – интересно?

Пауза.

Н. Мне пох, конечно... Но все равно... Почему я тебе не нравлюсь-то?

ГЕРА. Ты злая.

Н. Злая?.. Ну-ну... А ты добрый? Ну, скажи, скажи – только честно! Добрый ты?! Родителям помогаешь?! Взрослых слушаешься?! Учишься хорошо? Никого не обижаешь?.. Но тебя – все обижают! Потому что ты хилый слабак, да?! Ты и в школу ходить не любишь, потому что люлей ото всех получаешь, да? И ты в интернете сидишь все время, в игры рубишься и порнуху втихаря от родителей смотришь и дронишь, дронишь, до мозолей! Поэтому ты и добрый такой да?.. Слабый потому что!

Пауза.

Н. Ладно, проехали... Я злая, ты прав.

Пауза.

Н. А ты можешь мне все-таки сказать – чего ты хочешь? По большому счету! Не мороженое-велосипед горный там! А – глобально?! Понимаешь, о чем я?

ГЕРА. Да.

Н. Ну? И Чего ты хочешь?

Маленькая пауза.

ГЕРА. Вырасти быстрее.

N. Почему?

Пауза.

N. Почему?!

ГЕРА. Чтобы... чтобы я сам мог... чтобы меня не... чтоб самому... один... без никого...

Пауза.

N. Ну?

ГЕРА. Не знаю, как сказать...

N. Чтобы тебя не доебывали? Чтобы сам мог всех?!

Пауза.

N. Типа того?

ГЕРА. Типа того.

N. Ясно-понятно. Молодец.

Небольшая пауза.

N. Хочешь таблетку? Чтобы вырасти? Выпьешь и сразу – раз и тебе – сколько там?.. Сколько ты хочешь, чтобы тебе было сейчас лет?

ГЕРА. Не знаю...

N. Ну... Двадцать, например? Или что, мало? Двадцать пять?

ГЕРА. А тебе сколько?

N. Мне?.. (*Помолчав.*) Такие вопросы девушкам и женщинам не задают. Понял?

ГЕРА. Хочу столько – сколько тебе лет.

Пауза.

ГЕРА. А у тебя, правда, есть таблетка?

N. Есть.

ГЕРА. И – что – выпьешь и станешь взрослым сразу?

N. Типа того...

ГЕРА. Я хочу. Дашь мне?

Пауза.

ГЕРА. Дай?!

Н. Нет. (*Выходит.*)

ГЕРА. Дура! Не бывает таких таблеток! Я знаю!

Зтм.

«ГОРИ, ГОРИ ЯСНО!»

Подъезд. На лестничной площадке темно. N подходит к одной из дверей. Она щелкает зажигалкой, смотрит на номер квартиры. В руках у нее пластиковая бутылка. Она, морщась, поливает из бутылки дверь. Бросает зажигалку в образовавшуюся лужу. Смотрит, как, вспыхнув, огонь жадно жрёт ободранную, обитую по моде 70-х дерматином дверь квартиры.

Н. Гори, гори ясно!..

Зтм.

«АПОКАЛИПСИС НАХ»

N проходит в квартиру.

Н. Алло? Есть кто-нибудь? Не заперто у вас... Эй?!

N видит: на кровати лежит мертвое тело пожилого мужчины.

Н. Вот говно!..

Звонок в дверь. N вздрагивает. Идет к двери, открывает ее. На пороге стоит молодой человек, одетый подчеркнута скромно.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Здравствуйте!..

Н. Привет!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А вы когда-нибудь задавали себе вопрос – почему Христос умер за ваши грехи?

Н. Ясно-понятно...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет-нет! Вы не понимаете! Наступило уже Царство Антихриста! Апокалипсис уже вокруг нас! Разве вы не видите? Не чувствуете?!. Не закрывайте глаза! Не отворачивайтесь! Не закрывайте двери! Не закрывайте души свои от спасительного Слова!..

Н. Проходите!

Н и Молодой человек проходят в коридор.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Спасибо! Откройте души свои Слову!.. Христос принес Слово и умер за наши грехи! И повелел ждать второго пришествия своего! Но он предупредил: придет другой, который будет соблазнять и прельщать вас! И стало все по его слову! И Сатана сидит уже на троне своем из грехов ваших и крови невинных! И власть его не имеет границ! Посмотрите – что творится вокруг! Извергаются вулканы на людские головы! Падают самолеты, поезда сходят с рельсов!.. Цунами и тайфуны разрушают города, губят тысячи жизней!.. Убийственный зной и лютый холод, каких не бывало еще от начала времен...

Н (*исчезает за одной из дверей в коридоре, из-за двери*). Я слушаю, слушаю!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Разве все это не есть знаки, знаменья того, что пришел уже конец свету сему?!..

Н возвращается, прячет за спиной молоток и гвозди.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. И скоро всем нам держать ответ за все наши грехи! Вы готовы?!.. Вы готовы ответствовать за все свои прегрешенья, представ перед Господом нашим?!.

Н. Я – как пионер! Всегда! Готова! А ты?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А?

Н. Я не могла тебя видеть раньше? Не ты часом по подъездам шарался и втюхивал народу биодобавки?

Кроткая пауза.

Н. Что? Поменял бренд?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вы обознались...

Н. Да ладно?!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Еще не поздно!.. Спасти душу! Внять Слову!

Н. Это такие как ты пишут граффити: «Сатана чмо»?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А? Не понял?..

Н точным ударом в скулу сбивает с ног Молодого человека, очень быстро и ловко заклепывает рот его скотчем. С той же удивительной сноровкой она поднимает Молодого человека, обмякшего и неспособного к сопротивлению, приваливает к стене, взяв одну его

руку, она раскладывает ее вдоль стены и точными резкими ударами взгоняет гвоздь в его ладонь, прибивая ладонь к стене.

Молодой человек воет сквозь скотч, обезумев от боли, выпучив глаза, не понимая – что происходит.

А N уже прибивает к стене вторую ладонь.

Молодой человек истошно воет.

N. Бог терпел и тебе велел! Орут все одинаково, когда больно!.. Апокалипсис нах!

Зтм.

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ»

N долго давит пальцем в дверной звонок. Слышно громкое пронзительное дребезжанье. Дверь длительное время не открывается. Наконец загромыхали отпираемые замки, зазвенели дверные цепочки. Дверь отворилась, за ней – никого.

ГОЛОС ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА. Проходите, проходите сюда!

Квартира совершенно пустая. По всему видно, что в ней собираются делать серьезный ремонт.

ГОЛОС ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА. Я вас давно жду!.. Проходите же!

N идет по коридору. Входит в комнату.

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Здравствуйте-здравствуйте! Проходите-проходите! Елена Леонидовна Лаврова, если не ошибаюсь? Тысяча девятьсот семьдесят девятого года, русская... Родилась в городе Димитровград Ульяновской области. Так? Не путаю?

N. Кто вы?..

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Закончили медицинское училище № 3 города Ульяновска... Медсестричка! А знаете, как вы по милицейским оперативным сводкам числитесь, под каким, так сказать, псевдонимом-погоняловом?! «Гитлер»! Вы – Гитлер! Забавно, не так ли?

N. Кто вы?..

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Я тебя, милая, долго вычислял! Но вот! Удалось-таки свидеться!.. Интересуетесь, кто я? Частный детектив. Можете звать меня... Мэгре, например! Или Шерлок Холмс!.. Пуаро! Как вам нравится, дорогуша моя!

Н. Что вам надо?

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Да наняли меня поразузнать про смерть старушки одной – родственники там из-за квартирки в центре – друг другу чуть глотки не разгрызли. И друг на друга думали, что, мол, те пришили старушку. Я стал выяснять, родственники ни при чем оказались, ни те, ни другие. Ну я стал дальше раскручивать... И тут много интересного вылезло!.. Много аналогичных случаев, мне показалось... Даже в милиции вон, благо есть у меня каналы свои, имею информацию некоторую, и то заинтересовались, пытаются расследовать... Уж на что, казалось бы, медленная инстанция... А даже их проняло!..

Н. Кто вы такой? И что вам нужно?

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Не волнуйтесь, Елена Леонидовна, не волнуйтесь!..

Н. Я не волнуюсь.

Небольшая пауза.

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Знаете, Елена Леонидовна, а я тебя совсем иначе себе представлял...

Н. А можно – короче и по делу?

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Вы торопитесь?! Я думаю, тебе уже некуда торопиться!

Н. Вот как?

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Да... А вот скажи, интересно мне, зачем ты это все делаешь?! А?! Ты больная?! Ты ненормальная?! Да? Тебе убивать нравится? Или что, или у тебя с мозгами не все в норме?.. Ты маньячка, что ли? Извращенка?! А?! Кто ты?! Кто?!

Н не отвечает.

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. И что ты молчишь? А? Что ты молчишь, сука?!

Н. Что тебе надо, а?

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Мне интересно! Понимаешь?! Очень интересно мне!.. Я думал сперва, что ты с кем-то работаешь, с риелторами какими-нибудь – махинации с квартирами! Нет! Ценные вещи тоже не пропадали ни разу!.. Тогда – что?! Идея какая-то? Да?..

Пауза.

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Правильно я говорю? Ты вроде как... Орудие Бога? Чистильщик? Избавитель? Ассенизатор, да? Хирург...

Посланник Божий? Рука Его и промысел, а? Избавляешь этих несчастных, убогих от страданий? Их все равно не спасти и им все равно не помочь, да? Они же сами, сами просят, чтоб их поскорей Бог прибрал – послал им легкую скорую смерть!.. Кстати, чем ты их травмишь?

Пауза.

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Так ты не ответила мне, сука? Зачем?!. N (*не сразу*). Геронтофобия у меня...

Пауза.

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Знаешь?.. А ты мне нравишься! Понимаешь?! Мне нравится то, что ты, сука, делаешь! Это – правильно все! Это вообще должно стать государственной программой. Помоему, очень гуманно... В животном мире слабые и большие обречены! Выживает сильный! Это закон, благодаря которому жизнь продолжается и развивается... В Спарте убогих, немощных, уродов, стариков, больных, калек – сбрасывали со скалы. В Японии – стариков уносили в горы и оставляли там, умирать... Да везде, всегда, у всех!.. Ни одно общество не способно... экономически не способно заниматься этой гуманитарной благотворительностью... Не способно содержать неполноценных за счет нормальных... Больным, калекам, умалишенным, маньякам, старикам, наконец, да всем, кто не способен пользу обществу приносить... полноценно – нету места в нем! Они как чирей на заднице! Здоровых, нормальных людей слишком много! Ленин прав: кто не работает – не должен жрать! Они не нужны ни-ко-му! Они балласт! Когда эти идиоты из правительства поймут уже! Это должен быть новый Национальный проект!

Пауза.

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Правильно я говорю?

N. Ебанько...

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Правильно говорю, сука, что это должен быть Национальный на хуй проект?! Понимаешь ты, дура, сука, блядь?! Сейчас, во время этого ебаного глобального экономического, блядь, и политического кризиса необходимо!.. (*Задохнулся.*) Рациональное перераспределение, блядь, приоритетов и ресурсов! А еще – переосмысление ценностей на хуй!

N. Все сказал? Ебанько...

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Заткнись, дура!..

N. Хочешь, отсосу тебе?

ЧАСНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Отсосешь! Конечно, милая! Еще бы! И мне, и ментам, которые за тобой приедут скоро уже. И потом будешь сосать и сосать! И иметь тебя будут во все отверстия! А потом тебя похоронят.

Легкое движение тонкой руки N, мгновенный, как фотовспышка, проблеск лезвия.

Частный детектив дико орет, зажимая руками лицо, сквозь пальцы течет кровь.

N разжимает руку, из пальцев выскальзывает лезвие безопасной бритвы.

N (*сосет палец*). Порезалась из-за тебя, мудака!.. Сам себе отсасывай.

Зтм.

«ГЕРА»-3

N входит в открытую Герой дверь.

N. Привет! Это я! Помнишь меня?

ГЕРА. Да.

N. Что это случилось? Почему открыл мне сразу?

Пауза.

N. Ну, как дела?

ГЕРА. Нормально.

N. Везет некоторым...

Пауза.

ГЕРА. Опять будешь ругаться и про таблетку врать?

N (*не сразу*). Нет, не буду.

Пауза.

N. Давай... знаешь что?.. Давай поиграем?

ГЕРА. Во что?

N. В интересную игру.

ГЕРА. Какую?

N. Тебе понравится. Вот увидишь.

ГЕРА. А как? Что делать? Пряталки, что ли?

Н. Почти. Вот смотри... (*Достает черный непрозрачный пластиковый пакет и моток скотча.*) Я его надену на голову себе, а ты вот этим мне завяжешь вот так – вот тут! (*Показывает, как нужно наматывать скотч вокруг ее шеи.*) Понятно?..

Короткая пауза.

Н. Понятно?

ГЕРА. Зачем?

Н. Такая игра.

ГЕРА. Не-а. Не игра...

Н. Игра! Тебе понравится!

ГЕРА. Как она хоть называется?..

Н. А?.. Не помню... Не важно... Ты понял? Сможешь заклеить скотчем?

ГЕРА. А потом?..

Н. А потом нужно бежать и прятаться, и считать до ста. Или рассказывать какую-нибудь страшную историю...

ГЕРА. А в чем прикол?..

Н. Начнем играть, и поймешь!.. Ну что? Давай?!

Н надевает черный пакет себе на голову. Гера неуверенно и неаккуратно наматывает скотч вокруг ее шеи.

Зтм.

«ТАНЯ, ВАРЯ, СМЕРТЬ»

Афанасий Матвеевич валится на бок на своем диване.

Н. Упс!

Короткая пауза.

Н. Дед, алло! Ты опять, что ли? Ты так всю дорогу будешь?.. И как с тобой быть?.. Как все запущено...

Наклоняется к Афанасию Матвеевичу.

Н. Ты живой? В принципе? А?

Афанасий Матвеевич открывает глаза.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Ты кто?

Н. Супер просто!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Что ты тут?!. Кто отпер тебе?..

Я тебя не знаю...

Н. Я... (*Замолчала.*)

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Кто ты? Кто?!

Н. Я – Таня.

Продолжительная пауза.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Таня?..

Пауза.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Таня! Таня! (*Какое-то время не может говорить.*) Танечка!.. Почему ты... долго так не пришла? Почему, Таня! Я тебя звал, звал, звал!.. Так долго.... Тебя не было! Это так трудно – без тебя! Я тебя люблю! Таня! Я тебя так люблю! И всегда любил! И всегда-всегда любить буду!.. И я так виноват перед тобой, Таня... Я так виноват! (*Тихо плачет.*)

Н. Блядь!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Я так виноват перед тобой, Таня!.. Танечка! (*Плачет.*)

Н. Не надо! Пожалуйста! Надо таблетку...

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Какие таблетки, Таня?! Что ты говоришь?! Какие могут быть таблетки? Ты пришла! Ты, наконец, пришла, родная моя! Я так тебя ждал! Так долго! Но я всегда, всегда знал, что ты придешь, Таня! Я верил, что ты вернешься, вернешься ко мне! Я так виноват! Но ты добрая, ты великодушная! Ты простишь меня! Простишь?! Ты простишь и вернешься... я знал... я ждал... я верил... И вот! – ты пришла, ты здесь! Таня!

Н. Что?!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Таня!

Н. Ну что? Что, что?!

Небольшая пауза.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Что ты спросила?

Н. Ничего!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Таня! А ты помнишь, какой снег был тогда, 15 ноября?.. 15 ноября... какой это был год, Таня? Ты помнишь?! Я никогда больше не видел такого снега, таких огромных снежинок. Таня? Ты помнишь нашу комнатку на улице Водников? Круглый стол, абажур, канарейка в клетке. Ее звали Лазарь,

ты помнишь? Она не пела... Мы были счастливы... Потом... Никогда уже я не был так... Улица Водников, дом шесть дробь четыре подьезд второй, третий этаж, квартира номер тридцать шесть, звонить пять раз... Что ты спросила?

N. Так... Надо как-то переходить к таблеткам уже...

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Таня?!

N. Что?!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Ты ведь любила меня тогда?

Пауза.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Да, Таня? Любила?.. Мы тогда не понимали ничего... Просто были счастливы, как щенки!.. И ничего нам не надо было, кроме любви!.. Была какая-то суета повседневного существования! Был быт, помнишь? Керосинки, керогазы, брикетированный уголь, докторская колбаса, шипучее вино, просо для Лазаря. Промерзшие деревянные сиденья в железном громыхающем трамвае, дворник-татарин в фартуке и валенках. Соседи по коммунальной квартире, помнишь, Таня? Семен Израелевич и его жена Роза, которая едва проходила в дверной проем, а еще тетя Полина и ее сын с вечным бронхитом в шортах и тубетейке. А помнишь комсомольские собрания в Университете?.. А папиросы «Казбек», которые ты запрещала мне курить в комнате! И лишь изредка – после любви – когда тебе не хотелось отпускать меня от себя, ты жалела меня и милостиво позволяла закурить! Потом сама отворяла фортку, влезала на широкий подоконник, где стоял фikus глянцевыми мясистыми листьями...

Афанасий Матвеевич закрывает глаза. Он улыбается. Пауза.

N. Упс! Опять, что ли?!

Пауза.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ (*открывает глаза*). Ты помнишь герань на окне, Варя?

N. Фу!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Варя, ты простила меня?

N. Варя?

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Варя! Варя! Прости! Я так виноват перед тобой... Помнишь август в Крыму?.. Какой это был год, Варя?.. Мы как дети радовались... Море, горы... Варя! Густое крымское вино, кипарисы, соль на коже, цикады трещали так, что можно оглохнуть, цветки лаванды... Ты боялась этих сопливых

медуз, Варя, помнишь?.. А помнишь, мы заплыли как-то далеко-далеко и рядом совсем с нами плыли дельфины... Море такое теплое, ласковое, как ты... Варя!

Н. Я не Варя.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Я так виноват пред вами... Я даже не могу умереть спокойно – меня мучает моя вина... Я тебя любил, Варя! Любил! Ты все еще не веришь? Ты все еще... Варя!

Н. Все. С меня хватит!..

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Варя!

Н. Варя умерла!

Пауза.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. Что?! Что ты говоришь?! Варя? Кто умер?

Н. Все умерли! Все! Понятно тебе?! Все давно сдохли! Никого больше нет! Ни Вари, ни Тани! Все-все-все сдохли! Твоя очередь!

Пауза. Афанасий Матвеевич делает движение, будто хочет встать с дивана, заваливается на бок, лежит без движения.

Н (*склоняется к лицу Афанасия Матвеевича*). И что? Мне надоело!

Пауза. Афанасий Матвеевич неподвижен. Н внимательно всматривается ему в лицо берет руку приподнимает, отпускает. Рука безжизненно падает. Мертвое тело Афанасия Матвеевича медленно сползает с дивана на пол.

Н. Упс! Все, что ли?.. Ебанько...

Зтм.

«ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР»

Подъезд. У подъездной двери дорогу Н преграждает дворник-«таджик» – в комбинезоне и с лопатой. Он мелко машет головой, что-то говорит невнятно не по-русски.

Н. Не люблю язык Омара Хайяма.

ДВОРНИК (*загораживает проход*). Нет.

Н. Что?!

ДВОРНИК. Нет.

Н. Пройти дай.

ДВОРНИК. Не нада!

Н. Эй?! Ты чего?

ДВОРНИК. Там! Не нада! Бак! (*Показывает руками куда-то вверх.*)

Н. Что ты мне?.. Что там?! Бог?! Аллах твой? Что-о-о?!

ДВОРНИК. Там! Там! (*Показывает вверх.*) Бак!

Н. Молишься?!

ДВОРНИК. Не ходить! Нет! (*Делает жесты руками, закрывая голову.*)

Н. Что-что-что?

ДВОРНИК (*отрицательно мотает головой*). Не ходит!

Н. Охренел совсем?! Дай пройти!

ДВОРНИК. Чиста! Не ходи!..

Н. Блядь! Достал!

Совсем крохотная пауза.

ДВОРНИК. Бак! Бак! (*С трудом пытается выговорить.*)
Со-соль... Со-с-соль...

Н. Что-о?

Н лезет в сумочку, достает оттуда длинную стальную вязальную спицу. Н вонзает спицу в шею дворника. Дворник падает, хватаясь за горло, хрипит.

ДВОРНИК (*хрипит*). Со-с-соль! Там! Бак...

Н. Чего?!.. Какой нах бак?!

ДВОРНИК (*хрипит*). Со-ссс-ольк...

Н. Блядь! Сосулька что ли?!

ДВОРНИК. Так... да... (*Затихает.*)

Н. Так бы и говорил, что...

Н стоит перед дверью.

Зтм.

«НАБЛЮДЕНИЕ ЗА НАБЛЮДАЮЩИМ»

В комнате. Павел Андреевич сидит у окна на табуретке. Он в клетчатой фланелевой рубашке, застиранных трениках с пузырями на коленях. В руках у него полевой бинокль.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. ...я точно говорю - она вот когда-нибудь газ-то не выключит! И не заметит даже - что газом на весь дом смердит! Точно говорю! У ней там и так такая вонь стоит, что глаза режет - она и не почувет даже!.. Форточки-то у ней никогда не открываются, никогда!.. Я на запахи очень чувствительный! И даже проходишь даже когда мимо квартиры ее - всегда хоть нос затыкай!.. А еще артистка, ага! В телевизоре сидела! Тоже мне! Поэтому я и говорю - случаев-то сколь вон по телевизору-то показывают - бац! и все! и вот тебе! Весь подъезд - весь дом ведь взлетит-взвоньется на хер!.. Из-за этой манды старой!.. А я не согласный из-за этой манды подыхать такой смертью!..

Н. «Тра-та-та тра-та-та, мы везем с собой скота...»

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Тут и так - того гляди или крышу снесет, от ветра или вода вон в Волге поднимется если - смочет нас на хер и все! А эта вон из 98 квартиры? Она знаешь кто? Она, думаешь - человек? А вот на-ка, выкуси! Она не человек!.. А знаешь почему? Потому что на все время покупает йогурт этот чертов!.. А я, хрен ее знает - кто она? Не человек - точно! Сетка-ми его покупает один! И все. И ничего больше! Я-то знаю!

Н. «...волки на кобыле, львы в автомобиле...» Зачем вам бинокль, Павел Андреевич?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А Василиса эта из 34 - блядь форменная! Разгоняется и шляется по квартире в чем мать родила! Блядь, одно слово! А надо мной живет? Федька! Не помню его фамилию дурацкую! Малолеток любит!.. Он - людоед, точно говорю!.. Или жена его эта корова - в дверь не пролезает уже! От их квартиры - все время воняет - все чего-то жарят и жарят, жарят и жарят! А Михаил этот из 68 квартиры, который - у него две башки! Он одну голову в аквариуме держит - и в сейф запирает! Я все в бинокль-то вижу! Неделю одну голову носит, а потом другую башку напяливает!.. Он еще самогонку гонит. Весь дом сивухой провонял! Подо мной - алкаши живут. Пьют с утра до ночи, как извозчики!.. А к Василисе, к бляди этой - вчерась в обед как раз привезли хахаль - мент. Погоны не рассматрел - поди шелупонь ментовская! Приехал етить ее, кобелюка с пистолетом, на машине своей - как танк здоровущая - на какие вот деньги они такие себе покупают, менты эти?! И видать только-только он ее разложил - тут как тут Василисин мужик, он дальнобойщик у ней, из рейса, что ли, нагрнулся! Он дома почти и не бывает, а этой блядине того и надо, он только за дверь, она сразу кого-нибудь к себе и давай ебстись!.. Она уж совсем совесть потеряла, уже негра к себе даже приводила!..

Н. «Зайчики в трамвайчике!» Зайчики - в трамвайчике...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ненавижу я этих пидорасов, гомосексов всех, тьфу!.. Сенька из второго подъезда – лысый сам как коленка, на пузень свой – через ремень – бабье белье натянет, бабские трусы, эти которые, тьфу!.. как две тесемочки – срамота!.. а лифчик уж и не знай какого размера у него – с его сиськами!.. Биноколь-то у меня хороший, мне алкаш продал за литр беленькой! А в придачу еще и бескозырку подарил. Хотя бинокль полевой – не морской, да... Меня, между прочим, готовили в космос посылать – на Марс прямо, да! Потом передумали, говорят, что, мол, там делать не хер на Марсе на этом!.. А когда помру – буду тут лежать пока не завоняюсь совсем... А я на запахи очень чувствительный!..

Н. «Едут и смеются – пряники жуют!»

Н подходит к Павлу Андреевичу сзади, накидывает на шею удавку, душит. Тело Павла Андреевича конвульсивно дергается в агонии. Затихает.

Н задумчиво стоит над мертвым телом.

Зтм.

«ГЕРА»-4

В квартире. Н неподвижна на стуле, на голове у нее черный пластиковый пакет, неаккуратно замотанный на шее скотчем.

ГЕРА. Ну значит, один парень, он солдат был, и он пришел в ресторан, значит... Купил вина. Красное самое дорогое. Чилийское!.. И тут, значит, к нему подходит девушка такая... ну... красивая она. И она в белом платье! Ну он такой с ней познакомился и все такое, и они пили вино это самое красное. Выпили... Вот. И она стала уходить, а он спросил у ней номер телефона ее. Она так написала ему на салфетке номер и дает ему, а он протянул руку и нечаянно – раз! и уронил свой стакан там, а в нем еще было вино красное и прямо ей на платье на белое – и пятно получилось – красное такое пятно на платье, как кровь... И, короче, он ей звонит потом – вечером по телефону. А там тетка... совсем взрослая ему отвечает. И он спрашивает, чтобы позвали девушку к телефону, а тетка говорит, что девушка – это ее дочка, и что она умерла год назад!.. А он так: этого не может быть – потому что он сегодня ее типа видел, и они вино пили, и она с ним говорила и телефон дала этот. И короче, тогда они поехали там и раскопали могилу! И парень смотрит: а там в гробу лежит та девушка, которая в ресто-

ране и которая телефон давала. И у ней платье белое, а на платье красное пятно, как от крови...

Пауза.

ГЕРА (N). Ты слышишь?.. Тебе интересно?.. Еще рассказать?

Пауза.

ГЕРА. Мне не нравится эта игра... Я не хочу больше! Тебе больно?.. Ты дышишь?.. Я боюсь...

Зтм.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛАЗАРЯ»

В комнате.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ. А еще помнишь, Варя, как улетел Лазарь?.. Я курил в фортку, и забыл затворить... А ты, когда кормила его просом и чистила клетку потом дверку-то не задвинула не заперла... Он вылетал, было, но полетает-полетает по комнате и все, и мы его ловили всегда, а тут он в фортку вылетел... А зима была такая, Варя, такой снег, которого больше никогда я не видел, такой он был пушистый, и было ведь очень холодно, очень-очень холодно... Мальчишки потом принесли маленькую замерзшую тушку, но я не показал тебе дохлого Лазаря, я говорил тебе, что он улетел в теплые края, на Канарские острова... А сегодня мне приснилось, что он вернулся, что он стучится в стекло мне в окошко. Я отворил фортку и выпустил его... Он сел мне на голову и начал петь... Прикрой, а то продует тебя!..

Н сидит на широком подоконнике, водит пальцем по стеклу, разрисованному морозными узорами. В открытую форточку влетают снежинки.

КОНЕЦ.

Сцена, не вошедшая в основную редакцию пьесы

«FIVE O CLOCK»

За круглым столом, накрытом к чаю сидят N, Павел Андреевич и Генриетта Львовна. Пьют чай из тонкостенных чашек севрского сервиза. На накрахмаленной белоснежной скатерти хрустальные розетки с вареньем, вазочки с печеньем и т. д.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (N). А почему вы не берете варенья? Вот айвовое? Любите айвовое варенье?

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Лучше крыжовенное! Вы знаете, что все ВэПэЗэРы обожали именно крыжовенное варенье?

N. Кто обожал?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Это аббревиатура...

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА (*перебивает*). Великие Писатели Земли Русской. Пушкин!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да-да и...

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА (*перебивает*). Толстой! Все Толстые!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А еще...

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА (*перебивает*). Чехов!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Солженицын...

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. А он ВэПэЗэР?

Пауза.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Угощайтесь, пожалуйста!

N. Благодарю.

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Да-да! Овсяное печенье! Вы любите, надеюсь?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Все великие художники обожали овсяное печенье!

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Дега!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А еще...

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА (*перебивает*). Матисс!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. И...

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА (*перебивает*). Гоген!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А кроме того...

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА (*перебивает*). Кандинский!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Уорхолл!

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. А он – великий?

Пауза.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А чай лучше зеленый, не так ли? (*Долго мешает ложечкой в чашке, неприятно скребет по дну.*)

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Прекрати, пожалуйста! Я терпеть не могу, когда ты так делаешь!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Пардон-пардон!

Н. Мне хотелось бы вернуться к моим баранам. И так. Эти препараты качественно повышают физическое состояние особенно... в зрелом возрасте...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Любопытно-любопытно! Качественно повышают?

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. И как их следует принимать? До еды? Или?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Или после?

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Может быть – вместо? (*Улыбается.*)

Пауза.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А скажите, они горчат?..

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Надеюсь, они пролонгированного действия?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Совместимы ли они с антибиотиками?

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Спроси еще – совместимы ли они с алкоголем!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*с нарочитым упрямством*). А с алкоголем они совместимы?!

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. И, надеюсь, аллергии от них не случится?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А метеоризма?

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Фу! Прекрати сейчас же!

Н. Данная программа социального содействия пожилым, впадшим в маразм, страдающим Альцгеймером, и многими другими заболеваниями, всем беспомощным и бесполезным предполагает регламентированный прием препаратов под контролем и наблюдением. И именно поэтому я все еще здесь. Я должна убедиться, что вы действительно приняли лекарство...

Небольшая пауза.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Их ведь не рекомендуется запивать чаем?

Н. Безусловно.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Даже зеленым? Китайским? Молочный улун?

Н. Увы!

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА (*Павлу Андреевичу*). Ты идиот? Только водой. Только водой!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Я принесу воды.

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Я сама принесу.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Нет-нет Мне вовсе не трудно! Не стоит тебе беспокоиться, дорогая!

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Это мне не составит труда, принести воды, ты и так целый день колготишься, колготишься, как угорелая кошка...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Дорогая, не забывай о своем давлении, пожалуйста!..

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Не тебе с твоей жабой говорить мне об этом...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А ты не берешь в расчет свою подагру... и цистит!..

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. А ты со своим старческим слабоумием забываешь про свой энурез!

Н выходит и через мгновение возвращается с пластмассовым кувшином-фильтром с водой. Наливает в чашки. Садится, прихлебывает чай.

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. О, как славно! Благодарю, дорогая!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Спасибо-спасибо! Так мило с вашей стороны... (*Генриетте Львовне.*) Она прелесть, не правда ли, милая?

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Не хорошо говорить о человеке в его присутствии в третьем лице!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*Н*). Извините-извините меня! Я такой глупый бываю временами...

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Я ужасно не люблю этого твоего спонтанного самоуничижения! Это отвратительно!.. Мне всегда импонировала твоя непосредственность, она всегда придавала тебе шарма, но когда ты начинаешь заигрываться в это...

Н. Ебанько!.. Я так устала... Вы даже не представляете, как я устала...

Пауза.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*Н*). Отчего же вы не едите варенье? Рекомендую все таки попробовать айвового!

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. А я настоятельно советую крыжовенное!..

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. И овсяное печенье!

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. А может быть... Да-да! Ну конечно! Эклеры! Эклеры!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вы знаете, все великие ученые обожали эклеры!

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Эйнштейн!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. И...

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА (*перебивает*). Резерфорд!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А еще...
ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Никола Тесла!
ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Кроме того...
ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Нильс Бор!
ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ты никогда не даешь мне сказать!
ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. Менделеев, наконец!
ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Генри Киссенджер!
ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА. А он ученый?

Продолжительная пауза.

Н (*Павлу Андреевичу*). Послушайте! Вы ведь давным-давно хотите ее убить. Не так ли? Не отрицайте! Вы сотни раз прокручивали у себя в голове – как именно вы убиваете ее. Вы представляли как засовываете ее голову в духовку... как топите ее в ванной резко дернув за ноги... как тупо проламываете ей череп каким-нибудь тупым предметом, например, горячим – прямо с плиты чайником, главное не обвариться самому... Вы мечтали об этом!..

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да!

Н. Ну, так убейте ее, прямо сейчас!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да?

Н. Да!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да!

Н. Запихните ей в глотку эти чертовы капсулы... а заодно овсяное печенье и эклеры!..

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Нет!

Н. Почему?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Я хотел бы иначе!

Павел Андреевич встает из-за стола, заходит за спину Генриетты Львовны, кладет руки ей на плечи.

ГЕНРИЕТТА ЛЬВОВНА (*встает*). Я тоже хочу его убить! Хочу убить!

Павел Андреевич и Генриетта Львовна душат друг друга.

Н подливает себе чай в чашку, зачерпывает серебряной ложечкой варенье из розетки...

Зтм.

ЛАБИРИНТ*

краткая пьеса

...совершить то, что предназначено мне...
то, что суждено совершить мне – знают все...
то, что предстоит мне свершить – знают мойры...
и тот, кого я должен убить, ждет меня...
Сегодня идет снег. Белый, мягкий как пух...
Все знают всё... и я знаю всё... и тот, что ждет меня – знает всё...
я знаю, что должен убить его... я знаю, что его сестра поможет мне
убить его, потому что полюбит меня...
я знаю, что отец покончит с собой, шагнув в пустоту, слепыми глазами
увидев мираж – черный парус...
Там, под землей, в храме Двойной Секиры, глубоко, в огромном, как
город, Лабиринте, меня ждет тот, кого я должен убить...
сын блудливой Пасифаи, сладострастной жены Миноса, и быка из
стад Посейдона.
я знаю, что его зовут – Астерий... чудовище... человек с головой быка...
брат Ариадны...
я знаю, что предстоит мне... а еще я знаю то, чего не знают они... никто
не знает... ни мойры, ни Оракул, ни Пифия...
я знаю, что я уже не вернусь...
Каждый день я спускаюсь в Лабиринт – в это гигантское подземелье,
залитое светом...
тысячи людей спускаются вместе со мной...
они уже перестали бояться... они знают все... они не узнают меня и
никогда не узнают...
тысячи людей стали тенями, создавая это чудо – подземный город,
Лабиринт Астерия...
каждый день я спускаюсь на несколько минут... я привыкаю... я
готовлюсь...
а потом поднимаюсь наверх...
где есть небо, по которому катится колесница Гелиоса, есть звезды,
названные в честь богов...
идет снег...
Скоро я буду готов...
совсем скоро...
сегодня...

Все остается позади...
Ариадна – прости!..
твой дар остался в номере... на стеклянной полке в ванной комна-
те... рядом с моей опасной бритвой, зубной щеткой... дешевым гостинич-
ным мылом в разорванной розовой упаковке, лосьоном после бритья...
Ты ушла утром, пока я еще блуждал в туманных туннелях царства
Морфея...
что мне снилось?..
то же, что и всегда...
Лабиринт, бесконечный как вселенная, темный и непознаваемый...
ты не нарушила моего сна...

*Текст передан автором несколько лет назад в редакцию журнала "Город" – в качестве "технического наполнителя". По ряду причин опубликован не был.

Ариадна!..

твой дар лежал на стекле, отраженный туалетным зеркалом – флос, зубная нить...

ты оставила ее мне – свою нить...

забавно... я знаю эту историю про нить, как и все знают ее... хотя они не знают... тем не менее, было забавно, что твой дар выглядел именно так – зубная нить, флос...

Ариадна!..

я увидел тебя только вчера, и сразу понял, что это ты, узнал тебя...

и тебе не нужно было ничего говорить, не нужно было называть свое имя...

долгой ночью... неистойой, как вакханка...

на моей спине кровавые борозды, словно ты хотела вспахать мою плоть, чтобы засеять зубами дракона...

следы твоих зубов на моей шее и плечах...

было больно под горячей струей душа...

Мне нужно идти дальше... нужно спуститься по каменным ступеням...

может быть, их нужно сосчитать, на счастье... но я всегда сбиваюсь со счета...

я иду мимо этих женщин, похожих на мойр, с сигаретами, газетами, журналами, как трупики, запаянными в целлофан... иногда у них в руках маленькие пучки каких-то желтых цветов...

мне нужно пройти этот длинный переход...

где оборванные нищие-попрошайки с картонками на шее, как приговоренные к казни преступники, на табличках – перечисление всех их вин и грехов...

и калеки, и грязные женщины с маленькими детьми на руках, может быть, уже мертвыми...

Все они охраняют вход...

в Лабиринт, в котором ждет меня Астерий...

первая буква другого его имени – Минотавр, и одновременно – символ Двойной Секиры – всегда горит над каждым входом в подземелье, в его владения, в Лабиринт...

где тени движутся, словно спят на ходу, их глаза не останавливаются ни на чем, словно они слепые, они движутся, движутся бесконечными потоками...

я знаю, что это люди, ставшие тенями...

Ариадна!..

твой дар – твоя нить осталась там, наверху, в номере отеля...

мне не нужен твой дар, как не нужна твоя любовь, за которую я заплачу...

потому что мне никто и ничто не может помочь...

пройти этот бесконечный переход, полный теней... чтобы спуститься глубже...

пройти его до конца, пройти сквозь стеклянные двери, сквозь сухой душный ветер, а там – ступени, которые сами несут меня вниз, где начинается Лабиринт и царство Танатоса...

залы, залитые светом, который светлее, чем свет дня, мраморные колонны, гранит, изразцы, мозаичные панно и лепнина на сводчатых потолках, бронзовые статуи героев...

в конце пустого зала – все-все, даже тени остались позади – в конце – черный, как отверстая пасть чудовища – вход, в разветвления его нор – в Лабиринт...

Астерий! Минотавр!..

никто не знает, какой он на самом деле...

потому что он совсем не такой, каким его представляют, каким рисуют его на амфорах и кубках, иллюстрациях в книгах по греческой мифологии – человек с головой быка...

нет!..

он куда более страшен, он громаден, велик...

гигантский червь, сделанный из железа, прорывший эти переходы, эти туннели, эти гроты, этот Лабиринт под землей...

хтоническое чудовище, огромный железный червь, живущий в темноте, пожирающий души и плоть...

длинные железные полосы на земле – его след, уходящий во тьму...

я стою на краю, я спрыгиваю вниз...

кажется, кто-то кричит у меня за спиной, кто-то из сонма теней...

я иду по его следам...

Мертвый ветер, бьющий в лицо, и гул, пока еще далекий, но нарастающий, а еще страх – стальными иглами вонзающийся в кожу, предвещают его явление...

я вступаю во тьму... и мне страшно...

потому что я знаю, что я не вернусь никогда...

Готов ли я?.. я готов, я жду тебя, Астерий!.. я иду навстречу тебе!..

Ариадна, прощай!..

прощай, отец!..

прощайте все!..

Я вижу его глаза!.. они светят так ярко, они ослепляют, они губительны, как взгляд Горгоны или василиска...

гул превращается в грохот – он все ближе... Я хочу вернуться... но не могу...

и я не могу победить его...

потому что никто из смертных, и даже боги не смогут одолеть это чудовище – Минотавра...

ослепленный, иду я навстречу своей смерти...

Я – Тесей, потомок Эрихтония, рожденный из семени Гефеста, потомок Краная, потомок Кекропа, сын Эгея, сына Посейдона, моя мать – Эфра, предки ее – Пелоп, отец Титфея, Атрея, Фиеста, а значит – Тантал, и, значит, – сам Зевс, я не могу совершить то, что предназначено мне...

Прощай, Ариадна!

– Да, товарищ сержант, я ж говорил же уже... Ну откуда я знаю-то, блин? Ну, видел... Ну, он, значит, так подошел к краю перрона, ну и потом, оп! – спрыгнул, блин, и пошел в туннель... Ебнутый! Ой, извините!.. А там поезд как раз тут!.. Может, пьяный, я же не нюхал его! С ним не пил! Может, укуренный-ширнутый – наркоман, может... Может, переключило у него в башке, он решил, что он это... Анна Каренина... Что?.. Кто умничает? Я – нет! Нормальные у меня зрачки! Да вы че, блин! Я-то при чем, вообще?!.. Мои-то вам зачем документы?.. Вот, блядь!!!..

Fin.

РЕЗЮМЕ*

Леванов Вадим Николаевич. Родился 13 февраля 1967 г. в г. Тольятти.

Прозаик, драматург, режиссер, окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза Российских Писателей, Союза Писателей Москвы, Международного литфонда, Тольяттинской писательской организации, член редколлегии журнала «Ставрополь-на-Волге-Город-Тольятти».

Участвовал в международных фестивалях, семинарах и форумах: в Щельково, Любимовке, фестивале новых пьес «Документальный театр» (г. Москва), в работе российско-британского семинара «Новая пьеса/New Writing» (г. Москва) и Совещании молодых писателей в Переделкино, а также театральном фестивале «passages» в г. Нанси (Франция) и круглом столе, посвященном современной русской драматургии в г. Париже, театральных фестивалях «Золотая репка» (Самара), «Реальный театр» (г. Екатеринбург), «Est-Ouest» г. Ди (Франция), «Молодые театры России» (г. Омск), «Свободный театр» г. Минск (Беларусь), а также в форумах «Культурная столица Поволжья» (в гг. Ульяновск, Ижевск, Димитровград), «Курболесия» г. Харьков (Украина).

В 1998 г. пьеса «Выглядки» вошла в шорт-лист премии «Три сестры» (Антибукер 1998).

Пьеса «Шкаф» получила третье место в конкурсе русской сетевой литературы «Тенета-рунет» 1999 г.

В 1999-2007 гг. в качестве арт-директора занимался организацией и проведением международного фестиваля драматургии театра и современного искусства «Майские чтения» в г. Тольятти, а также был редактором одноименного литературного альманаха.

В 2001-2007 гг. являлся художественным руководителем Театрального центра Голосова-20, г. Тольятти.

В 2000-2007 гг. принимал участие в российско-британском проекте «CLASS ACT». Принимал участие и в других проектах Британского Совета, в том числе – в Фестивале британской драматургии (Москва, 2006 г.).

Был постоянным участником фестиваля «Новая драма» (Москва). В 2005 и 2007 гг. – член жюри, в 2008 г. – отборщик фестиваля «Новая драма».

В 2005-2006 гг. участвовал в режиссерско-драматургической лаборатории «МестоИмениЯ» в Никольском-Вяземском и Ясной Поляне.

В 2006 г. участвовал в международной драматургической лаборатории в г. Паланга (Литва).

В 2007-2009 гг. принимал участие в Международных научных конференциях «Современная российская драма» в университетах гг. Казани, Самары, Тольятти, Гиссена (Германия).

* Авторизованная биография, 2009 г.

Автор более тридцати пьес, а также киносценариев, рассказов и эссе. Пьесы публиковались в журналах: «Сюжеты», «Современная драматургия», «УВУ» (Франция), «Ставрополь-на-Волге-Город-Тольятти», «Самара», «Самара и Губерния», альманахе «Майские чтения», вестнике «Драма Поволжья», журнале «Missives» (Франция), коллективных сборниках «Одинокий русский писатель», «Театр.ДОС», «Ночь с театром» и др.

Пьесы ставились в Москве, Тольятти, Нанси (Франция), Екатеринбург, Элисте, Липецке, Ди (Франция), Саратове, Клайпеде (Литва), Ханты-Мансийске, Гиссене (Германия) и др.

Последняя премьера – спектакль «Ксения. История любви» по пьесе «Святая блаженная Ксения Петербургская в житии» на сцене Александринского театра (г. Санкт-Петербург) в постановке Валерия Фокина.

Один из авторов сериала «Школа».

Сборник пьес «Courtes pieces» на французском языке выходил в издательстве Les Solitaires Intempestifs в 2001 г., авторский сборник «Пьесы» издан литературным агентством Вячеслава Смирнова в 2001 г.

Лауреат Премии Губернатора Самарской области для людей с ограниченными возможностями, 2002 г.

Лауреат премии «Хрустальная роза Виктора Розова», 2004 г. (г. Москва).

Лауреат премии драматургического конкурса «Евразия», 2007 г. (г. Екатеринбург).

СОДЕРЖАНИЕ

Шкаф.....	5
Сказка про тайного советника Василия Никитича Татищева, персидскую княжну и клад Стеньки Разина.....	35
Аргон и Тени.....	47
Настройщик.....	97
На том краю моря.....	109
Что значит заслонить?.....	119
Вкус жизни.....	127
Святая Блаженная Ксения Петербургская в житии.....	135
Отрывной календарь.....	173
Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание.....	189
Геронтофобия и др.....	235
Лабиринт.....	275
Авторизованная биография.....	278

Литературное агентство В. Смирнова. Тольятти 2013
ИД № 00092 от 27.08.99.

ЛЕВАНОВ ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ

**ПЬЕСЫ И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ "ГОРОД"**

Издание осуществлено на средства
Марины Шаповаловой и Вячеслава Смирнова

Макет, верстка **Владимир Мисюк**

Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.

Заказ №

Подписано в печать 18.10.2012.

Формат 60x84 / 16.

Гарнитура "Peterburg".

Бумага типографская.

Печать офсетная.

Объем печ. л. – 17,5; 16 с. вкл.: ил.

Тираж 500 экз.